ВЕСЬ ПЛАМЕНЬ
ПРЕДАННОГО
СЕРДЦА
ГУСЕЙН НАДЖАФОВ

...порядке подавать суда и ... органам ...
...,принимать меры к ... действительному отправлению
...ем этих грузов и проверить действия органов ...
...тного транспорта , а также мастерские,заводи ...
... должны, в случае надобности ,быть передаваемы
...по первому его требованию.
... поручается принять все меры к снабжению Бакинск...
... семейств ,для чего Наркомпроду и его органам
... реально передавать с ссыпных пунктов количеств...
...чету на 150 тысяч едоков,или предоставить опре...
...готовки продовольствия.
... предоставляется право предавать суду Ревтрибу...
...нении его распоряжений,подавать телеграммы с над...
...зоваться прямыми проводами для переговоров и теле...
...свой вагон для проезда по ж.д. с правом прицеп...
...пользоваться , кроме того, вне всякой очереди
... транспортом.
... Совета Труда
...
... Труда и Обороны
... Совета Труда и
...бороны

...ЛИСТИЧЕСКАЯ ФЕДЕРАТИВНАЯ СОВЕТСКАЯ
РЕСПУБЛИКА.

СОВЕТ
РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОЙ ОБОРОНЫ.

Москва, Кремль.

17/IV 1920 г.

№ 6355

М А Н Д А Т

Совет Труда и Обороны
Павловича СЕРЕБРОВСКОГО ч
теля Бакинского Неф.яного
чи:

I/ организацию Нефтяного
не, согласно заданий В.С.Н..
производительности труда.

2/ Руководство делом пог
продуктов.

3/ Широкое и всестороннее
лей военных, морских и граждан
ствующие органы.

В отношении этих задач распо
СКОГО являются безусловно обяза
стей и учреждений, как граждансь
ских.

Военному командованию...
зывать...

Настоящий мандат Цека подтверждает.
Секретарь

ГУСЕЙН НАДЖАФОВ

ВЕСЬ ПЛАМЕНЬ ПРЕДАННОГО СЕРДЦА

ОБ А. П. СЕРЕБРОВСКОМ

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
1990

ББК 66 61(2)8
Н17

Н $\frac{0902020000-062}{079(02)-90}$ 228—90

ISBN 5—250—00916—6

ПЕРЕД ДОРОГОЙ

В ту апрельскую ночь двадцатого года Александр Павлович Серебровский пришел домой поздно и, волнуясь, сказал жене:

— Знаешь, Аня, я только что от Ильича. Собирался домой, как позвонили из Кремля: Ленин просит срочно прийти. Захватил последние сводки и помчался. Знаешь, что он мне предложил? Ехать в Баку за нефтью!

— Помилуй,— опешила Анна Ивановна.—Но там у власти...

— Верно, мусаватисты. Вот и я задал Ильичу этот вопрос. А он, знаешь, лукаво так улыбнулся и говорит: пока вы доберетесь до Баку, там уже восторжествует Советская власть. Ваша, говорит, задача — архиспешно переправить все запасы нефти по Волге и железной дороге в Россию, и спрашивает: «Александр Павлович, вы ведь, кажется, работали в Баку?» Представляешь, более десяти лет назад в Париже я рассказывал ему о работе на нефтяных промыслах, а он помнит.

— Я ничего не знаю о Баку,— задумчиво произнесла Анна Ивановна,— кроме высказывания Чехова: «И за миллион не согласился бы там жить». Он тоже страдал чахоткой...

— Да, сажи там много...— Серебровскому вспомнился черный, густой, в полнеба дым над горящими промыслами.— Ну что ж, пока я поеду один, а там видно будет. Ложись-ка ты, скоро утро.— Он проводил жену в спальню и вернулся к письменному столу.

Работать он не собирался. Просто хотелось побыть наедине со своими мыслями и воспоминаниями, которые всколыхнула и растревожила встреча с Лениным. Снова и снова вспоминал ее подробности. И эти воспоминания, как за ниточку, потянули из памяти зримые картины прошлых встреч с Владимиром Ильичем: в Петербурге, Брюсселе, Петрограде, Москве. Вспомнился и тот далекий день в конце прошлого века, когда он впервые увидел в Уфе молодого Ульянова. И как открытие пришла мысль, что каждая из встреч с Лениным была поворотным моментам в его судьбе, началом нового этапа его жизни. Теперь вот кончается еще один этап, начинается

новый. Состояние Серебровского в эти минуты можно сравнить разве что с состоянием пассажира, сошедшего ночью на маленькой пересадочной станции и, в ожидании поезда в другом направлении, помнящего езду в только что прогромыхавшем. Ему идет тридцать шестой. Как они прожиты, эти годы? Что ожидает его впереди?

Серебровский извлек из ящика папку, стал перебирать и перечитывать мандаты, удостоверения, письма, выписки из протоколов различных организаций, и каждый документ напомнил ему какую-то пору его жизни.

Время сохранило для нас и эти и другие архивные документы, о существовании которых Серебровский не знал, и теперь мы можем воссоздать его жизнь гораздо полнее, чем она представлялась ему в ту апрельскую ночь двадцатого года.

«ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПРЕСТУПНИК» СЕРЕБРОВСКИЙ

21 октября 1902 года в губернском городе Уфе произошло событие, равного которому здесь никогда не случалось.

Какой была Уфа конца прошлого столетия? Глухой, провинциальный городишко с деревянными домиками и садиками вдоль поросших травой улиц; они лучами уходили прямо в поле от большой, круглой площади с длинными торговыми рядами, шумными в базарные дни. Несколько добротных двух- и трехэтажных каменных зданий, в которых размещались почта, аптека и две гостиницы: «Гранд-отель с нумерами» и «Большая Сибирская», отличавшаяся от первой тем, что имела электрическое освещение. Промышленность города представляли чугунолитейный заводик Гутмана, мыловаренный завод Вогуа, мельница Костерина, лесопилка да десятка два кустарных мастерских. Само название улиц: Губернская, Жандармская, Тюремная — свидетельствовало о том, что в городе царит верноподданнический порядок и покой.

В 1883 году через Уфу пролегла железная дорога Самара — Златоуст, и здесь открыли Главные мастерские по обслуживанию дороги — крупное промышленное предприятие с двумя тысячами рабочих, среди которых были и политически неблагонадежные, сосланные под

гласный надзор полиции. Хлопот у властей прибавилось.

А с 1900 года, когда из Шушенского в Уфу приехала отбывать последний год своей ссылки Н. К. Крупская, и особенно после того, как к ней с разрешения губернатора приезжал погостить ее супруг В. И. Ульянов, колония политических ссыльных заметно оживила свою работу.

Полиция знала, что всю «крамолу» организует и направляет Уфимский рабочий комитет социал-демократов. Это он издает нелегальную газету «Уральский рабочий» и прокламации, ведет агитацию среди рабочих, подбивает их на стачки, устраивает маевки. Вот в нынешнем году, например, сколько народу тайком собралось на Уфимке! Полиция кинулась к месту сборища, но манифестанты успели скрыться.

Однако все это не шло ни в какое сравнение с тем, что случилось 21 октября, когда Россия праздновала день восшествия на престол Николая II. В тот день проездом через Уфу в Петербург возвращался министр финансов. На вокзале собрались все «отцы города». Министр в хорошем расположении духа сошел на перрон:

— Здравствуйте, господа, с превеликим праздником!

Градоначальник покорнейше пригласил отметить праздник «чем бог послал». Все направились к вокзалу. И надо же, никто из свиты не обратил внимания на небольшой листок, наспех, косо наклеенный на доске объявлений возле входа в здание вокзала. А министр заметил, подошел, глянул и побелел: на листке крупными буквами было напечатано... «Долой самодержавие!» Что там дальше было написано, он не успел прочесть, чья-то рука поспешно сорвала листовку.

— Что это, господа? — гневно спросил министр, оборотясь к оцепеневшей толпе.— Хорош подарочек к цареву дню! — И направился обратно в вагон...

Едва начальник жандармского управления полковник Шатров с зажатой в руке листовкой ворвался в свой кабинет и шумно хлопнул дверью, его адъютант ротмистр Долгов последовал за ним и положил на письменный стол стопку таких же листовок.

— Ваше благородие, собрано в Северной слободе и по городу...

— Попросите полицмейстера пожаловать ко мне.

— Слушаюсь!

Долгов вышел, а полковник придвинул к себе листовки, заскользил взглядом по строкам: «Товарищи! Доволь-

но молчать перед правительством и деспотом царем!.. Сплотимся дружнее... и стряхнем с себя его иго рабства, от которого несутся миллионы стонов со всех концов России... В день восшествия на престол мы открыто заявляем царю, что мы отказываемся праздновать этот день, день позора для нашей страны. Итак, товарищи, долой самодержавие, долой царские дни!»

— Это ж открытый призыв к революции! — возмущался полковник.— Тут явно чувствуется рука закоренелого эсдека...

Вся сыскная служба Уфы была поднята на ноги. Уже на следующий день полицмейстер Смирнов доносил полковнику Шатрову: «Имею честь уведомить ваше высокоблагородие, что, по некоторым сведениям, за справедливость которых ручаться было бы рискованно, не малую роль играли в подмете прокламации...» — далее следовали фамилии: машинист Ухтомский, помощник машиниста Веретельников, служащий при общественной библиотеке Зимин, бывший гимназист Серебровский, техник Капустин...

Еще через день начальник уфимского отделения Самарского жандармского управления железной дороги прислал список лиц, находившихся в «царский день» на территории мастерских и заподозренных в агитации.

— Опять Серебровский! — насторожился полковник.— Ох уж эти Серебровские!..

По роду своей службы он знал, что глава семьи, потомственный почетный гражданин, бывший народоволец Павел Петрович Серебровский, в семидесятых годах проходил по «делу 193-х»[1], три года просидел в казематах Петропавловской крепости, потом отбывал двадцать лет ссылки в Сибири и на Урале, затем поселился в Уфе. Здесь ни в чем предосудительном замечен не был, работает управляющим деревообделочной фабрики Заварницкого. Но дети его... «Впрочем, не все, не все,— и полковник стал перебирать в памяти.— Старший, Сергей, теперь студент Московского университета, пусть у московской охранки и болит голова. Борис... ну, он на излечении в земской психиатрической лечебнице, девица Вера не в счет, а вот младший, Александр... этот явный социал-демократ. Далеко может зайти, если вовремя не пресечь».

[1] Крупнейший политический процесс над революционными народниками — участниками «хождения в народ» (арестовано свыше 4 тысяч человек). Им было предъявлено обвинение в создании организации с целью свержения существующего строя.

Полковник затребовал досье Александра Серебровского, заведенное осенью 1900 года. Именно тогда ученик шестого класса гимназии впервые попал в поле зрения жандармерии. По донесению надзирателей в гимназии образовался «противоправительственный кружок», в который входили братья Серебровские, Сперанский, Сахаров, Гарденин, Рябинин и Филатов. Воспитанники читали запрещенные сочинения Чернышевского, Льва Толстого и «всякую прочую социально опасную литературу».

Полиция в один и тот же час нагрянула ко всем поименованным гимназистам. Чутье подсказывало полковнику, что кружок создали братья Серебровские. Полковнику казалось, что он имеет дело с зелеными юнцами, увлекшимися революционной романтикой. Но, к его удивлению, гимназисты оказались умелыми конспираторами. Обыск ничего не дал. Дело о «противоправительственном кружке» пришлось закрыть.

За два года, минувших с тех пор, досье Александра Серебровского пополнилось. Вот сообщение директора гимназии: за год до возникновения кружка, летом 1899 года, ученик пятого класса Александр Серебровский с его, директора, и начальника железнодорожных мастерских разрешения поступил учеником в сборный цех, «чтобы лучше ознакомиться с производством, имея в виду поступить по окончании гимназии в технологический институт».

«Ой ли?» — усомнился полковник, догадываясь, что именно потянуло гимназиста в гущу рабочей среды. И доносы подтвердили это: гимназист завел близкое знакомство с бригадиром тендерного цеха Якутовым, а тот, как известно, ведет «вредные» разговоры с молодыми рабочими, посещает дом на углу Жандармской и Тюремной улиц, в котором поселилась поднадзорная социал-демократка Крупская.

Следующая страница. В декабре 1901 года Серебровский ушел из последнего, восьмого класса гимназии, перешел на постоянную работу в мастерские. Ведет пропаганду среди рабочих...

Агент сообщает, что Серебровский участвовал в рабочей маевке 1 мая 1902 года на реке Уфимке.

Июнь того же года. Сообщение об увольнении Серебровского из железнодорожных мастерских. «Ну, это не без нашего участия»,— усмехнулся полковник.

Сентябрь. Донос агента о том, что Серебровский собирается ехать в Москву. Вот копия его, Шатрова, сек-

ретного письма начальнику Московского охранного отделения о необходимости установления за Серебровским «строгого наблюдения, ввиду его преступной пропаганды среди рабочих и вообще его серьезной социал-революционной деятельности...».

А вот ответ из Москвы: «Взятый под негласное наблюдение Серебровский через несколько дней выбыл в Петербург».

И последнее сообщение. Октябрь. Серебровский вернулся в Уфу, поступил в мастерскую завода Заварницкого.

«Принесла нелегкая!» — полковник подшил в досье донесения полицмейстера Смирнова и ответ начальника жандармского управления железной дороги, приказал установить за Серебровским особо строгое наблюдение.

...В ночь на 31 октября жандармы явились в маленький дом Серебровских в предместье Уфы, называвшееся «Кавказ». Ротмистр Долгов предъявил ордер на обыск. Хмурый отец, встревоженная мачеха (первая жена, Александра Михайловна, скончалась от туберкулеза, когда Саше было два года), перепуганная сестра Вера молча смотрели на жандармов, переворачивавших все вверх дном. Александру было совестно перед родителями за это нашествие и погром. Внешне он казался спокойным, даже чуть насмешливым,— ожидая этот визит, успел вынести из дома и спрятал все, что могло послужить уликой против него. Долгов сидел за обеденным столом и просматривал записные книжки Серебровского, изредка удивленно произнося вслух: «Маркс?», «Лафарг?»

«Ну, за это меня не посадят,— успокаивал себя Александр.— А все-таки лучше было бы спрятать и их...»

На рассвете Серебровского увели. Прощаясь, отец крепко пожал ему руку и сказал:

— Вот и тебе выпала моя доля. Мужайся, Саша!

Утром, явившись в управление и осмотрев изъятое при обыске, полковник Шатров продиктовал ротмистру секретное донесение в департамент полиции:

«Ввиду неоднократно получавшихся мною сведений о существовании социал-революционной пропаганды среди рабочих ж.-д. мастерских с указанием, как на агитатора, на бывшего воспитанника Уфимской гимназии Ал-ра Серебровского и принимая во внимание, что он же, по добытым мною ныне агентурным путем данным, подозревается в составлении и отгектографировании преступной

прокламации «Долой самодержавие»... Ал-др Павлов Серебровский мною арестован и заключен под стражу в Уфимскую тюрьму и будет привлекаться в качестве обвиняемого к дознанию, производящемуся при вверенном мне управлении по делу о распространении в Уфе указанной прокламации».

...Единственное, что скрашивало томительное пребывание Александра в одиночке,— это книги. В тюремном журнале с каждым днем рос список выданных ему книг. Это были учебники алгебры, геометрии, тригонометрии, физики, программы состязательного вступительного экзамена, работы И. Канта, сочинения Ф. Достоевского, Н. Лескова, Н. Михайловского, журналы «Русское богатство», «Мир божий», «Вестник Европы», книги по истории крепостного права в России, о развитии промышленности в Англии, по аграрному вопросу, о рабочем движении на Западе... Широк и многогранен был круг интересов Серебровского.

Несмотря на суровый тюремный режим, в камеру проникали вести с воли. Так, Серебровский узнал, что его друг Мавринский тоже сидит в одиночке, и наладил с ним переписку.

Дни шли за днями, а дознанию не видно было конца. Не суждено было Серебровскому на воле отметить свое восемнадцатилетие. И новый, 1903 год встретил он в камере.

В конце марта, после пяти месяцев предварительного заключения, Серебровского отправили в Самару, а его «Дело», состоящее из 174 страниц,— прокурору Казанской судебной палаты.

Самарская тюрьма была буквально «заселена» уфимцами. Дни заточения проходили в чтении и диспутах, все больше формировавших и оттачивавших революционное сознание Серебровского.

15 августа 1903 года канцелярия уфимского губернатора сообщила начальнику губернского жандармского управления:

«Арестант Серебровский, содержавшийся в Самарской тюрьме, передан 2 сего августа отцу его, потомственному почетному гражданину Павлу Петровичу Серебровскому, проживающему в Уфе, с обязательством представить сына местному, по месту жительства его, губернскому начальству».

Снова в Уфе, дома, среди друзей и родных! И пусть за его каждым шагом зорко следят филеры, он не будет

сидеть сложа руки. Вернувшись на место слесаря в мастерскую завода Заварницкого, Серебровский очень скоро восстановил связи с друзьями по подпольной работе. От старшего товарища Якутова узнал, что после провалов и арестов образован новый «искровский» комитет РСДРП. В состав комитета, кроме него, Якутова, входят Николай Николаевич Покровский и его жена Мария Казимировна, Лидия Ивановна Бойкова (немало способствовавшие политическому образованию Серебровского), его гимназический друг Сергей Гарденин и другие, все они хорошо знали Сашу. И как акт заслуженного доверия — Александра принимают в члены партии, а вскоре вводят в состав Уфимского комитета РСДРП.

Больше ответственности — сложнее поручения. Серебровский ведет агитацию среди рабочей молодежи Уфы, налаживает связи с рабочими Златоуста, Миньяра и Симска, снабжает их нелегальной литературой, в издании которой принимает активное участие.

Днем на работе, ночами в типографии, благо она рядом, на «Кавказе», на квартире рабочего Клюева, жившего с женой в доме ломовика. Как-то хозяйка неожиданно вошла в комнату Клюева и заметила на столе рассыпанный шрифт. У ломовика с полицией были свои счеты, он не стал доносить, только предупредил Клюева, чтобы убрали из дома «печатную машинку». Серебровский в то время только что поселился в маленьком доме около лесопилки Кауля, куда перешел работать. Типографию перенесли к нему, установили в подполье.

Через несколько дней нагрянули жандармы!..

Дело в том, что после возвращения Серебровского в Уфу продолжалась переписка, решавшая его судьбу. 24 октября 1903 года губернатор получил распоряжение министра внутренних дел выслать Серебровского в Вятскую губернию.

И на следующий день к Серебровским явился все тот же ротмистр Долгов. Снова перерыли все. Обыск близился к концу, когда один из жандармов обнаружил потайной ход в подполье и полез туда. Сердце оборвалось у Серебровского. «Ну, все пропало!» Минуты показались вечностью. Наконец жандарм вылез и доложил, что в подвале... ничего нет. Александр благодарно посмотрел на него. Значит, и среди жандармов есть сочувствующие большевикам? Но как он рисковал!

На этот раз Серебровский не долго пробыл в тюрьме.

В конце октября его выслали по этапу. Только в начале февраля 1904 года прибыл он в Яранск Вятской губернии, к месту своей ссылки. Еще в пути он твердо решил не торчать три года в захолустье под гласным надзором. Не мешкая, принялся осуществлять свой замысел. В первую очередь надо было обзавестись фальшивым паспортом. Раздобыть его помог социал-демократ, знакомый по Вятке. Теперь предстояло решить, куда податься. Он написал в Самару, товарищу: «Можете располагать мною с мая месяца. Документ у меня есть, но срок его кончается в июне. Я — социал-демократ, «искрист». Ответа не последовало. Серебровский вспомнил, что в Казани работал Лихачев, с которым он сидел в Уфимской тюрьме. Решил податься туда. В начале марта пешком ушел из Яранска. Ушел, отрезав себе путь назад, в легальную жизнь, в отчий дом, ушел, чтобы надолго исчезнуть как Серебровский и появляться там, куда пошлет партия, под чужими фамилиями, с поддельными паспортами; ушел, добровольно обрек себя на полную борьбы и опасностей, тревог и лишений скитальческую жизнь революционера-подпольщика...

Обносившийся и заросший, Серебровский добрался до Казани, разыскал Лихачева. Он свел Александра с членами Казанского комитета РСДРП. Там ему дали новый паспорт, явку в Ярославле и направили в распоряжение Северного комитета РСДРП.

ОН ЖЕ...

Во второй половине апреля 1904 года в сводках иваново-вознесенских жандармов, представляемых во Владимирское губернское жандармское управление, замелькала новая фамилия:

«...В Иваново-Вознесенск прибыл другой, нелегальный по-видимому, рабочий. Проживает по паспорту Александра Ефимовича Денисова. Не имеет определенной квартиры».

«Денисов служит в качестве простого рабочего на заводе Зубкова... проживает в одной квартире с П. И. Батраковым».

«Революционная кличка Денисова Шпак».

«Шпак собирал представителей 1-го и 3-го районов. Все они выразили надежду, что организуют демонстрацию на 2 мая».

Но 2 мая помощник начальника Владимирского губернского жандармского управления сообщил в департамент полиции:

«...Задержанный мною сего, 30, апреля неизвестный, который называл себя Александром Ефимовичем Денисовым, сего дня на допросе в канцелярии объяснил, что он не Денисов, а Серебровский Александр Павлович, 19 лет, потомственный гражданин г. Уфы, привлекался к дознанию в 1902 г. при Уфимском губернском жандармском управлении и водворен под надзор полиции в Вятскую губернию. Оттуда скрылся весной текущего года, побывал в Казани, Самаре, Нижнем Новгороде, сего, 19, апреля приехал в Иваново-Вознесенск...»

Почему такое признание? Что это? Сожаление о скором и нелепом провале? Или раскаяние в содеянном, желание вернуться на «праведную стезю» под гласный надзор полиции? Ни то ни другое. Просто Серебровский не хотел терять времени в тюрьме, ждать, пока будут посылаться запросы и выясняться его личность. У него был свой план.

Через три дня, когда тайное стало явным, из Владимира в Департамент полиции пошло новое донесение:

«...5 мая около 8 часов вечера он передан в распоряжение местного полицмейстера и пересылался в Шуйскую уездную тюрьму. Прибыл на ст. Иваново, при посадке в вагон скрылся от сопровождавших его полицейских служителей».

Срочно оповестили все полицейские отделения губернии, сообщили приметы Серебровского. В городах, на станциях железной дороги и почтовом тракте устроили засады, хватали мало-мальски похожих. Тщетно! Беглец исчез, как иголка в стоге сена...

...В конце июня в один из полицейских участков Одессы пришел молодой человек и предъявил паспорт для прописки. Судя по документу, это был крестьянин деревни Шишовка, Успенской области, Яранского уезда, Вятской губернии, Алексей Васильевич Ухов. Работает слесарем в механической мастерской в Дальницком районе. Желает прописаться в доме № 20 по Нежинской улице. Его прописали.

Спустя месяца полтора в секретных донесениях охранного отделения мелькнуло настораживающее сообщение:

«...В нелегальных сферах города Одессы появился

неизвестный молодой человек, присвоивший себе революционную кличку Григорий.

Григорий был взят под наблюдение. Филеры доносили:

«Вначале он сосредоточил свою преступную деятельность главным образом среди социал-демократов так называемого Дальницкого района, где непосредственно заведовал центральным кружком рабочих. Последний собирался несколько раз в различных глухих местах за городом, причем Григорий последовательно проходил с кружком особо составленную для того программу необходимых рабочим знаний».

Агентам было поручено установить личность загадочного Григория. Многие рабочие попали под подозрение, в том числе и Алексей Ухов. 20 августа, когда Ухов находился на работе, у него на квартире произвели обыск. Ничего компрометирующего не нашли. Но в ночь на 21 августа он был арестован.

Наутро начальник охранного отделения докладывал начальнику жандармского управления города Одессы:

«20 августа, утром, мною получены были агентурные сведения, что вечером того же дня начнется ночная сходка представителей центральных кружков за городом, где будут находиться Григорий и еще какие-то интеллигенты, желающие совместно с рабочими выработать наилучший план устройства демонстрации. Местом сходки избрана была отдаленная местность за городом, в больших ямах заброшенного кирпичного завода.

По получении указанных сведений мною были командированы днем для осмотра места сходки наблюдательные агенты, а ночью эти люди довели до сходки полицейские наряды и сами вернулись...»

Сигнальщики, увидев полицейских, подняли тревогу, так что удалось схватить только четырнадцать человек, остальные разбежались. Среди задержанных оказался и Алексей Ухов, успевший проглотить какую-то записку.

В полицейском участке пристав Погребной допытывался:

— Ну-с, который из вас Григорий?

Никто не признался. Жандармское управление послало запросы в Петербург и в города, откуда прибыли задержанные. За недостаточностью улик никто из них не привлекался пока к дознанию.

Градоначальник Одессы 3 сентября постановил подвергнуть аресту, считая таковой со дня заключения, кого на три, кого на два месяца.

Алексею Ухову предстояло отсидеть два месяца. Но прошел ровно месяц со дня ареста, и он вышел на свободу. Этим он был обязан самому Николаю II, посетившему город. «В ознакомление благополучного прибытия его императорского величества» заключенным скостили сроки ровно наполовину.

Через четыре дня из Петербурга пришел ответ: Алексей Васильевич Ухов не кто иной, как Александр Павлович Серебровский, разыскиваемый по всей России как важный государственный преступник, и его надлежит под усиленным конвоем препроводить во Владимир.

Жандармы кинулись искать Серебровского — Ухова, но его и след простыл, исчез и Григорий.

Точное местопребывание Серебровского одесской охранке удалось установить только 8 января 1905 года, когда она перехватила письмо из Петербурга, подписанное «Гришка».

«У нас в Питере всеобщая стачка,— читали охранники откровения Гришки.— Завтра число стачечников дойдет до 180 000, то есть будет равно всему фабрично-заводскому населению Питера... Вчера было решено идти... к Зимнему дворцу и подать петицию Николаю... Только что поступил на Путиловский и вот...»

...Вечером того же дня, когда одесская охранка знакомилась с письмом Гришки, в Петербурге, за Нарвской заставой, на бывшей Овсянниковской даче, собралось народу — яблоку негде упасть. В большой гостиной заседало правление «Союза русских фабрично-заводских рабочих». Солидные, степенные люди, все больше мастера и высокооплачиваемые рабочие Путиловского завода, внимательно слушали речь попа Георгия Гапона:

— Товарищи! Мы ходили к директору и ничего не добились, к градоначальнику ходили — тоже ничего, к министрам — и опять же ничего. Так пойдемте, товарищи, к самому царю! И если надо будет, головы сложим, но своего добьемся! Спаси, господи, люди твоя...

Закончив речь, Гапон поспешно ретировался: предстояли выступления и в других «собраниях» и «чайных» — отделениях расползшейся по Петербургу организации, созданной с разрешения правительства якобы для защиты экономических интересов рабочих и для куль-

турно-просветительской деятельности среди них, а на самом деле для того, чтобы держать рабочих в узде, отвлечь их от политической борьбы.

Заседание продолжалось. Слова попросил молодой слесарь кузнечной мастерской Путиловского завода Андрей Глазунов. В зале зашумели, зашикали:

— Опять Глазунов! Что его слушать? Гони в шею сморкача!

— Тихо, товарищи! Пусть говорит, он же наш, гапоновец,— заступился за него пожилой кузнец, член правления гапоновского «собрания», на квартире которого жил Глазунов.— Дайте ему сказать.

Имя слесаря Андрея Глазунова всплыло 3 января, когда из-за увольнения четырех рабочих колесного цеха забастовал весь Путиловский завод. Присутствовавшие знали: Глазунов входил в состав делегации для переговоров с директором, участвовал в составлении петиции к царю. Но им, ослепленным речами Гапона, не нравилось, что Глазунов перечит отцу.

— Товарищи! Отец Гапон правильно сказал, куда мы ни ходили, нигде не добились правды. Так неужто царь пойдет против своих министров?

В гостиной зашумели:

— Ты ясно говори, за что ратуешь? Аль не согласен с отцом?

— Что вы, товарищи, отец Гапон правильно заметил, что если мы пойдем к царю, мы сложим головы, но своего добьемся...

— И пойдем! Добьемся!

— Да, товарищи, добьемся! Мы должны идти к царю, но не крестным ходом, не с петицией, а с оружием в руках! Прогоним царя и его министров, вот тогда мы добьемся правды!

В зале началось что-то невообразимое. Кто-то истошно закричал:

— Не надо нам смутьянов! С отцом Гапоном крестным ходом к царю-батюшке, а социалистов — долой!

Глазунова вытолкали в дверь.

Ни рабочие, ни пожилой кузнец, хозяин квартиры, не знали, что Андрей Глазунов — это профессиональный революционер Александр Серебровский, направленный на Путиловский завод Петербургским комитетом РСДРП. Ему, опытному слесарю и умелому агитатору, поручили внедриться в гапоновскую организацию, чтобы вести среди рабочих большевистскую агитацию, попытаться удер-

жать их от спровоцированного Гапоном шествия к царю. Но разве удержать лавину, сорвавшуюся с горы!

Утром 9 января 1905 года Глазунов вместе с группой путиловских большевиков отправился на Овсянниковскую дачу. Они решили принять участие в общенародном шествии, чтобы их не обвинили в трусости.

День выдался ясный, погожий, ни облачка на небе, снег искрился под лучами солнца. И будто на праздник собирались рабочие на даче, они шли сюда с женами и детьми.

Из заводской церкви принесли хоругви. Огромная масса людей двинулась по Петергофскому шоссе. Впереди шел Гапон, золоченый крест сиял в его руке.

Когда приблизились к Нарвским воротам, Глазунов, шедший в первом ряду, увидел по другую сторону моста через реку Таракановку пехоту, изготовившуюся к бою. Заиграл рожок, и тут же прогремел залп — предупредительный, в воздух. Толпа дрогнула, замерла.

Гапон, воздев крест, хрипло прокричал:

— Братья, это нарочно пугают нас! Они не хотят допустить нас до царя! Царь не знает об этих налетах! Подымите хоругви и умрем или пройдем к царю-батюшке!

И толпа двинулась за ним. Глазунов, как и другие, шедшие в первом ряду, увидел, что солдаты направили винтовки на толпу, и, едва офицер взмахнул шашкой, бросился ничком на землю. Пули просвистели над ним. Послышались крики, плач. Люди бросились в разные стороны. Вслед им гремели залпы: второй, третий, четвертый, пятый...

Глазунов подполз под мост, затем вдоль реки на Обводной канал и пробрался в город. Там тоже стреляли, рубили шашками, били нагайками. У Адмиралтейского сада на снегу чернели трупы.

Поздно вечером Глазунов вернулся за Нарвскую заставу. Едва вошел домой, хозяин встревоженно сказал:

— Тебя ищут, Андрей, беги, пока не схватили. Весь день кругом идут обыски и аресты. На заводе расчет идет, и тебя уволили...

Глазунов переночевал у товарища. Утром пошел на явку Петербургского комитета. В те дни многие были арестованы, поэтому Серебровскому предложили продолжить работу в Нарвском районе в качестве организатора. Он выступал то на одном, то на другом митинге — две недели мотался с места на место, ночевал где при-

дется. Но оставаться в Петербурге становилось все рискованнее. Тогда товарищи посоветовали Серебровскому перебраться в Баку.

...Ехал Серебровский — Глазунов на солнечный юг, а приехал в город, густо заметенный снегом, на тесных улицах непролазные сугробы,— оказывается, накануне над Апшеронским полуостровом пронесся небывалой силы буран. Но еще больше поразил приезжего вид города, словно вымершего: окна домов наглухо закрыты ставнями, на всех перекрестках усиленные наряды полицейских, казаков и солдат.

Не сразу разыскал явку — квартиру доктора Окиншевича, жившего в самом центре города.

Хозяин, выслушав пароль, ввел его в гостиную, в которой находилось несколько мужчин, по виду интеллигентов и рабочих. Встревоженные, горячо обсуждавшие что-то, они мгновенно смолкли при появлении незнакомца.

Глазунов представился.

— А, прекрасно! — русоволосый мужчина с узким лицом и пышными усами пожал ему руку и представился: — Секретарь Бакинского комитета Стопани.

— Александр Михайлович? Слышал о вас в Северном комитете.

— Да, да, работал там. Вы приехали вовремя. Видели, что творится в городе?

— А что, собственно, тут происходит?

— Чудовищная провокация! Власти спровоцировали погром между тюрками[1] и армянами. Вот мы собрали комитет,— указал он на товарищей,— обсудить, что можно предпринять, чтобы предотвратить погромы в промысловых районах. Сегодня же все товарищи отправятся туда. Отправляйтесь и вы... вот с Петром Чупятиным,— указал он на молодого рабочего,— поезжайте в Балаханский район. Расскажите рабочим правду о петербургских событиях, о гапоновской провокации.

После заседания, на котором было решено создать отряды из числа сознательных рабочих и двинуть их в город для борьбы с погромщиками, Чупятин и Глазунов отправились в Балаханы.

По пути, в поезде промысловой узкоколейки, разговорились.

[1] Тюрками называли азербайджанцев до 1935 года. Мы сохраняем это название в устах персонажей и документах тех лет.— *Авт.*

— Стало быть, ты путиловский слесарь? — спроснл Чупятин.— А я иа заводе Шибаева слесарничаю. Такне работиикн, как ты, нам позарез иужны.

— Признаться, ЦК ожидал услышать грозиый голос протеста бакинскнх рабочнх,— кивнул Глазуиов.— Такую мощную стачку вы в декабре вынгралн! А у вас тут...

— Вот то-то и оио! А ведь мы готовнли крупиую политнческую забастовку. Вот, почнтай, иа второй день после расстрела выпустнли.— И Чупятин протяиул ему мятую листовку.

«...Мы должны присоедннить свой голос к голосу наших петербургских товарищей. В любой момент мы должны быть готовы на все самые решительиые действия...»

— И что же? — спросил Глазунов, дочитав листовку.

— Готовились, создавалн дружииы, вооружали людей. Все шло как по писаному. Да властн пронюхали н опереднли нас. Уже после Кровавого воскресенья наш генерал-губернатор Накашидзе отправнлся в Петербург. Виднмо, вызвалн дать нахлобучку за декабрьскую стачку. Не успел Накашидзе вернуться в Баку, как заговорнли о готовящемся погроме. Мы точно узнали, что полнция распространяет провокацнонные слухи, раздает оружие всякнм темным личиостям.

Мы немедленно выпустилн листовку иа русском, тюркском н армяиском языках, провели митиигн, призывалн иаселение не поддаваться на провокацию. Да поздно! Вчера утром в сквере Парапет, так сквер иазывается, кто-то застрелил нзвестиого разбойннка Бабаева. Может сами полицейские и прнкоичили его. Труп Бабаева положнлн в арбу и повезли по улицам мусульмаиской частн города, прнзывая к мести. Наш город как бы делнтся на две частн. Вверх от Базарной улнцы, в Нагорной частн, жнвут тюркн. Вниз от нее, в центральиой части и до Вокзальиого райоиа,— русские н армяие. Но это делеиие, коиечио, очеиь условно. На многих улицах тюрки и армяие живут по соседству и душа в душу. И вот вчера вечером из Нагорной, мусульманской, части в цеитральиую двинулись вооружеииые людн...

Глазуиов устронлся слесарем иа промысле Тер-Акопова...

С утра ои выступил иа сходках на нескольких промыслах, потом пошел в Балахаиский рабочий клуб. Здесь он встретился с члеиамн Бакииского комитета, оргаиизатором Балахаиского района Алешей Джапаридзе, одиим

из руководителей «Гуммета»[1], студентом петербургского Технологического института Мешади Азизбековым и рабочим Иваном Феолетовым, которого ласково называли Ванечкой.

Они вместе с Балахано-Сабучинским райкомом взяли под контроль положение в районе, сколотили дружину из рабочих, вооружили ее. В тот же день дружина двинулась в Баку.

Возмущение, охватившее горожан, вырвалось на улицы, вылилось демонстрациями и митингами. Глазунов выступал на них, гневно говорил, что Кровавое воскресенье в Петербурге и кровопролитие в Баку — это звенья одной цепи самодержавной политики «разделяй и властвуй». Страстно звучал на митинге голос Мешади Азизбекова. «Вы, лжетворители мира,— говорил он,— вы ответите за кровь бедных. Не притворяйтесь народолюбцами!.. Подготавливая резню, вы тем самым отвлекали массы трудящихся Закавказья от общей борьбы рабочих России».

Вспыхнули забастовки на промыслах и на заводах. И кто знает, во что вылились бы они, если бы не царский указ, обнародованный 18 февраля: «...для обеспечения общественной безопасности и прекращения происходящих беспорядков» Баку и Бакинская губерния объявлялись на военном положении. Начались повальные обыски и аресты в городе и промысловых районах.

Вместе с Джапаридзе, Азизбековым, Чупятиным Глазунов, больше известный под кличкой Гришка, все время носился по промыслам. Члены Бакинского комитета восстанавливали организацию, пострадавшую от арестов, собирали силы для новых выступлений. 1 Мая по всему Баку и его промыслам прошла однодневная забастовка: рабочие продемонстрировали, что царский указ им не указ, и военным положением их не запугать. Забастовка была как бы репетицией к крупной многодневной стачке, которую готовил комитет.

Стачка началась в середине августа. На пятый день, 20 августа, напуганные ее размахом, власти снова спровоцировали вооруженные стычки. На этот раз она охватила и промысловые районы. Десять дней гремели выстрелы, лилась кровь, полыхали пожары.

---

[1] «Гуммет» («Энергия») — азербайджанская социал-демократическая организация, созданная в 1904 году при Бакинском комитете РСДРП для политической работы среди трудящихся мусульман.

В начале сентября в Баку приехал член ЦК РСДРП Мартын Лядов. Он передал Грише распоряжение ЦК вернуться в Петербург. Глазунова снабдили новым паспортом на имя молодого рабочего Осипа Тимофеевича Логинова.

Грустно было Серебровскому расставаться с товарищами. Но, задержись он еще пару дней, не избежать бы ему нового ареста: 11 сентября полиция накрыла на Баиловской электростанции участников межрайонной конференции и арестовала весь состав БК и члена ЦК Мартына Лядова...

Серебровский — Логинов приехал в Петербург накануне Всероссийской стачки. Попросил направить его на прежнее место, в Нарвский район. Снова поступил слесарем на Путиловский завод. Это, конечно, было рискованно, так как рабочие кузнечной мастерской помнили его как Глазунова. Но с ними Логинов встречался редко: старомеханическая мастерская, куда он поступил теперь, находилась в противоположном конце огромного завода. Да и могла ли опасность быть узнанным заставить осторожничать человека, каждый день подвергавшего себя куда более серьезной опасности?

Логинов с головой окунулся в организаторскую работу. Вместе с другими большевиками он готовит октябрьскую забастовку. Его избирают членом заводского стачкома, депутатом Петербургского Совета, а спустя некоторое время вводят в состав исполкома.

Он успевает всюду, сколачивает из путиловцев боевую дружину Нарвского района и по заданию Совета обеспечивает печатание первых номеров «Известий», разгоняет штрейкбрехеров, срывающих забастовку работников почтамта, на Сенной площади вступает в бой с отрядом черной сотни.

И конечно, Логинов не пропускает ни одного заседания Совета. Здесь он знакомится с такими видными большевиками, как Миха Цхакая, Богдан Кнунянц и Леонид Красин.

Но особенно памятными были встречи и знакомство с В. И. Лениным, нелегально вернувшимся из эмиграции. Владимир Ильич пристально следил за развитием событий в России, и, когда они достигли высшего накала, готовые разгореться вооруженным восстанием, он поспешил в Петербург. Вскоре после приезда, 12 ноября, В. И. Ленин пришел на заседание Совета. Улучив минуту, Логинов вместе с депутатом-путиловцем Творого-

вым подошли к нему. Ленин живо задал несколько вопросов о положении дел на заводе, выразил желание встретиться с группой депутатов-путиловцев.

Однако новой встрече не суждено было состояться. 3 декабря, когда исполком собрался на очередное заседание, в комнату ворвались офицеры и солдаты Семеновского полка.

Логинова посадили в «Кресты». На допросе он отказался назвать свою фамилию. Так и сидел безымянным. Только через восемь месяцев, в августе 1906 года, его освободили до суда под залог, внесенный партийной организацией. Бюро ЦК тут же включило его в боевую дружину Л. Б. Красина, которая занималась доставкой оружия из Финляндии.

Но эта опасная работа Серебровского — Логинова была неожиданно прервана: в конце года его призвали на действительную службу и отправили во Владивосток рядовым солдатом железнодорожного батальона. Здесь Логинов вовсю развернул революционную пропаганду среди солдат и матросов. Его горячие речи немало способствовали тому, что в октябре 1907 года на миноносце «Грозящий» вспыхнуло восстание. Оно было жестоко подавлено. Логинова вместе с военными моряками бросили во Владивостокскую военную тюрьму. И снова восемь месяцев томительного следствия и ожидания суда. В мае 1908 года военный трибунал приговорил Логинова к пятнадцати годам каторги. Его заковали в кандалы и со дня на день должны были отправить по этапу. Однако каторгу ему заменили дисциплинарным батальоном и отправили на строительство Заамурской железной дороги, где условия жизни и работы мало чем отличались от каторжных. Впрочем, неугомонный Серебровский и не намеревался засиживаться в таежной глуши. Немного пообвыкнув и осмотревшись, он бежал. За ним снарядили погоню, солдаты стреляли по нему, но, даже раненный в ногу, он ухитрился уйти от них. Серебровский шел и шел по тайге, ориентируясь по солнцу и звездам. Питался лесными ягодами, спал, накрывшись еловыми ветками, но обходил стороной деревни, манящие теплом и запахом хлеба. Уже и со счета сбился, сколько дней минуло, сколько верст он проковылял с больной ногой, пока пересек полстраны от берегов Амура до реки Белой.

Вот и родная Уфа! Серебровский постучался в дом своего гимназического друга Владимира Сперанского. Открыв дверь, Владимир не сразу узнал в заросшем,

бородатом бродяге в лохмотьях Александра Серебровского. Затопили баню, покормили, уложили спать. Проснувшись только вечером, Серебровский увидел у изголовья постели отца. Проговорили до рассвета. И пришли к заключению, что лучше всего Александру эмигрировать. Отец и друзья вскладчину купили ему пальто, костюм, и он поехал в Москву. Разузнав у московских товарищей, где и как удобнее перейти границу, отправился в Шяуляй. Здесь через старика контрабандиста достал паспорт пограничного жителя, дающий право перехода границы. Через несколько дней добрался до Бельгии.

«И ВЕЧНЫЙ БОЙ...»

В Брюсселе Серебровский работал на заводах Гюисмана и Пипа.

В октябре 1908 года из Парижа в Брюссель приезжал В. И. Ленин. Серебровский через знакомых русских политэмигрантов встретился с ним.

— А, путиловский депутат товарищ... товарищ.... — пытался припомнить Ленин.

— Серебровский Александр Павлович.

— Серебровский? А помнится, вы представлялись иначе.

— Логинов,— напомнил Серебровский.

— Вот, вот! Именно так! — кивнул Ленин.

— То была чужая фамилия... сами знаете...

— Знаю... Да, не удалось нам тогда встретиться с путиловцами. Значит, тоже эмигрировали? Ну а чем изволите заниматься здесь?

— Работаю механиком на заводе. Вечерами сижу в библиотеке, почитываю специальную литературу. В Петербурге некогда было.

— Да, надо учиться. Непременно учиться! России нужны образованные люди.

— И отец пишет: учись, сынок...

— Ну вот видите!

Серебровский поступил в Высшее техническое училище и через два года окончил его с дипломом инженера-технолога. Устроился работать инженером на завод Альфреда Шютте.

Но работал там недолго. В ноябре 1911 года снова встретился с В. И. Лениным, приезжавшим в Брюссель читать лекцию «Столыпин и революция». Владимир

Ильич остался доволен успехами Серебровского, однако рекомендовал ему не задерживаться в Бельгии, а возвращаться в Россию, где начинался новый подъем революционного движения.

В начале 1912 года Серебровский вернулся в Россию, поселился в Москве, поступил на должность инженера-конструктора на завод «Бр. Бромлей». Одновременно занялся научной работой в московском Техническом училище под руководством профессора Кирша. Написал двухтомный научный труд «Холодильное дело». И конечно, вел пропагандистскую работу среди рабочих завода, но так законспирированно, что когда полиция арестовала его летом 1913 года, то не могла выставить серьезных улик против него. Однако прошлая деятельность «государственного преступника» Серебровского, не подлежавшая наказанию за давностью лет, настолько пугала охранку, что она решила на всякий случай удалить его из Москвы. Продержав два месяца в Бутырке, Серебровского выслали в Ростов.

Меньше чем через год разразилась мировая война. Серебровского мобилизовали и направили в Кавказскую армию на Турецкий фронт. Назначенный конструктором при инженерном управлении, он работал рядовым солдатом на постройке холодильника в Карсе. И здесь он не прекращал революционной работы среди солдат, создал нелегальный кружок, поддерживал связь с Бакинской организацией РСДРП.

В конце 1915 года Серебровского схватили и посадили на гауптвахту, а после полутора месяцев отсидки отправили со штрафной ротой на Западный фронт, в действующую армию. Там царила суматоха и неразбериха: русская армия стремительно отступала, и командование, не зная, куда приткнуть штрафников, держало их в тылу. Тем временем поступил приказ об отзыве из армии всех специалистов. Серебровского демобилизовали, он приехал в Ревель (ныне Таллинн) и поступил на завод Фр. Круля.

И грянул семнадцатый год! Свершилось то, к чему юноша Серебровский еще пятнадцать лет назад призывал в листовке «Долой самодержавие!», за что боролся все эти годы.

Сразу после Февральской революции Серебровский перебирается в Петроград, поступает на завод Нобеля главным механиком, позже его назначают техническим директором.

3 апреля он на Финляндском вокзале среди встречающих В. И. Ленина, слушает его программную речь о продолжении борьбы за победу социалистической революции.

Серебровский создает на заводе склад оружия, в октябрьские дни вооружает рабочих, командует отрядом Красной гвардии. В конце декабря он получает назначение на Путиловский завод со специальным заданием подготовить его национализацию. 1 января 1918 года В. И. Ленин подписывает приказ о национализации завода и Серебровский становится первым «красным директором» Путиловского. Но довести дело до конца не успевает: по партийной мобилизации он пересаживается из кресла директора в седло коня. Во главе отряда Красной гвардии дерется с белогвардейцами на Северо-Западном фронте, под Псковом. В феврале 1919 года активно участвует в создании Красной Армии, служит сначала комиссаром батальона, потом полка и дивизии. В августе его отзывают с фронта и назначают заместителем председателя Чусоснабарма — чрезвычайного уполномоченного Совета Обороны по снабжению Красной Армии. Понимая, какое это сложное дело, В. И. Ленин не только поручил руководство Чусоснабармом двум талантливым и опытным организаторам Л. Б. Красину и А. П. Серебровскому, но и постоянно помогал им советом и делом.

В 1919 году, когда набатным звоном прозвучал призыв ЦК РКП(б) «Все на борьбу с Деникиным!», Серебровский по партийной мобилизации снова отправился на фронт, на этот раз на Южный. Был назначен начальником и комиссаром ВОСО (военных сообщений) 12-й армии, затем — всего Южфронта, одновременно работал председателем Эвакомсовобороны и заместителем наркома путей сообщения Украины.

Всего четыре месяца назад он вернулся в Москву и принял руководство Центральным правлением артиллерийских заводов, и вот новый ночной вызов к Ильичу и предложение ехать в Баку...

ЗДРАВСТВУЙ, БАКУ!

17 апреля 1920 года секретарь Совета Труда и Обороны Лидия Александровна Фотиева вручила Серебровскому мандат № 5355, подписанный В. И. Лениным,

Я. М. Свердловым, А. И. Рыковым, Э. М. Склянским и ею. Этот документ предоставлял ему, как члену Главконефти и председателю Бакинского нефтяного комитета, неограниченные права и полномочия, возлагая на него труднейшую задачу организации нефтяного хозяйства в Бакинском районе, руководство погрузкой и вывозом нефти и ее продуктов, снабжение бакинских рабочих и их семейств и многое другое.

В тот же день старый пульмановский вагон-салон Серебровского прицепили к составу, уходившему в Ростов. В те годы разрухи и топливного голода поезда ходили без всякого расписания и графика. Только через неделю Серебровский добрался до Ростова. Здесь он узнал, что Г К. Орджоникидзе и С. М. Киров, к которым ему надлежало обратиться, третьего дня отбыли на юг, то ли в Грозный, то ли в Петровск.

Серебровский отправился следом...

Часовой у подножки пульмановского вагона оглядел с головы до ног коренастого человека в кожаной фуражке с красной звездой, в распахнутой длиннополой шинели и только после этого кликнул адъютанта командующего.

— Что такое? — спросил, выйдя в тамбур, молодцеватый командир.

— Доложите члену РВС фронта товарищу Орджоникидзе: его хочет видеть Серебровский,— потребовал человек в шинели.

— А что, он знает вас лично?

— Да, да, знает. Доложите!

Адъютант скрылся в вагоне. И тут же в тамбуре показался Орджоникидзе.

— Ва! Сандро! Кого я вижу! — весело воскликнул он.— Какими судьбами?.. Поднимайся, поднимайся, как раз к обеду подоспел.

В салоне обедали трое: красивая голубоглазая женщина, военный в гимнастерке комсостава и мужчина в штатском.

— Друзья, смотрите, кого я привел! — громко, как все тугоухие, сказал Орджоникидзе.— Серебровский, Александр. Мы с ним в прошлом году на Южном фронте воевали. Знакомься, моя жена.

— Зинаида Гавриловна,— представилась женщина.

— Верно говорят: нет худа без добра. Я ее в якутской

ссылке нашел,— пошутил Орджоникидзе и представил военного: — Командарм-одиннадцать Левандовский.

Военный поднялся и с отменной выправкой пристукнул каблуками:

— Михаил Карлович.

— А это наш Мироныч,— указал Орджоникидзе на штатского.— Он мой заместитель в Бюро по восстановлению Советской власти на Северном Кавказе (такое бюро было создано в январе 1920 года решением ЦК партии.— *Авт.*).

— Киров, Сергей Миронович,— представился тот. Щедрая улыбка, расплывшаяся по его широкому, чуть тронутому оспой лицу, смеющиеся карие глаза, словно прощупывавшие Серебровского, как магнит приковывали к себе, выдавали в нем человека волевого.— А мы знакомы,— сказал Киров.— Не помните? В декабре восемнадцатого года я приходил к вам в Чусоснаб с запиской Ильича за оружием.

— Не припомню,— виновато улыбнулся Серебровский.— Столько фронтовиков осаждало...

— Садитесь, поешьте,— Зинаида Гавриловна налила тарелку щей.

Серебровский снял шинель, повесил ее на вешалку, присел к столу и с аппетитом принялся за еду.

— Александр Павлович, какими судьбами ты попал в Петровск, что делаешь здесь? — спросил Орджоникидзе.

— За вами гонюсь,— шутливо ответил Серебровский.— Баку скоро освободите?

— А его уже освободили,— ответил Киров.

— Взяли? — не донес ложки до рта Серебровский.

Орджоникидзе, посмеиваясь, взял со стола два листка и протянул ему один из них:

— Вот, прочти.

Это был текст телеграммы Азревкома, переданный ночью в Москву, Ленину. Временный Военно-Революционный комитет Азербайджанской Советской Республики, ставший у власти по воле революционного пролетариата Баку, просил Российскую Советскую Республику «немедленно оказать реальную помощь путем присылки отрядов Красной Армии».

— Так что же вы сидите? — засуетился Серебровский.

Орджоникидзе протянул ему второй листок:

— А теперь прочти вот это.

В телеграмме РВС 11-й армии Ленину говорилось: «...передовым отрядом нашей армии и бронепоездами занят Баку... Доблестные части 11-й армии совершили в эти дни двухсотверстный переход и своими молниеносными ударами предотвратили адский замысел буржуазии, которая хотела перед своим уходом уничтожить нефтяные сокровища...»

— Ну, слава богу! — облегченно вздохнул Серебровский.— Ильич так и сказал мне, что к моему приезду Баку будет освобожден.— И сразу поднялся.— Значит, я могу ехать сегодня же?

— Слушай, какой ты горячий! — усадил его Орджоникидзе.— Прямо грузин настоящий! Ты лучше скажи, как попал сюда, зачем рвешься в Баку?

— Надо, дорогой товарищ Серго, Ильич послал,— Серебровский извлек из кармана тужурки мандат и протянул ему.

Орджоникидзе быстро прочел мандат и, передавая его Кирову, одобрительно кивнул:

— Правильно спешишь, Саша!

— Что скажешь, командарм? — спросил Орджоникидзе.

— Как договорились, Григорий Константинович. Сегодня закончим отправку армии, а завтра утром выедем,— ответил Левандовский.

Утром следующего дня от перрона Петровска отошел специальный поезд, составленный из нескольких вагонов-салонов РВС, полевого штаба армии и охраны.

В тот же час с петровского телеграфа были отправлены две телеграммы. Орджоникидзе докладывал в ЦК РКП(б):

«С 27 на 28 в два часа ночи власть в Баку перешла к Азербайджанскому ревкому, провозгласившему Азербайджанскую Советскую Республику... С продовольствием отвратительно. Выезжаю в Баку».

Вторая телеграмма извещала начальника обороны железных дорог армии М. Г. Ефремова, что Орджоникидзе и Киров выехали в Баку.

...Скучное однообразие тянулось за окном. Поезд шел по бурой пустыне, минуя маленькие станции и полустанки. Временами открывалось синее море, сверкавшее под лучами солнца, но холмы снова скрывали его.

Поезд остановился на станции Худат. В вагон Орджоникидзе, где находились Киров, Левандовский и Серебровский, вошел Ефремов. Отдав честь, он доложил

о выполиеиии боевой операции и сообщил, что привел бронепоезд «III Интерiaциоиал» им иавстречу. Всю дорогу Ефремов оживлениo рассказывал о стремительном походе бронепоездов, о том, как их встретили в Баку.

Во время короткой стоянки в Баладжарах перешли на переднюю открытую артиллерийскую платформу броиепоезда. За Баладжарами дорога пошла под уклон. Бронепоезд вышел из-за скал, и взору открылась широкая паиорама города. Серые улицы, почти лишениые оживляющих пятен зелени, спускались с холмов к морю и подковой охватывали бухту. Над иизииной частью города стоял смог — будто кто-то набросил иа него черное тюлевое покрывало. Встречный ветерок обдавал лица, доиося пряиый запах иефти и моря.

Броиепоезд мииовал закопченное здание депо и медлеиио подошел к вокзалу, где собралось множество народу. Люди запрудили перрон и ажурный мостик, перекииутый над путями. Оркестр гряиул туш, послышались крики: «Ура!», с мостика на перрон полетели цветы.

Группа военных и штатских подошла к Орджоникидзе и его спутиикам. Стройный мужчииа с орлиным взглядом черных глаз, затянутый в кавказскую рубаху, перепоясаииую ремешком, приложил руку к барашковой папахе, приветствовал прибывших и отрекомендовался:

— Военморком Советского Азербайджаиа Чиигиз Ильдрым!

За иим к Орджоиикидзе подошли председатель Бакинского ревкома Али Гейдар Караев, Анастас Микоян, Газаифар Мусабеков. Крепкие рукопожатия, приветствия, короткий митииг, взволнованные речи, и все гурьбой направились к выходу. К ним подбежал фотограф, устаиовил на треиоге деревянный фотоаппарат:

— Одну минуточку, товарищи, прошу вас, одну миnуточку! — и полез под черное покрывало.

Так оии и стоят иа снимке: высокий Серго Орджоникидзе в гимнастерке, с будеиовкой иа густой шапке волос, кореиастый Киров в штатском костюме, с красиозвездиой фуражкой иа голове комаидарм Левандовский, Ефремов, комаидиры 11-й армии, бакинцы. Фотограф снял колпачок с объектива, выхватив из потока времеии одно историческое мгиовение, чтобы сохраиить его навсегда...

Машииы, с трудом пробиваясь сквозь массы ликующих людей, поехали по цeнтральиым улицам. Вид толпы

поражал своей разноликостью: тут были и рабочие, и интеллигенты, и аскеры (красноармейцы) — все слои населения. Звучала музыка, слышались песни, смех, разноязычный говор.

Серебровский жадно смотрел по сторонам, узнавая и не узнавая знакомые места. Как не похож был нынешний ликующий город на тот, что жил в его памяти с 1905 года!

На набережной за деревьями бульвара виднелось восемь военных кораблей с красными флагами на стеньгах, выстроившихся в бухте в один ряд.

— Вот она, наша флотилия! — с гордостью сказал Чингиз Ильдрым.— От ее имени я, как командующий, послал мусаватистскому правительству ультиматум немедленно сдать власть Азревкому. А первый ультиматум от имени Центрального и Бакинского комитетов партии вручил Гамид Султанов. Вы знаете его, Сергей Миронович?

— Как же, прекрасно знаю,— ответил Киров.— Еще по Астрахани, он отлично командовал мусульманскими отрядами.

Подъехали к зданию, в котором обосновался Азревком. Поднялись в кабинет председателя Азревкома, людный и шумный, как штаб. При их появлении все смолкли, а из-за стола встал Мирза Давуд Гусейнов, молодой человек лет двадцати пяти. Радостная улыбка осветила его усталое, по-юношески чистое, безусое лицо с большими, широко открытыми глазами.

— Здравствуй, дорогой! — обнял его Орджоникидзе, представил Кирова и Серебровского.— Поздравляю, поздравляю! Вот и над Баку реет Красное знамя Советов!

— Спасибо, товарищ Орджоникидзе, спасибо, товарищи. Садитесь, пожалуйста.— Осаждавшие Гусейнова удалились.— Все просят быстрой подмоги! Уже и в других уездах власть переходит в наши руки. Правда, сопротивление отчаянное. Без помощи Красной Армии не обойтись.

— Для того мы и приехали,— ответил Киров.— Ну а здесь, в Баку, как обстоят дела?

— Что вам сказать? — помедлил Гусейнов.— Пока мы только новое правительство образовали, а весь административно-хозяйственный аппарат остается прежний, мусаватистский, и состоит в основном из бывших царских чиновников и белогвардейцев. Ну а власть на всем Апше-

роне мы прочно взяли в свои руки. Ведь Баку — это почти весь Апшерон.

Гусейнов подошел к карте Апшеронского полуострова, висевшей за письменным столом.

— Вот это — собственно город,— показывал на карте Гусейнов,— это — примыкающие к нему Завокзальный и Фабрично-заводской районы: Баилов, Биби-Эйбат, Балаханы, Сабунчи, Сураханы, Бинагады. Все это и есть Большой Баку с населением в двести пятьдесят шесть тысяч человек...

Слушая Гусейнова, Серебровский вспоминал знакомые места и людей, которых встречал там, хотелось скорее повидаться с ними. Вспомнились страшные пожары пятого года, и он спросил:

— Охрана промыслов надежная?

— Да, мы создали центральную и районные комиссии по охране промыслов, заводов и складов, выпустили обращение ко всему населению. И рабочие дружины начеку...

— А кого ввели в правительство? — спросил Орджоникидзе.

— Ну, председателем Совнаркома и наркоминделом назначен товарищ Нариманов, ждем его со дня на день.

— Мы телеграфировали Ильичу, чтобы он ускорил его выезд.

— Военморкома вы уже знаете,— указал Гусейнов на Ильдрыма.— Наркома труда и юстиции тоже,— посмотрел он в сторону Али Гейдара Караева, высокого, красивого мужчины.— Наркомвнутделом стал Гамид Султанов.

— Знаю, с седьмого года знаю,— кивнул Орджоникидзе.

— Наркомом земледелия, торговли, промышленности и продовольствия — Газанфар Мусабеков.

— Не слишком ли много отраслей у одного наркома? — усомнился Орджоникидзе.

— Он справится,— заверил Киров.— Двужильный человек!

— Ну и, наконец, наркомфин — ваш покорный слуга,— поклонился Гусейнов.— Да, еще нарком просвещения и госконтроля Буниатзаде.

— Как, Дадаш жив? — обрадовался Киров.— А мне говорили, будто его расстреляли.

— Приговорили к расстрелу, да не успели привести

в исполнение приговор,— пояснил Гусейнов.— Позавчера мы освободили Дадаша.

Серебровский вслушивался в разговор, ему вовсе не безынтересно было узнать, с кем придется работать. Улучив минуту, он спросил о главном, ради чего приехал сюда:

— Ну а как с нефтью? Какие реальные возможности ее вывоза?

— Запасов нефти много,— ответил Гусейнов.— А вот о способах и возможностях ее вывоза лучше вам поговорить с Николаем Ивановичем Соловьевым, мы его вчера председателем Совнархоза республики утвердили.

— Слышал о таком. В Москве советовали к нему обратиться.

— Хорошо, вы тут решайте вопрос нефти,— поднялся Орджоникидзе,— а мы с Мирзой поедем ко мне в вагон, соберем командование.

НЕФТЬ ПОШЛА

Едва все вышли, Ильдрым начал рассказывать Кирову и Серебровскому о том, что англичане конфисковали у судовладельцев почти все пассажирские суда, сухогрузы и танкеры, вооружили их и создали свой «флот на Каспийском море».

— Да, да,— нетерпеливо перебил Киров.— Уходя, англичане передали этот «флот» деникинцам, а когда деникинцы отступили в Энзели, снова завладели им. Как вернуть нашу собственность, мы еще помозгуем. Сейчас же нас интересует возможность немедленной транспортировки нефти в Астрахань.

— Сергей Миронович, в порту стоят на приколе несколько танкеров и барж-«нефтянок», наполненных нефтью. Их используют как нефтехранилища из-за того, что все промысловые и заводские емкости, амбары и даже ямы переполнены.

— Эти танкеры и надо отправить в первую очередь,— горячо откликнулся Серебровский.— Освободить транспорты, а потом вывозить скопившуюся на промыслах нефть.

— Поедемте в порт,— поднялся Киров.— На месте решим.— И обратился к Ильдрыму: — Поручите разыскать товарища Соловьева, пусть приедет в порт.

Ильдрым подошел к телефону, но Киров передумал:

— Впрочем, не стоит, не отрывайте его от дел. Позже мы сами заедем к нему...

Машина спустилась по Николаевской, свернула на Набережную и понеслась вдоль бесконечного ряда пристаней с частоколом мачт больших и малых парусных лодок.

— А как тут наш Лукьяненко? Вы ведь знаете его? — поинтересовался Киров.

— Ну как же! Сейчас увидите его в порту. Анатолий Федорович моя правая рука.

Машина сбавила скорость, въехала во двор Бакинского порта и остановилась перед зданием управления. За ним уходили в море почерневшие от времени деревянные причалы, вдоль которых стояли на приколе осевшие ниже ватерлинии наливные суда «Русь», «Искендерия», «Буниат». Поверхность воды вокруг них была затянута тонкой радужной пленкой. Остро пахло нефтью.

Едва приехавшие вышли из машины, из здания управления к Кирову кинулся остроносый брюнет. Это был Лукьяненко. Соломенное канотье и полосатый костюм с белым жилетом придавали ему вид преуспевающего конторского чиновника.

— Сергей Миронович! Как я рад видеть вас! — воскликнул он, крепко пожимая руку Кирова.— Я был на вокзале, встречал вас...

— Что же не подошел? Ну, здравствуй, здравствуй! Знакомься, Серебровский, Александр Павлович. Послан Лениным за нефтью. Кивнув в сторону танкеров, спросил: — И эти суда налиты нефтью?

— В танкерах,— сказал Ильдрым,— примерно пятьсот тысяч пудов мазута. А всего в порту больше миллиона пудов скопилось. Мазута, масел, бензина...

— Для начала неплохо,— оживился Серебровский и, прищурив глаз, спросил: — А можно эти танкеры отправить сегодня же?

— Сегодня? — изумился Лукьяненко, сдвинув канотье на затылок.

— Хорошо бы сегодня,— поддержал Киров, понимая, однако, нереальность этого предложения, и как бы в оправдание пояснил: — Астрахань сидит без нефти, вот бы ей подарок к Первому мая.

— При всем желании сегодня не получится,— развел руками Ильдрым.— Некому вести их: и капитаны, и матросы давно списаны на берег.

— Ну, команды собрать можно,— ответил Лукьянен-

ко.— Схожу на «Сковородку»., это у нас пятачок такой на бульваре, там все списанные моряки толкутся. Им только свистни — тут же сбегутся. Да только чем кормить их в рейсе? Туда и обратно дней пять уйдет.

— Для начала выделим из запасов 11-й армии,— обещал Киров.

— Топки два года не шуровали. Пока подымешь пар...

— Если за этим дело стало, дайте нам с Сергеем Мироновичем двух помощников, и мы подымем пары,— с улыбкой, не без иронии сказал Серебровский.— Мы ведь механики.

— Не это главное, товарищи,— смутился Ильдрым, сам отличный инженер.— Время беспокойное. Не исключено, что англо-деникинские торпедные катера выходят из Энзели далеко в море, могут перехватить, угнать или поджечь танкеры. Так что без сопровождения военных кораблей, да еще на ночь глядя, отправлять их опасно. Вот завтра утром...

— Ну, так и быть,— согласился Киров.— Повременим до утра.

— Только к утру чтоб все было готово! — строго сказал Серебровский, явно огорченный тем, что немедленная отправка нефти не удалась.

— Все будет сделано,— обещал Лукьяненко.— Сейчас же отправлюсь на «Сковородку»...

— Потом приезжай к нам, утрясем с провиантом. Ну, поехали, товарищи,— и Киров направился к машине.

— А товарища Орджоникидзе час как увезли,— сказал начальник охраны поезда подошедшему Кирову.

— Как так увезли? — не понял Киров.— Куда увезли?

— К местожительству. Вот и адресок дали,— начальник протянул смятый листок бумаги.— Велел и вам с товарищем Серебровским прибыть туда. Вещи ваши уже там.

— Будаговская, шестнадцать,— прочел Киров и обратился к Ильдрыму,— вы знаете, где это?

— Знаю, знаю, здесь недалеко. Пойдемте, провожу.

По дороге Ильдрым рассказал:

— На Будаговской наш второй дом Советов. До революции это был доходный дом и принадлежал он отцу члена Государственной думы, министра-социалиста Временного правительства миллионера Скобелева.

— Гляди ты, и сюда щупальца протянул!

— В восемнадцатом году хозяин и многие другие жильцы бежали, в одной из квартир поселился Степан Шаумян. Квартира и сейчас пустует, да Степана-то нет в живых... Вот и пришли.

Остановились перед двухэтажным домом. Ильдрым повел Кирова и Серебровского через глубокую арку ворот в небольшой, глухой двор, обрамленный с трех сторон длинной стеклянной галереей, а с четвертой — стеной соседнего пятиэтажного дома. Поднялись по пристроенной снаружи железной лестнице на второй этаж, вошли в светлую галерею, в которой за маленьким столом хлопотала Зинаида Гавриловна. Ей помогал секретарь Орджоникидзе Арам Мирзабекянц. Закатав рукава гимнастерки, он ловко шинковал репчатый лук. Из комнаты слышались оживленные голоса, и громче остальных — голос Орджоникидзе.

— С новосельем, Зина,— поздравил Киров.

— Спасибо, спасибо... Эх, надолго ли? Кочуем из города в город,— простодушно ответила она.

— Шашлыком пахнет,— проглотил слюну Серебровский.

— Каурма из баранины,— охотно пояснил Мирзабекянц.

— Мироныч! Саша! Заходите! — крикнул Орджоникидзе.

В просторной комнате за столом сидели Мирза Давуд Гусейнов, Левандовский, Ефремов, командиры и комиссары 32-й дивизии, вступившей в город в этот день. Едва поселившись в квартире, Орджоникидзе превратил ее в оперативный штаб Реввоенсовета Кавказского фронта.

— Говорят, в этой квартире жила невестка самого домовладельца папаши Скобелева,— весело сообщил Орджоникидзе,— а теперь мы с тобой жить будем. Вот твое «купе», как говорит Зина, она привыкла жить на колесах,— Орджоникидзе провел Кирова в продолговатую комнату с одним окном на улицу.

— Хорошее «купе»,— в тон ему ответил Киров,— была бы крыша над головой.

В те минуты он не предполагал, что через год с небольшим сам поселится в этой квартире и проживет в ней четыре с половиной года, а Орджоникидзе, часто приезжая из Тифлиса в Баку, будет останавливаться у него.

— А ты, Сандро, моим соседом будешь,— обернулся

Орджоникидзе к Серебровскому.— Пойдем, покажу.— Он провел его через лестничиую площадку в квартиру напротив: передияя, две комнаты, галерея. Миого солнца и воздуха.

— Ане понравится,— остался доволен Серебровский.

Вериувшись в гостиную, Орджоникидзе сообщил Кирову:

— Мы тут без тебя просмотрели иоты правительствам меньшевистской Грузии и дашиакской Армении.

Допоздна было шумно и людио в квартире Орджоникидзе. Уходили одни, приходили другие. А когда, иаконец, все разошлись, Орджоиикидзе, Киров и Серебровский еще долго сидели, беседуя за чаем. Сколько таких разговоров до глубокой ночи еще предстояло им впереди! С этих времеи крепкая дружба свяжет Серебровского с Орджоникидзе и Кировым.

Чуть свет Серебровский пришел в порт. Бросилась в глаза перемена, происшедшая здесь со вчерашнего дия: все ожило, пришло в движение. Из труб танкеров тяиул дымок, по палубам сновали матросы, слышались комаиды боцманов.

У трапа Лукьяиеико разговаривал с плотным, немолодым азербайджанцем в потертом кителе капитаиа торгового флота. Лукьяненко был без пиджака, канотье на затылке. Завидев Серебровского, он сделал шаг ему навстречу.

— Товарищ уполномоченный, семь танкеров к отправке готовы! — бодро доложил он, хотя вид у него был утомленный.

— Вот и отлично! — приветливо улыбиулся Серебровский и участливо спросил: — Небось ночь не спал?

Лукьяненко махнул рукой, мол, нам не привыкать. Серебровский обратился к капитану:

— Вы поведете танкер? Прежде ходили в Астрахаиь?

— Тыщи раз! — вздернув густые брови, ответил тот.— Ни компаса, ни лоции не надо, все здесь! — постучал он ладонью по лбу.

Серебровский терпеть не мог бахвальства, но тои и вид капитана развеселили его, и он добродушно сказал:

— Ну, коль так, пожелаю вам по-вашему, по-морскому, семь футов под килем.

— На море полный штиль, охраиа есть,— указал капитан на канонерку, стоявшую на рейде.— Хорошо дой-

дем. Ну, до свиданьица.— Он приложил руку к форменной фуражке и с легкостью, удивительной при его плотной, грузной фигуре, взбежал по трапу.

Серебровский оставался на причале до тех пор, пока оба танкера не отвалили от пирса и не стали удаляться.

«Ну вот, начало положено,— мысленно обращаясь к Ленину, подумал Серебровский,— нефть пошла!» Но, едва подумав о предстоящем, Серебровский ощутил беспокойство: «Как-то оно будет?»

Да, многое еще предстояло сделать, чтобы вернуть угнанные нефтеналивные суда, сосредоточить их вблизи нефтеперегонных заводов, наладить вывоз нефти по строгому плану. «Как-то оно будет?» — беспокойно думал Серебровский, направляясь на площадь Свободы.

УМИРАЮЩИЕ ПРОМЫСЛЫ

Биржевая площадь, расположенная между Будаговской, Молоканской, Большой Морской и Биржевой улицами, была единственным просторным местом в центральной части Баку с его узкими, тесно застроенными улицами. Именно поэтому с марта 1917 года, названная площадью Свободы, она стала средоточием многолюдных манифестаций. На трибуне, сколоченной рядом с круглым деревянным зданием кинотеатра «Рекорд», один оратор сменял другого. Эта площадь слышала речи С. Шаумяна, А. Джапаридзе, Н. Нариманова, М. Азизбекова, И. Фиолетова. Было время, когда здесь свистели нагайки, трещал английский пулемет, лилась рабочая кровь.

Но в день 1 Мая 1920 года флаги и живые цветы украсили площадь в алый цвет.

Серебровский поднялся на трибуну, убранную коврами и цветами, на которой находились члены Азревкома, Орджоникидзе и Киров. Он опоздал, уже кончился торжественный митинг, уже сказаны были приветственные речи, и теперь мимо трибуны, мимо делегаций фабрично-заводских и промысловых районов, под звуки оркестров, сверкавших медью на солнце, четко отбивая шаг, маршировали полки новой азербайджанской армии, сформированной из аскеров, перешедших на сторону Советской власти — все в новеньком, ладном английском обмундировании,— в таком только на парад и ходить!

За ними, встреченные радостными возгласами: «Ура!»,

«Слава армии-освободительнице!», на площадь вступили части 11-й армии. В мокрых от пота, застиранных гимнастерках, запыленных сапогах и ботинках, с винтовками, скатками, вещевыми мешками, красноармейцы шли неторопливо, походным шагом.

Едва завершился парад, началось массовое гуляние — всюду оркестры, песни, пляски.

Орджоникидзе, Киров и Серебровский, сопровождаемые членами Азревкома, направились к выходу на Будаговскую улицу. Перед воротами второго дома Советов стояло несколько автомашин. Возле них прохаживались председатель Совнархоза Н. И. Соловьев и интеллигентного вида азербайджанец. Накануне вечером Николай Иванович приходил к Орджоникидзе, и они договорились о совместной поездке на промыслы. Серебровский попросил пригласить кого-нибудь из местных специалистов, хорошо знакомого с положением дел. Соловьев назвал бывшего управляющего промыслами Мусы Нагиева инженера Фатуллабека Рустамбекова, охарактеризовал его как человека незаурядного ума, большого инженерного дарования, неутомимой энергии и изобретательности. И вот, подойдя к ним, Соловьев представил Рустамбекова. Среднего роста, щуплый, но молодцеватый (рукопожатие как тиски), хотя на вид больше пятидесяти лет. Лицо задубевшее, смуглое от постоянного пребывания на ветру и под солнцем. Седеющие волосы с аккуратным чубчиком и небольшие усики резко контрастировали с густыми бровями, из-под которых строго и умно глядели большие черные глаза.

Орджоникидзе, Киров и Соловьев сели в первую машину, Серебровский и Рустамбеков — во вторую.

В пути, присматриваясь к Рустамбекову, Александр Павлович полюбопытствовал:

— Так вы, стало быть, из беков, Фатуллабек?

Рустамбеков скупо усмехнулся.

— Таких беков, как я, у нас в Азербайджане хоть пруд пруди. Одно только название — бек. Папаша мой, Асад-киши, разночинец, работал переводчиком и делопроизводителем в судебных учреждениях города Сальяны. Средствами, необходимыми для того, чтобы дать образование мне и моим братьям, он не располагал. Учился я на казенный счет. Окончил с отличием Бакинское реальное училище. Ну а затем — петербургский Технологический институт со стипендией Кавказского горного округа...

— Так вы «технологичку» окончили? Я тоже пытался поступить туда, да увы... На промыслах давно работаете?

— Официально с девяноста третьего, по окончании института. Но, и будучи студентом, работал, даже избирался членом бакинского отделения Русского технического общества.

— Похвально... И все управляющим?

— Нет, первые пять лет работал инженером на разных промыслах.— Он вздохнул.— Тяжело вспоминать о минувшем. Все попытки каких-либо реконструкций промыслового дела натыкались на страшную скупость Мусы Нагиева.

— Вы хорошо знакомы с положением дел Бакинского нефтяного района?

— По роду службы,— будинчно ответил Рустамбеков и извлек из кармана потрепанную записную книжку.— Вот, специально прихватил. Тут различные сведения за последние пять лет.

— Любопытно, любопытно,— Серебровский прищурил левый глаз, он всегда так делал, когда был доволен чем-то.— Фатуллабек, а много в Баку осталось старых специалистов?

— Что вам сказать? Иные бежали, как крысы с тонущего корабля. Но и осталось немало. Есть у нас отличные знатоки бурового дела Джеваншир, Бейбутов, затем Ерваид Тагианосов, Григорий Эминов...

— Григорий Иванович?

— Он самый.

— Старый знакомый,— Серебровский, улыбаясь, рассказал: — В пятом году я работал под его началом. Но так как партийные дела мешали мне вовремя являться на работу, однажды он оштрафовал меня на один рубль серебром. Напомню ему при встрече... Стало быть, остались только лояльные специалисты?

— Не только. Думаю, иные остались, чтобы защитить интересы своих хозяев, если вы национализируете промыслы, как в восемнадцатом году.

— Непременно национализируем! — заявил Серебровский, словно Рустамбеков возражал ему.— Вчера мы беседовали с Николаем Ивановичем. Хотелось бы и от вас услышать, что досталось нам в наследство.

— Говорят, лучше один раз увидеть, чем семь раз услышать...

— И все же.

— Война, мусаватисты, англичане. Промыслы оказа-

лись в плачевном состоянии. Оборудование либо расхищено, либо испорчено, либо нуждается в немедленном, коренном обновлении. Вот несколько цифр,— он полистал записную книжку.— Бурение уменьшилось в четырнадцать раз, добыча нефти — в четыре раза. Из шести тысяч скважин простаивает более четырех.

— Ну а запасы нефти есть все-таки?

— Запасы есть. Свыше трехсот миллионов пудов. Некуда было вывозить нефть, вот она и скопилась. Только англичане вывозили для своих войск в Иран и Месопотамию. Шесть миллионов пудов украли! Общий убыток, нанесенный ими нефтяному хозяйству Баку,— он снова полистал книжечку,— считая по средним биржевым ценам четырнадцатого года, составляет двадцать четыре миллиона триста пятнадцать тысяч восемьсот сорок шесть рублей девяносто три копейки.

— Скажите пожалуйста! — хмыкнул Серебровский.— С точностью до копеек... Ничего, придет день, предъявим им счет!

Миновали убогие строения окраины и выехали на широкую, мощенную булыжником улицу, вдоль которой тянулись высокие каменные заборы; за ними вонзались в небо трубы и причудливые установки нефтеперегонных заводов. Все здесь: заборы, здания, трубы, установки были черными от сажи, обильно выделявшейся при сжигании нефти в жаровнях для обогрева котлов, отчего Фабрично-заводской район называли «черным городом». Серебровский еще с пятого года помнил, что над всем районом нависало черное облако и ветер кружил в воздухе крупные хлопья сажи, доносил их до центральной части Баку.

— Вроде сажи стало меньше,— отметил он.

— Заводы стоят,— подтвердил Рустамбеков.— Слишком велик отлив рабочей силы. Если в тринадцатом году в нефтяной промышленности было занято шестьдесят тысяч рабочих, то сейчас в три раза меньше, да и те без дела.

— Да, неутешительные цифры... Помню, в пятом году из-за пожаров и погромов добыча сократилась вдвое. А теперь, стало быть, ниже уровня пятого года опустилась? — Рустамбеков молча кивнул.— В чем, Фатуллабек, на ваш взгляд, главная причина такого падения добычи нефти?

— Причина тут не одна,— не спеша начал говорить Рустамбеков.— Думаю, первопричина — в ожесточенной

конкуренции, царившей между нефтепромышленниками, в особенности между местными и зарубежными, а она вела к неправильной эксплуатации недр. Каждый из них стремился получить в короткий срок открытым способом побольше дешевой нефти. «Золотой» фонтан обеспечивал легкую победу над конкурентом и выгодные биржевые сделки. Вот вам один пример. В конце прошлого века полковник Бурмейстр пробурил возле деревни Сабунчи глубокую скважину, из нее ударил такой мощный фонтан, что все окрестные дачи залило нефтью. Цены на участки земли между Сабунчами и Раманами баснословно поднялись: тысяча пятьсот рублей за десятину! Скупили их в основном Нобель, Ротшильд, Бенкендорф и местные миллионеры Шамси Асадуллаев, Муртуза Мухтаров, Леон Манташев ну и другие воротилы. Между этими деревнями вырос лес вышек и меньше чем через год из двадцати пяти скважин забили фонтаны. Вы видели Раманинское озеро? Оно образовалось из буровых вод, затопивших дачи, расположенные в низине.

Да, фонтан оборачивался для хозяев золотым дождем. И им незачем было заботиться о технологических режимах; пользуясь отсталой техникой, они нещадно истощали верхние горизонты, но не могли бурить нижние, таящие большие запасы нефти. Все это и многое другое привело к падению добычи нефти...

Серебровский внимательно слушал Рустамбекова. Машины уже миновали «черный город», зеленый оазис нобелевской «Виллы петролеа», «белый город», селение Кишлы, разделенное на азербайджанскую и армянскую части, гору Степана Разина с черным зевом пещеры. Серебровский помнил легенду, будто подземный ход связывал эту пещеру с одним из островов на Каспии, с Дуванным, на котором якобы буйны молодцы Стеньки Разина, случалось, пировали и отдыхали от походов.

Но это легенда, а Серебровский помнил и быль: рабочую маевку пятого года, разогнанную конными казаками.

Въехали на промысел. К обеим сторонам дороги подступал мрачный лес приземистых буровых вышек, обшитых почерневшими от нефти досками. К каждой вышке лепился небольшой сарай, в котором находилась паровая машина. Земля лоснилась от нефти; вся она была прорезана канавами и изрыта ямами, наполненными стоячей водой и нефтью, в них булькали пузырьки газа. В воздухе удушливо пахло сероводородом. Пустынный

промысел казался вымершим, гнетущая тишина стояла вокруг: не слышалось ни режущего свиста разматываемых канатов, ни лязга опрокидываемых желонок, ни заунывного, за душу хватающего пения рабочих-тартальщиков.

Но чу! Откуда-то донесся стук движка, деловитый, единственный среди удручающей тишины. Орджоникидзе, Киров и Соловьев направились к вышке, где копошились несколько рабочих. Серебровский и Рустамбеков последовали за ними.

Над устьем скважины, из которой, наматываясь на барабан, тянулся вверх канат, стояли в напряженном внимании тартальщики — два голых по пояс рабочих, босых, в замызганных брюках, подвернутых выше колен, с войлочными островерхими шапочками на головах. И тела, и лица их были черны от нефти, только глаза да зубы сверкали белизной. Вот из скважины показалась желонка, и тартальщики ухватили ее, стали придерживать. Киров, никогда прежде не бывавший на промыслах,— он видел их в Грозном только издали — подошел вплотную к скважине, стал разглядывать желонку — круглое железное ведро, наполненное нефтью. Но это «ведро» все вылезало и вылезало, казалось, ему не будет конца. Когда длинный, трехметровый сосуд, вмещающий восемь пудов нефти, целиком поднялся на поверхность, рабочие подали знак, замолк мотор, а они, обняв желонку, напрягая силы, потащили ее в сторону и ловко опустили на желоб. Дно желонки открылось, и нефть потекла по желобу к земляному амбару.

— Вот так и добывают ее? — изумился Киров.— Первобытное варварство!

— Ну, это еще куда ни шло,— усмехнулся Рустамбеков.— А ведь было время, когда рабочие вручную тащили из колодцев тяжелые бурдюки с нефтью. Так что способ желоночного тартания — шаг в нефтяном деле.

— У этого прогресса длинная седая борода,— съязвил Серебровский.— В Америке давно используют глубокие насосы.

— Да, мы основательно отстали от Америки, и не только в способах добычи, но и бурения,— сказал Рустамбеков.— Там уже перешли на роторное, на вращательное бурение, а мы до сих пор долбим землю ударно-штанговым способом. Хотя история бурения скважин на нефть начиналась у нас на Апшероне.

— Разве же? — усомнился Соловьев.— Помнится, я

читал где-то, что первая в мире скважина пробурена в Пенсильвании в 1859 году неким полковником Дрейком.

— К сожалению, такое утверждение вы можете прочесть в трудах наших исследователей,— развел руками Рустамбеков.— Увы, они часто уподобляются Иванам непомнящим родства и готовы во всем отдать пальму первенства западным странам.— Киров, прислушивавшийся к разговору, подошел к спутникам.— Между тем первая в мире скважина пробурена еще в 1847 году на Биби-Эйбате под руководством директора Бакинских нефтяных промыслов, майора корпуса горных инженеров Алексеева. Как видите, дорогие товарищи, мы опередили американцев на двенадцать лет.

— Как же я не знал этого? — смутился Соловьев.

— Странно, однако, отчего же иноземные хозяева, нобели, ротшильды, бенкендорфы и прочие, не завели вращательного бурения на своих бакинских промыслах? — спросил Серебровский.

— Пробовали,— махнул рукой Рустамбеков.— Привезли девятнадцать станков, выписали заграничных мастеров, огородили буровые высокими заборами, чтобы скрыть от любопытных конкурентов секреты работы. Ну, пробурили три десятка скважин, тем дело и кончилось. Зачем, мол, тратить деньги на дорогостоящее оборудование и высокооплачиваемых мастеров, когда и устаревшей техникой можно долбить землю, используя этот «рабочий скот»? — указал он на тартальщиков. Киров покосился на него, недовольный таким сравнением. Рустамбеков понял смысл его взгляда.— Да, да, скотина и ценилась выше, и содержалась в лучших условиях, чем рабочие, в особенности выходцы из южного Азербайджана.

— Вот поедем, сами увидите рабочие казармы. Даже санитарные инспектора признавали, что в таких помещениях не то что людей, но и животных держать нельзя.

— Видели, видели,— хмуро ответил Орджоникидзе, направляясь к машине.

Разговор о рабочих жилищах вызвал в памяти Серебровского давние картины длинных, приземистых казарм, зажатых среди промыслов, на грязной, пропитанной нефтью земле с кучами отбросов и зловонными лужами стоячей воды — ни деревца, ни кустика, ни травинки не было на ней; в полутемных комнатах с земляными полами вдоль неоштукатуренных стен тесно стояли в два ряда голые деревянные топчаны со свернутыми

ветхими постелями; на веревках, протянутых вдоль стен,— брюки, пиджаки, рубахи — весь скудный «гардероб» нефтяников.

То, что они увидели, произвело на Серебровского еще более удручающее впечатление. Правда, в Сабунчах, над скалистой грядой, вдоль которой тянулось железнодорожное полотно, они увидели несколько добротных двухэтажных домов с открытыми верандами.

— Нобель построил,— объяснил Рустамбеков.— Семейные общежития для инженеров и мастеров.

А рабочие, приехавшие на заработки из России и Ирана, семейные и одинокие, все так же ютились в казармах и бараках, лачугах и землянках. И еще разительней стали грязь, нищета и убогость. Серебровский вместе со своими товарищами шел от казармы к казарме, заглядывал в темные жилища, и в его уме зрели планы строительства рабочих поселков, вынесенных за пределы промыслов, и даже вырисовывался их будущий облик: ровные, широкие улицы аккуратных коттеджей на одну-две семьи, перед ними палисадники; в каждом доме — электричество, газ, вода; в каждом поселке — клуб, школа, библиотека... Но о строительстве новых поселков рано думать. Прежде надо национализировать промыслы, накормить, одеть и обуть рабочих, поселить их в сносные казармы.

Ехали вдоль каменной стены трехметровой высоты, извилисто протянувшейся по промыслам на многие километры; к ней особенно густо лепились буровые вышки. Серебровский знал, что такие стены или глубокие рвы разделяли нефтеучастки. Их владельцы, ставя буровые у самого края границы, пытались воровски подсасывать нефть из пластов соседей.

За стеной начинались земли старейшего нефтяного района Апшерона, его главного нефтяного источника — Балаханов. Много волнующих воспоминаний было связано с Балаханами у Орджоникидзе и Серебровского. Им тем более интересно было услышать любопытные сведения, которые сообщил Рустамбеков, когда они пешком пошли по промыслу. Все, о чем он рассказывал, начиналось со слов «самый» и «первый». Вот он подвел своих спутников к широкой яме, закиданной камнями.

— В те времена, когда нефть, как воду, черпали из открытых колодцев,— начал он,— здесь находился самый первый колодец «Халафи». Каждому колодцу присваивалось имя его владельца или мастера, вырывшего

его: «Халафи», «Гасан-Али», «Гаджи-Зураб», «Уруси», то есть русский, «Петруси», от армянского имени Петрос. Так вот, из этого колодца извлекли камень с выбитой на нем надписью, что колодец перестроен в 1623 году. Перестроен! — повторил он.— А за сколько же лет до этого он вырыт? Кстати, «Халафи» был и самым глубоким колодцем в Балаханах, а их здесь было много, почти три четверти всех колодцев Апшерона находилось в Балаханах.

Рустамбеков показал своим спутникам и забитое устье скважины Вермишева на бывшем участке Тифлисского торгового товарищества «Халафи», из которого в 1873 году ударил первый на Апшероне фонтан, и здание первого нефтеперегонного завода, построенного инженером Н. И. Воскобойниковым в 1846 году, и первый нефтепровод, проложенный в 1877 году фирмой «Товарищество Бр. Нобель» из Балаханов в «черный город».

Наконец пришли в Балаханы, большое село с двух- и даже трехэтажными домами. После мрачных промыслов радовала глаз бело-розовая кипень яблонь, фисташек и миндаля. Перед воротами на тюфячках сидели благообразные старцы в барашковых папахах, пили чай, перебирали янтарные четки. А мимо бегали мальчишки, запускали бумажных змеев.

На площади у выхода из клуба, который здесь громко именовали театром Бенкендорфа, в окружении десятка празднично одетых людей стоял импозантный черноволосый мужчина лет тридцати со щеточкой аккуратных усов и в пенсне. Это был член Азревкома, нарком внутренних дел Гамид Султанов: после парада на площади Свободы члены правительства разъехались по заводским и промысловым районам, на митинги и собрания.

Гамид Султанов был своим человеком в Балаханах. В 1906 году, исключенный из Тифлисской гимназии за участие в демонстрации, он приехал сюда, работал слесарем, а затем машинистом на фирме Ротшильда «Каспийско-Черноморское общество». Вместе с Серго Орджоникидзе, Иваном Фиолетовым создал балаханское бюро Союза нефтепромышленных рабочих. Когда Алеша Джапаридзе выступал перед рабочими-азербайджанцами, его неизменным переводчиком был Гамид Султанов. Даже эмигрировав осенью 1909 года в Германию, он не прерывал связи с Балаханами. В 1913 году вернулся с дипломом инженера, работал на промысле «Армус», рядом с Балаханами.

Завидев гостей, Султанов умолк и все двинулись им навстречу. Плотный, крепко скроенный мужчина лет пятидесяти, с открытым, высоким лбом, густобровый, с пышными, закрученными кверху усами, широко развел в стороны сильные руки.

— Кого я вижу! Ай доктор-джан, добро пожаловать! — Он обнял Орджоникидзе.

— Салам, уста (мастер) Пири, салам! Как живешь? Не болеешь? — весело спросил Орджоникидзе.

— Болею, болею,— смеясь, ответил уста Пири.— Лечить будешь?

— Приходи в приемный покой, полечу и лекарства дам...

Киров, Соловьев и Рустамбеков молча наблюдали за встречей старых знакомых, не понимая подтекста их шутливого диалога. А Султанов и местные жители пересмеивались. Они хорошо понимали, о чем говорили собеседники. Многие из них бывали в раманинском приемном покое у фельдшера Серго Орджоникидзе еще в 1907 году. Тогда в одной из двух небольших комнат фельдшер жил, а во второй — принимал. Под видом больных к нему приходили рабочие-подпольщики, и Серго давал им партийные поручения, листовки и прокламации. В приемном покое нелегально собирались руководители Бакинского комитета партии, члены стачечного комитета. Фельдшер Орджоникидзе часто ходил из Раманов в Сабунчи, Балаханы, Сураханы, проверял санитарное состояние бараков и одновременно вел политическую агитацию среди рабочих.

В ту пору Серебровского уже не было в Баку. Но, слушая их разговор, он улыбался и пристально смотрел на уста Пири. Почувствовав на себе взгляд, уста внимательно, как бы припоминая, посмотрел на Серебровского и вдруг радостно воскликнул:

— Вай, товарищ Гриша, это ты? — Он ткнул в бок своего соседа.— Данил, посмотри, кто приехал! Узнаешь?

— Зачем кричишь? — спокойно ответил Данил.— Здравствуй, товарищ Глазунов.

— Здравствуйте, здравствуйте, друзья! — закивал Серебровский.— Но я больше не Гриша Глазунов, а Серебровский.

— Александр Павлович здесь, чтобы вместе с нами заняться восстановлением нефтяной промышленности,— пояснил Гамид Султанов.

— Вот как! Очень хорошо. Значит, опять вместе будем работать,— почтительно ответил уста Пири и спросил, указывая на Кирова и Соловьева: — А эти уважаемые кто будут?

Орджоникидзе представил их.

— Спасибо, товарищ Серго! Каких дорогих гостей ты нам привез. Мусеиб,— обратился он к молодому, щуплому человеку с кобурой на боку.— Одна нога здесь, другая у нас! Скажи Фатьме-ханум: гости едут, пусть подготовится.

Мусеиб, придерживая кобуру, бросился выполнять поручение.

— Зачем беспокоить хозяйку? — вяло возразил Орджоникидзе, зная, что по законам кавказского гостеприимства отказаться от приглашения — значит кровно обидеть хозяина.

— Мать моих детей Фатьма-ханум будет рада гостям,— ответил уста Пири.— У нас с ней особенный праздник,— добавил он и, загибая пальцы, стал перечислять:— Советская власть победила — раз, первый свободный Май празднуем — два, дочь появилась на свет — три.

— Поздравляем, поздравляем! Расти ей большой и счастливой! — послышались голоса.

— Спасибо, друзья, спасибо. Да, по моим детям можно изучать историю. Первенец Мамед Паша родился в четырнадцатом году, второй сын Исрафил — в семнадцатом и вот Зулейха — 28 апреля.

— Надо же, какое счастливое совпадение! Ровесница Советского Азербайджана.

— Уста Пири, а полиция не нагрянет? — шутливо спросил Серебровский.

— А-а-а, помнишь, да? — обрадовался уста Пири и принялся живо рассказывать, как с легкой руки вот этого самого Данила,— он похлопал по плечу молчаливого друга-армянина,— он превратил свой дом в селении Амираджаны в явочную квартиру, где под видом дружеских вечеринок проводились нелегальные собрания. Ну кто бы мог заподозрить, что в доме известного бурового мастера собираются большевики? Но однажды, когда там находились Джапаридзе, Монтин, Серебровский и несколько членов Балахано-Сабунчинского райкома партии, в комнату вбежал дежуривший у ворот Мусеиб: «Полиция!» Уста Пири повел гостей в «эндерун» — внутреннюю, женскую половину дома, куда вход посторонним

мужчинам заказан. Дело происходило летом, семья переехала на дачу — «эндерун» пустовал. Оттуда они вышли к задней калитке, спустились по обрыву к озеру и благополучно скрылись...

Слушая рассказ, Серебровский думал совсем о другом. Он знал, что костяком поредевшей теперь армии нефтяников являются коренные апшеронцы, выходцы из селений Амираджаны, Сураханы, Раманы, Сабунчи и Балаханы, потомственные нефтяники, такие, как буровой мастер Пири Кулиев, сын известного в свое время тартальщика Дост Мамеда. От своих дедов и отцов, казенных крестьян, приписанных к нефтяным промыслам и вынужденных вместо земледелия и скотоводства заниматься добыванием нефти, они с детских лет переняли профессии нефтяников, секреты их мастерства. Значит, есть на кого опереться, есть с кем начинать спасение умирающих промыслов, думал Серебровский.

ЭНЗЕЛИ

Поздно ночью постучал Арам Мирзабекянц: «Серго зовет. Комфлот пришел...»

Навстречу Серебровскому поднялся могучий, красивый мужчина с орденом Боевого Красного Знамени на лацкане синего форменного кителя.

— Раскольников, Федор Федорович...

— Так это и есть Раскольников? — приятно изумился Серебровский.

Ему живо вспомнилась та апрельская ночь семнадцатого года, когда в Петроград вернулся Владимир Ильич Ленин. Тысячи людей запрудили площадь перед особняком Кшесинской, так и рвались в здание, чтобы повидать Ленина, но высокий мичман с командой матросов сдерживал их напор...

Раскольников продолжал прерванный рассказ о том, как передовой отряд кораблей флотилии без единого выстрела совершил переход из Петровска в Баку, но пришел, что называется, на готовенькое.

— Это ж замечательно, Федя,— улыбаясь одними глазами, перебил Киров, знавший его по Астрахани как человека экспансивного, отчаянно храброго и достаточно честолюбивого.— Потери на пальцах пересчитать можно. Так уж получилось: горожане легли спать под мусаватистским флагом, а проснулись с советским.

— Мироныч, как ты не понимаешь, комфлот жаждет рассчитаться с англичанами за свой плен,— шутливо сказал Орджоникидзе, друживший с Раскольниковым еще с 1912 года.

Серебровский метнул взгляд на Раскольникова: нет, напоминание о плене не обидело его, он улыбался.

— Ничего, я еще рассчитаюсь с ними,— с решимостью ответил Раскольников.— В британском Адмиралтействе и в Скотланд-ярде у меня допытывались, сколько кораблей и матросов перебросили мы из Балтийского моря на Каспий. Тогда они ничего не узнали. Ну а теперь я удовлетворю их любопытство! Англо-деникинский флот зажат в угол и ему не укрыться от наших залпов! — Он вытащил из кителя телеграфный бланк, протянул его Орджоникидзе.— Коморси прислал депешу. Возлагает на меня задачу очистить Каспийское море от неприятеля.

Орджоникидзе прочел телеграмму командующего Морскими силами республики Александра Васильевича Немитца, передал ее Кирову и спросил:

— Флотилия готова выполнить задачу?

— Потребуется несколько дней на подготовку кораблей и разработку операции. Начштаба Кугель уже приступил к делу.

— Пусть разрабатывает. Но с учетом политической обстановки...

Раскольникову показалось, что Орджоникидзе колеблется почему-то, не решается дать «добро». Чтобы убедить его, сказал:

— Пока в Энзели стоит вражеская флотилия, не будет мира и спокойствия на Каспии.

— И план перевозки нефти в Россию под угрозой,— добавил Серебровский.

— Возьми под контроль охрану нефтяных караванов,— обратился Орджоникидзе к Раскольникову.— В этом деле Серебровский твой «начальник гарнизона».

— Об этом мы договоримся,— махнул рукой Серебровский.— Да ведь возить не в чем! Почти весь нефтеналивной флот стоит в Энзели «под ружьем»! Поражаюсь, как же Персия [1], нейтральная страна, приютила в своем порту враждебную нам флотилию?

— Станут англичане испрашивать разрешения у правительства, находящегося у них в подчинении,— ответил

[1] Иран до 1935 года назывался Персией.

Киров.— Ты вот скажи, с какой целью они держат наготове флот...

— И дальнобойные орудия устанавливают на берегу! — подсказал Раскольников.

— ...зачем они блокируют Каспий, если Антанта официально объявила о снятии блокады с Советской России?

Серебровский пожал плечами, усмехнулся:

— Боятся, что Красная Армия придет?

— Конечно! — ответил Раскольников.— Азербайджан же потеряли. Вот и выставили железный заслон на пути «большевистской заразы»!

— Опасность грозит англичанам не извне, а изнутри,— спокойно начал Орджоникидзе.— Есть сведения, что в последние дни в Гиляне, а в эту провинцию входит и Энзели, оживилась борьба джангалийцев Кучек-хана... А что если Кучек-хан возьмет власть и призовет на помощь Красную Армию? — с лукавой усмешкой оглядел он всех.

— Ну, это бабушка надвое сказала,— усомнился Киров.— Не тот человек Кучек-хан, чтобы брататься с Красной Армией. Да и у англичан замысел куда коварнее: вернуть нефтяной Баку! Слышали небось английское изречение: «Если нефть — королева, то Баку — ее трон»?

— Красиво сказано! Но, увы, «трон» занят законным владельцем,— развел руками Серебровский.

— А это-то и не устраивает англичан,— продолжал Киров.— Они надеются, что бежавшие ханы и беки под залпы их орудий вернутся к власти и снова «пригласят» их в Баку.

— Федя, завтра же отправь несколько кораблей с десантом Кожанова на юг, к Ленкорани и Астаре. Надо очистить побережье Азербайджана от мусаватистских и контрреволюционных банд. Кожанову остаться в Ленкорани начальником боевого участка,— приказал Орджоникидзе.

— Есть, товарищ Серго!.. Разрешите и мне пойти на «Либкнехте»?

— Иди, иди... А Энзели... Передай Кугелю: операцию готовить в полной тайне, она должна быть неожиданной и стремительной. Мы с Миронычем согласуем с А. В. Немитцем и Г. В. Чичериным. И с Ильичем посоветуемся. Сами знаете, как он строг и щепетилен в национальном вопросе... Думаю, во избежание демарша иранских властей, тебе придется заявить, что ты действу-

ешь по своему личному усмотрению, без ведома Москвы. Понял меня?

— Так точно, товарищ Серго! — задорно откликнулся Раскольников.— Уж я устрою англичанам «энзелийскую побудку»!

Киров усмехнулся, покачал головой...

Через день после этого разговора вечером Серебровский заглянул к Орджоникидзе и еще из коридора услышал, как он сердито кричит в телефон:

— Слушай, ты председатель ЧК или нет? Морчека подчиняется тебе или нет?.. Разберись, разберись, дорогой. Ты же сам бывший моряк!.. Нет, доложишь на президиуме ЦК! — бросив трубку на рычаг, он широко улыбнулся Серебровскому.— Александр, с тебя магарыч! Федя уже захватил для тебя один нефтеналивной пароход.

— Он в Энзели? — поразился Серебровский.

— Нет, из Ленкорани радирует. Вот, почитай,— Орджоникидзе протянул бланк радиограммы.

«3 мая на параллели устья реки Куры нашими судами захвачен большой нефтеналивной пароход «Галилей», шедший с английской документацией...» — Серебровский перевел взгляд на Орджоникидзе.

— Ты представляешь? — снова вскипел тот.— «С английской документацией»! Ротозеи сидят в Морчека! Не шлюпку — пароход увели у них из-под носа, да еще с архивом англичан!

(Забегая вперед, скажем, что через несколько дней Серебровскому показали два документа из этого архива, касающиеся нефтяного дела.

Первый — копия телеграммы командующего месопотамской армией англичан генерал-лейтенанта Маршалла. В сентябре 1918 года, когда турецкая армия Нури Паши стремительно наступала на Баку, Маршалл приказал командующему оккупационным отрядом генералу Денстервилю: «Оставить Баку на произвол судьбы... и разрушить перед отступлением нефтяные скважины».

Второй — стенограмма речи председателя Биби-Эйбатской нефтяной компании Герберта Аллена на банкете в 1919 году, после того как английские войска под командованием генерала Томсона вторично оккупировали Баку. Аллен говорил с циничной откровенностью: «Никогда еще британская история не давала нам таких возможностей для расширения влияния и торговли, такого благоприятного случая, чтобы создать вторую Ин-

дню или второй Египет. Русская нефтепромышленность, широко финансированная и организованная надлежащим образом под британским руководством, может явиться ценным приобретением для британской империи...»)

Вскоре пришел Киров, и Зинаида Гавриловна стала накрывать на стол: она просила «женатых холостяков», как в шутку называла Кирова и Серебровского, к ужину непременно приходить к ним домой.

Орджоникидзе, горячась, пересказал Кирову историю «Галилея».

— Преступное благодушие на почве затянувшегося ликования,— ответил Киров.— Завтра на конференции я подолью уксуса в сладкую водичку революционных славословий!

После ужина Орджоникидзе сказал:

— Мироныч, неси «дезертира», «составим радио» Ильичу.

Они прошли в кабинет. Киров принес из своей комнаты пухлый портфель, извлек из него длинный блокнот, потрепанный томик Лермонтова, раскрыл его на стихотворении «Беглец» — эта горская легенда, которую они и в шутку, и в целях конспирации называли «дезертир», служила ключом к шифру, составленному Сергеем Мироновичем. Сообща они принялись за текст.

...В театре «Пель-Мель» такого никогда не бывало. Еще неделю назад в его фойе люди чинно прогуливались в сюртуках и офицерских мундирах, плавно скользили в нарядных платьях дамы, а сегодня здесь господствуют рабочие блузы и лоснящиеся пиджаки, пропахшие потом гимнастерки. Стоял непрерывный гул от разноязычного говора, радостных восклицаний, смеха. Собрались в основном люди, которые почти два года в подполье вели нелегальную борьбу, иные из них томились в тюрьмах, и вот сегодня они впервые так свободно и открыто присутствуют на I Общебакинской партийной конференции. Многие читали купленную здесь же газету «Коммунист» с декретом Азревкома о земле, горячо обсуждали его.

В три часа за столом президиума появились члены Бакинского комитета партии, ревкома, среди них Орджоникидзе и Киров.

Орджоникидзе то и дело поглядывал за кулисы: не прибежит ли связист с телеграммой от Ленина? Он не сомневался, что Ленин пришлет приветствие, и ему хо-

телось огласить его на конференции. Но связист не появлялся.

Слово предоставили Орджоникидзе. И снова грохотом аплодисментов взорвался зал. Многие из присутствовавших знали его, старого бакинца, помнили фельдшера Серго. И им лестно было услышать его признание:

— Всегда, везде и всюду, куда я ни попадал: и в Сибири, и в России, везде и всегда я чувствовал себя воспитанником бакинского пролетариата...

Но пожалуй, главным событием конференции стал доклад Сергея Мироновича Кирова.

Вот он вышел на трибуну, коренастый и широкогрудый, щедро улыбаясь, оглядел зал смеющимися глазами и, выразительно жестикулируя, начал говорить звонким, набирающим силу голосом.

Придет время, когда бакинцы, полюбив своего Мироныча, будут спешить на его выступления с отдаленных промыслов, не считая десятки километров за расстояние. Сейчас же они слушали его впервые.

— Товарищи! Ровно в полночь 27 апреля у дверей, ведущих в страны Восходящего солнца, совершилось событие, от которого прогнившая буржуазная капиталистическая система мира потерпела новый удар и новое поражение. Это событие заключалось в том, что изнывавший под беко-ханским игом Азербайджан повенчался с великой Советской страной — рабоче-крестьянской Россией...

Серебровский перед началом заседания видел, как Киров, заложив руки в карманы, ходил из угла в угол и сосредоточенно обдумывал что-то. Поймав на себе любопытный взгляд, он как-то виновато улыбнулся и признался:

— Самое тяжелое для меня — найти ось, стержень доклада. Когда найдешь, тогда пойдет...

Значит, нашел! Продолжая образное сравнение, Киров говорил о том, что «невеста» Азербайджана «не совсем пригожа... не особенно румяна» и представляет «в смысле экономическом почти в полном смысле слова сироту». Он кратко описал неслыханные трудности, что выпали на долю Советской России в той огромной борьбе, которую она выдержала за два с половиной года рабоче-крестьянской революции; рассказал и о победах, одержанных ею, и о бедственном положении ее — хозяйственной разрухе и выразил твердую уверенность, что:

— Когда Азербайджан идет рука об руку... с Советской Россией и бакинская нефть — эта черная, грязная жижа, которая отравляет здесь атмосферу,— потечет быстрым потоком в Россию,— рабоче-крестьянская Россия получит возможность вздохнуть если не полной грудью, то в достаточной степени свободно. Если теперь по всем артериям побежит живительная черная влага, то в ближайшие же месяцы хозяйственная работа пойдет гораздо быстрее, гораздо энергичнее.

Зал затаил дыхание, когда Киров начал говорить о задачах коммунистов Азербайджана:

— Надо перестать бить в торжественные литавры, а попристальнее посмотреть на азербайджанскую действительность глазами марксистов, большевиков-коммунистов... В сущности, настоящая, потрясающая самые основы буржуазного строя, революция в Азербайджане еще не произошла... массы азербайджанского населения просто оглушены тем, что случилось, но не больше.

«Вот и уксус!» — подумал Серебровский.

Киров потряс над головой газетой «Коммунист» и продолжал:

— Декрет о передаче всех земель трудовому народу без всякого выкупа — лишь первый удар по беко-ханскому строю... Следующий удар должен быть по крупному капиталу. Все то, чем богат сейчас Азербайджан, все то, что является приманкой для всех западноевропейских стран, прежде всего наши нефтяные промыслы,— Киров машинально взглянул в сторону Соловьева и Серебровского,— над всем этим должен быть поставлен рабоче-крестьянский, советский коммунистический знак.

— Как говорит, а! — шепнул Серебровский Соловьеву: опытный агитатор, он был зачарован ораторским искусством Кирова.— Какая четкая, конкретная программа!..

Разъезжая по рабочим районам, по промыслам и заводам, где едва теплилась жизнь, Серебровский видел, как рабочие читали и обсуждали доклад, выделяя слова о том, что «полный переворот в жизни фабрик, заводов, промыслов нужно провести решительно, безапелляционно, без всякого колебания, без какого-либо соглашательства», слышал об их готовности действовать незамедлительно.

5 мая, получив радиограмму, Владимир Ильич тотчас же написал приветствие. Но телеграмма задержалась на передаточном пункте в Ростове и поступила в Ба-

ку только к исходу дня 6 мая. А 7-го была пятница, для мусульман выходной день, в субботу газеты не выходили, и телеграмма В. И. Ленина была опубликована только 9 мая. В тот день город празднично украсился флагами и цветами. На здании Азревкома вывесили большое алое полотнище с текстом приветствия на русском и азербайджанском языках.

На следующий день члены правительства и ответственные работники-коммунисты по путевке агитотдела Бакинского комитета партии разъехались по рабочим районам и выступили на митингах с докладом на тему «Советская Россия и независимая Азербайджанская республика».

Серебровский в черногородском порту с утра готовил очередной караван нефтеналивных судов, там и выступил на митинге. С этим караваном ушел в Астрахань и танкер «Галилей». Осматривая судно перед наливом, Серебровский не раз добрым словом помянул Раскольникова. Самого комфлота он не видел, хотя знал, что тот вернулся из Ленкорани, а во вчерашней газете прочел постановление Азревкома о назначении Раскольникова одновременно командующим Азербайджанской флотилией. «Не случайно ему подчинили обе флотилии,— подумал Серебровский, поглядывая на силуэты кораблей, стоявших в бухте.— Стало быть, день похода на Энзели не за горами».

Занятый суматохой повседневных дел, Серебровский не заметил, когда ушли корабли из бухты: однажды утром, выглянув в окно, он не увидел их на прежнем месте. Поэтому для него было радостной неожиданностью, когда веселый, оживленный Серго, размахивая телеграфным бланком, встретил его шумным возгласом:

— Поздравляю, Серебровский! Каспий наш! Флот наш!

— Как, уже? — усомнился Серебровский.

— Читай, читай! — и Орджоникидзе передал ему бланк.

Это была копия радиограммы, посланной Раскольниковым В. И. Ленину: «...захватом в плен белогвардейского флота, в течение двух лет имевшего господство на Каспийском море, боевые задачи, стоявшие перед Советской властью на Каспии, всецело закончены. Отныне Российский и Азербайджанский Советские флоты являются едиными и полновластными хозяевами Каспийского моря. Притоку нефти к сердцу Республики не угрожает никакая

опасность. Все вооруженные суда, пригодные для водного транспорта, будут немедленно разоружены и приспособлены на перевозку нефти из Баку в Астрахань. Красный флот, завоевавший для Советской республики Каспийское море, приветствует с его южных берегов любимого вождя пролетариата товарища Ленина».

— Ну, замечательно! Теперь дело пойдет веселее. Только скорей бы пригнали суда. Пока их разоружат... да и подремонтировать надо будет. На «Галилее» сутки авралили.

— Придут, придут,— успокоил Орджоникидзе.— Но Федя, каков молодец, а? Надо представить его ко второму ордену.

Ждать, действительно, пришлось недолго. Вечером того дня, когда корабли эскадры один за другим втянулись в бухту, Раскольников явился сияющий и довольный, как именинник.

В гостиной, как всегда, толпилось много людей: М. Д. Гусейнов, А. Г. Караев, Чингиз Ильдрым. Был здесь и Нариман Нариманов, приехавший 16 мая, в тот день, когда эскадра вошла в Энзели. Отдохнув с дороги, Нариманов нанес визит Орджоникидзе и с тех пор заглядывал к нему ежевечерне: как председатель Азревкома он должен был многое согласовывать с Орджоникидзе, который с апреля 1920 года исполнял обязанности председателя Кавказского бюро ЦК РКП(б).

Едва Раскольников вошел, как все внимание переключилось на него, со всех сторон к нему потянулись руки, послышались приветствия и поздравления.

Обняв и похлопывая по плечу Раскольникова, Орджоникидзе шутливо спросил:

— Федя, ты что, без боя взял Энзели?

— Как Цезарь,— смеялся Киров.— «Вени, види, вици». («Пришел, увидел, победил».— *Лат.*)

— Почти так,— торжествующе ухмылялся Раскольников.— Я ж говорил, такую побудку устрою им — век будут помнить! С ходу ошеломили англичан! Правда, тут нам одна ошибочка помогла. Как говорится, нет худа без добра.

— А суда, суда невредимы? Много их? — нетерпеливо спросил Серебровский.

— Если позволите, товарищи, доложу все по порядку,— попросил Раскольников.— Так вот, после встречи с вами,— обратился комфлота к Орджоникидзе,— мы разошлись по кораблям. В полночь, выключив все огни, кро-

ме ходовых, корабли один за другим тихо вышли из бухты и собрались возле острова Наргин.

Восемнадцатого мая на рассвете подошли к Энзели и развернулись по утвержденному плану. Ровно в семь ноль-ноль рация флагмана «Карла Либкнехта» начала передавать британскому командованию мой ультиматум: сдать Энзели ввиду присутствия в порту кораблей и имущества, принадлежащего России, которое может быть принято нами только под нашим контролем. Одновременно с этим мы начали артиллерийскую демонстрацию: девять кораблей из тридцати орудий открыли огонь по всему побережью, и главным образом по Казьяну... Должен объяснить товарищам, не бывавшим в Энзели, что этот город состоит из двух частей, разделенных проливом лимана Мурдаб. На западной косе лимана расположен собственно Энзели с мечетью, базаром, множеством глинобитных домиков, резиденцией губернатора провинции Гилян, консульствами, портовыми сооружениями. На восточной косе — Казьян, район учреждений, складов, добротных домов, построенных русскими рыбопромышленниками. В 1918 году британцы превратили Казьян в свой военный лагерь. Вот по нему мы и сосредоточили огонь главного калибра. Под прикрытием артобстрела началась высадка десанта Ивана Кожанова.

Меня очень удивило, почему англичане не отвечают на наш ошеломляющий огонь: молчали и корабли, и береговые батареи. В чем тут дело? Только потом узнали, что, когда мы начали «побудку» в семь утра по московскому времени, их часы показывали только пять по месопотамскому часовому поясу и англичане еще крепко спали. К тому же один из снарядов угодил в трехэтажное здание британского штаба. Словом, англичане растерялись. Наш радист принял сигналы: «Британское командование просит приостановить какие-либо военные действия. Для переговоров относительно перемирия будут высланы парламентеры. Бригадный генерал Чэмпейн». Я согласился на двухчасовое перемирие, чтобы за это время десант успел высадиться и перерезать шоссе из Казьяна в Решт.

На катере с белым флагом прибыл парламентер капитан Крачлей, не вояка, а разведчик, я этих молодчиков из Скотленд-Ярда по походке узнаю...

— Ну дальше, дальше!

— Тем временем на судах подняли русские трехцветные флаги и даже флаги расцвечивания, а по лиману к

устью реки Пир-Базар сплошным потоком потянулись шлюпки, катера, киржимы...

— Крысы с тонущего корабля? — спросил Киров.

— Вот именно! Деникинские офицеры и прочая контра драпали в Решт, чтобы не встречаться с нами. Я не стал нарушать перемирия — пусть, думаю, катятся.

— Правильно сделал! — одобрил Орджоникидзе.

— Да, да,— поддержал Нариманов.— К тому же в этих киржимах могли оказаться и местные жители.

— Не думаю. Местные жители столпились на набережной и на молу, радуясь растерянности англичан. Видели бы вы, как энзелийцы приветствовали нас, когда миноносцы проходили по фарватеру в лиман! Сам губернатор пожаловал засвидетельствовать свое почтение «доблестным посланцам великого северного соседа».

— Протеста не заявлял? — поинтересовался Мирза Давуд Гусейнов.

— Нет, был очень любезен. Особенно после того, как его заверили, что мы пришли не воевать, а за своим имуществом и долго не задержимся.

— Знает, что у самого рыльце в пуху,— сыронизировал Орджоникидзе.— Ну а что англичане?

— Молчали. Истек срок перемирия, а ответа нет. Чэмпейн никак не мог добиться указаний ни из Тегерана, ни из Багдада и просил продлить перемирие. Я согласился, так как высадка десанта шла медленно. Однако не прошел срок нового перемирия, как генерал радировал Крачлею заканчивать переговоры о капитуляции на условиях «добровольного оставления Энзели». Англичане просили разрешения уйти в полном составе, со знаменем и с оружием.

— И ты отпустил их? — с досадой воскликнул Чингиз Ильдрым.

— Отпустил. Со знаменем, но без порток,— отшутился Раскольников.— Мы взяли богатые трофеи: береговые батареи и свыше пятидесяти орудий, двадцать тысяч снарядов, двадцать радиостанций, склады с оружием, снаряжением и прочим имуществом.

— Действительно позорная капитуляция для «владычицы морей»,— согласился Киров.— Потери большие?

— Двое убитых и десятка три раненых десантников. Была у них стычка на шоссе,— ответил Раскольников и оборотился к Серебровскому: — А главное, мы вернули наше имущество: десять крейсеров и девять военных транспортов и «маток», бывших в свое время лучшими

судами танкерного и сухогрузного флота Каспийского моря, а также большое число наливных шхун, катеров и прочих плавсредств.

Серебровский выкрикнул: «Браво!» — и захлопал, его примеру последовали остальные.

— Федор Федорович, а вы не продырявили суда во время «побудки»? — забеспокоился Серебровский.

— Никак нет. Суда в полной исправности. Правда, англичане пытались вывезти орудийные замки, сложили их в санитарные фургоны, да не вышло... Да, еще мы обнаружили подземное нефтехранилище: большое количество жестяных бидонов с бензином и маслами. Но вы уж извините, Александр Павлович, мы использовали их на нужды флотилии, а часть распродали населению, чтобы рассчитаться за погрузку трофейного оружия.

— Ничего, ничего,— ответил Серебровский.— Ну а когда же они придут в Баку?

— Судовые команды почти полностью разбежались. Из оставшихся моряков мы укомплектовали команды для двух судов. Они придут завтра и приведут на буксире еще два судна. Для остальных нужно выслать команды из Баку.

...Разоруженные суда стояли в доках. Пожилой мастер судоремонтной бригады водил Серебровского по судну, из одного отсека в другой — всюду кипела работа, еще день-два, и суда можно будет ставить под налив. Серебровский остался доволен ходом работ и, прощаясь с мастером, сказал:

— Эти суда мы отправим с особой почестью, все оркестры соберем в порту! Как же, первый караван без сопровождения канонерок.

Комфлота, широко шагая, подошел к Серебровскому, взял под козырек и торжественно-весело отрапортовал:

— Товарищ «начальник гарнизона», разрешите доложить: поступаю в полное ваше распоряжение! Вот, прошу ознакомиться,— и он протянул ему радиограмму, в которой говорилось: «После того, как вы блистательно справились с возложенной боевой задачей, Совет Труда и Обороны временно поручает вам важнейшую для социалистической республики задачу, именно вывоз нефти из Баку на Астрахань...»

— Вот и прекрасно! — Серебровский крепко пожал ему руку.— Будем работать сообща! Прекрасно! — и озабоченно сказал: — Теперь надо форсировать национализацию!..

НАЦИОНАЛИЗАЦИЯ

Прошло полмесяца со времени приезда Серебровского в Баку. Все это время, изо дня в день, с восходом раннего летнего солнца, наскоро хлебнув чая, он уходил из дому и возвращался поздно: ездил по всему Апшерону с промысла на промысел, с совещания в Нефтекоме на заседания в Совнархозе, Азревкоме, ЦК, благо была машина — фиат, выделенный ему Чусоснабом. Намотавшись за день, вечером, прихрамывая на ноющую от старой раны ногу, приходил к Орджоникидзе на ужин Зинаиды Гавриловны для «женатых холостяков». А потом далеко за полночь сидел над материалами. Никто и ничто не отвлекало его в эти часы. Только однажды постучался Киров. Серебровский открыл и ужаснулся: лицо Сергея Мироновича было желтым, глаза горели воспаленным блеском, челюсти сжаты до скрежета. Киров сел за стол и, сотрясаясь мелкой дрожью, прерывисто сказал:

— Я останусь у тебя, Саша...

— Малярия? — участливо спросил Александр Павлович.

— С детства... Казанская...

Серебровский уложил его в постель, накрыл поверх одеяла шинелью, напоил горячим чаем...

Серебровский с первых же дней всей душой привязался к Миронычу, восхищался им, его тактом и выдержкой, внимательным отношением к людям.

Но вскоре Киров уехал. 7 мая 1920 года правительства РСФСР и меньшевистской Грузии заключили мирный договор, а его рекомендовали на пост Полномочного представителя Советской России в Тифлисе. И предложил его кандидатуру будто бы Орджоникидзе.

— Как же так, Серго? — недоумевал Серебровский.— Как же мы без Мироныча?

— Ничего, ничего, скоро и мы к нему поедем в Тифлис! — расправляя пышные усы, улыбнулся Орджоникидзе...

Каждый раз при встрече Киров спрашивал: «Ну что с нефтью?» Что мог ответить Серебровский? За полмесяца ему удалось наладить вывоз нефти, что же касается добычи... Пока промыслы оставались собственностью бывших владельцев, а их интересы представляли прежние управляющие, невозможно было предпринять что-либо для их восстановления. Впрочем, об этом рано было говорить. Не до жиру, быть бы живу. Прежде всего сле-

довало приостановить агонию, предотвратить окончательную гибель их. Словом, жизнь настоятельно требовала немедленной национализации нефтяной промышленности. И этот вопрос решался, но, как казалось Серебровскому, решался медленно.

Поэтому он несказанно обрадовался, узнав, что в Баку приезжает председатель «Главнефти» Зиновий Николаевич Доссер. Он воспрял духом, нетерпеливо ждал его приезда. В тот день на вокзале было людно, на перроне выстроился почетный караул красноармейцев.

Вместе с Доссером и его женой приехали Анна Ивановна с матерью Мариной Максимовной. В квартире Серебровского сразу стало светлее, уютнее. Впервые за много дней здесь зазвучали голоса и смех.

Вечером пришел Нариман Нариманов. Серебровский присматривался к нему. Невысокий, предрасположенный к полноте, медлительный в движениях. Большие черные глаза на смуглом словно от загара лице смотрят на собеседника внимательно. Высокий покатый лоб и большая лысина...

— Хорошо познакомились с промыслами? — обратился Нариманов к Серебровскому.— В каком они состоянии?

— Хуже некуда! — признался Серебровский.— Агонизируют.

Это страшное слово сказало доктору Нариманову очень много, и он понимающе кивнул головой.

— Несчастный Азербайджан! Сколько бедствий уготовила ему судьба! — Он усмехнулся в небольшие черные усы.— Знаете, очень хорошо сказал Георгий Васильевич Чичерин: «Баку — это такая красавица, которую всякий иноземный искатель приключений хочет выхватить и похитить из родного дома».— Все рассмеялись.— Ну-с, диагноз известен, а курс лечения?

— В первую очередь следует национализировать нефтяную промышленность,— ответил Орджоникидзе.

— Этим займемся на первом же заседании Азревкома,— кивнул Нариманов.

Перед уходом он взял Серебровского под руку, отвел в сторонку.

— Я имел удовольствие познакомиться с вашей супругой. Умница! Прекрасно владеет языками...— Нариманов замялся.— Но, знаете, знойный Баку с его пыльными ветрами и копотью не для ее здоровья. Ей нужно к морю, на свежий воздух. У вас есть дача?

— Что?
— Дачу вам выделили?
— Какую дачу? — не понял Серебровский.
— На апшеронском побережье целительный микроклимат, Анне Ивановне надо бы там пожить,— сказал Нариманов.

Вернувшись от Орджоникидзе, Серебровский и Доссер уселись на веранде у раскрытого окна — в комнате было душно — и проговорили до самого рассвета. Вернее, говорил Серебровский, он сделал обстоятельный доклад о положении бакинской нефтяной промышленности, а Доссер, человек по природе молчаливый, угрюмый и строгий, слушал, почти не перебивая, и делал частые пометки в записной книжке.

— Несчастье Баку заключается в том,— говорил Серебровский,— что он, этот золотой «трон» королевства нефти, оказался в эпицентре политических событий, которые основательно потрясли его, а это повлекло за собой дальнейшее свертывание буровых работ и падение добычи нефти, начавшееся еще в годы войны. Вы, конечно, знаете, Зиновий Николаевич, какие события я имею в виду.— Доссер кивнул.— Так вот, калейдоскопическая смена правительств и правителей, жестокая классовая борьба и как результат...— Серебровский вытащил из папки листок бумаги.— Вот, посмотрите эту диаграмму.

Доссер поднял очки на лоб и прочел:
1916 г.— 7 750 000 тонн
1917 г.— 6 500 000 »
1918 г.— 3 100 000 »

— Как видите, Зиновий Николаевич, добыча неуклонно падает. В этом году рассчитываем добыть не больше двух миллионов тонн, да и то в лучшем случае. Политические катаклизмы вызвали к жизни кризисы, и, пока вы не поможете нам, не сможем вытащить нефтяную промышленность из трясины. Первое — продовольственное снабжение. Азербайджан никогда не производил достаточного количества хлеба, потребного его населению. 30 апреля, когда мы пришли в Баку, в закромах имелся запас хлеба не более десятидневной нормы.

Доссер написал в своей книжечке одно слово: «Хлеб!» и трижды жирно подчеркнул его.

— Второе — уход нефтяного пролетариата из Баку. Тысячи персов, выполнявших самую черную работу тартальщиков, ушли и больше не вернулись. Точно так же не вернулись горцы, занятые главным образом в бурении

и охране промыслов. Ушли армяне, ушли на Волгу квалифицированные русские рабочие-нефтеперегонщики. Из пятидесяти двух тысяч нефтяников, работавших здесь в шестнадцатом году, осталось меньше половины.

— Этих надо удержать во что бы то ни стало,— сказал Доссер, делая какие-то пометки.

— Но как им работать, если на складах шаром покати! — воскликнул Серебровский, вынимая из папки несколько листов бумаги и кладя их перед Доссером.— Вот перечень материалов, в коих нужда крайне велика.

Слушая Серебровского, Доссер просматривал списки. Чего только не требовалось бакинским промыслам! Листовое, резервуарное, желоночное железо, винтовые, буровые, компрессорные, газовые, нефтепроводные и дымогарные трубы, лес, цемент, ремни, гвозди, веревки, канаты, кислоты, краски и многое другое.

— Допустим, мы найдем, где купить кое-что из этих материалов. Есть ли средства? — спросил Доссер.

— Откуда им быть? На активах фирм, подлежащих национализации, всего сто тридцать пять миллионов рублей, да и то не твердой валютой, а обесцененными денежными знаками, между тем, рабочим этих фирм надо будет уплатить задолженность по заработной плате почти вдвое больше наличности. Худо-бедно мы наладили вывоз скопившихся здесь запасов нефтепродуктов. Но ни Наркомпуть, ни военное ведомство, ни другие организации, получающие нефтепродукты в плановом порядке, не платят нам ни копейки.

— Этот вопрос мы уладим в СТО,— обещал Доссер.— И попросим денег для вас.

Серебровский протянул ему другую бумагу. Доссер взглянул и поднял брови.

— Два миллиона шестьсот тысяч?

— Точно. Это нам с 1 июня текущего года по 1 октября будущего.

— Много просите.

— Что вы, Зиновий Николаевич! — сделал невинные глаза Серебровский.— Уж мы и так ограничили свои потребности. Только пожалуйста, твердой валютой.— Он усмехнулся.— На днях мне рассказали одну забавную историю. Пришел как-то тартальщик за получкой. Конторщик протянул ему золотую монету. Тартальщик не берет, говорит: «Господин, дай бумажные деньги». Конторщик удивился: «Почему не хочешь золотом?» А тот отвечает: «Господин, у меня в карманах брюк одни дырки, эти

желтые кружочки потеряются». Вот и у нас тоже одни прорехи в карманах,— посмеивался Серебровский.— Но на это золотишко мы справим рабочим новые брюки.

— Ну, ну,— без улыбки ответил Доссер, не оценивший шутки Серебровского.— Все прибедняетесь, хотя сидите на этом, как вы сказали, золотом королевском «троне».

— Король-то голый! — все так же шутливо продолжал Серебровский, но вдруг заговорил раздраженно: — Вот вы говорите: удержать оставшихся рабочих. А как прикажете их одеть, обуть, накормить? Нам нужны тысячи рабочих семидесяти девяти профессий. А где расселять их? Вы не видели жилищ бакинских рабочих-нефтяников. Ад на земле — вот что такое эти жилища! Уж я не говорю о поселках, расположенных на промысловых территориях, даже семейные дома и казармы, так называемые «фирменные», построенные нефтепромышленниками, и те лишены минимальных условий. А ведь для себя, для своих людей они могли строить хорошо. Вот завтра покажу вам...

— Нет нужды,— спокойно перебил Доссер.— Я видел.

— Вы бывали в Баку?

— Работал здесь... Даже сидел в Баиловской тюрьме, при мусавате.

— Вот как! И не скажете...

— Какая нужда?

Серебровский не знал, что ответить. «Я тут распинаюсь перед ним, а он, оказывается, все знает...»

— Ну что ж, и мы будем строить! — решительно заявил Серебровский.— Начнем строить рабочие поселки по типу «город-сад» для семейных рабочих. Переселив рабочих с промысловых территорий, мы освободим площадь нефтеносных земель.

— Однако вы не лишены чудачества, Александр Павлович,— заключил Доссер.— Только что говорили о грани небытия, о трясине, а теперь строите воздушные «города-сады».

— Мечта опережает действительность,— оправдался Серебровский.— Дайте срок, наизнанку вывернусь, а добьюсь своего. Вы только помогите нам с рабочей силой, продовольствием, снабжением и финансами.

— Как мало вы просите!.. Ну что ж, думаю, СТО сделает все возможное. Вы же знаете, какое значение бакинской нефти придает Владимир Ильич. Ну а что предстоит национализировать, вы уже учли?

— А как же! — Серебровский положил перед ним другой листок и стал перечислять по памяти.— Вот, прошу вас. На Апшероне насчитывается двести семьдесят две нефтедобывающие фирмы и акционерных общества, сорок пять крупных и мелких подрядных фирм по бурению. На сегодняшний день из трех с половиной тысяч буровых в эксплуатации находятся семьсот тридцать, сто двадцать девять бурятся, из них десять — вращательным способом. Нефтеперегонных заводов — сорок, из них работают только восемнадцать. На промыслах имеется свыше ста механических мастерских, из них восемьдесят четыре закрыты за уходом рабочих. Имеется шесть электростанций, все они в аварийном состоянии. Резервуарный парк тоже на одну треть в аварийном состоянии... Вот такое наследство досталось нам, Зиновий Николаевич.— Лукавая искорка сверкнула в его серо-голубых глазах.— А еще тридцать семь дорог, пятьдесят арб, три легковые и одна грузовая машины.

— Как думаете распорядиться этим богатством?

— Окончательное решение примем с вами, с «Главнефтью». Думаем, следует разбить промыслы по территориальному признаку на девять районных управлений, подчиненных Нефтекому. Создадим единое хозяйство по бурению, единое техническое руководство...

За разговором не заметили, как начало светать. Марина Максимовна поднялась по-стариковски рано, вскипятила чай, напоила их. И вовремя: ровно в шесть появился стройный, черноволосый, с белозубой улыбкой молодой человек — шофер Гасан.

— Доброе утро, Александр Павлович, машин пришел.

Серебровский и Доссер поехали на промыслы...

Под резиденцию председателя Азревкома Наримана Нариманова отвели дом миллионера Гукасова, бежавшего в Париж,— роскошный двухэтажный особняк с двумя портиками, расположенный на Садовой улице, неподалеку от ЦК. В этом особняке 18 мая 1920 года состоялось первое заседание Азревкома.

В назначенный час Серебровский вместе с Доссером и Соловьевым поднялись по мраморной лестнице и вошли в большую комнату с настежь открытыми окнами, выходившими на Губернаторский сад.

В зале собралось много народу: члены Азревкома, народные комиссары, приглашенные: штатские и военные. Как молоды были они, эти красивые люди, полные энергии и веры, знавшие тюрьмы и ссылки, победив-

шие в долгой и трудной борьбе и теперь начавшие строить новую жизнь на развалинах старой, творить новую историю своей Советской республики, не думая о том, что и сами войдут в историю. Да не забудутся их имена!

В тот майский месяц двадцатого года заседания Азревкома проводились чуть ли не каждый день, по многу часов подряд: предстояло решить множество вопросов, и не было среди них второстепенных — все требовали неотложного решения.

Заседание, проводившееся под председательством Наримана Нариманова, самого старшего среди собравшихся (он был ровесником Владимира Ильича), отличалось какой-то торжественной деловитостью. Он сказал, что за неделю до отъезда из Москвы в течение часа беседовал с Владимиром Ильичем, обещал ему, что коммунисты, трудящиеся сделают все, чтобы превратить Азербайджан в образцовую республику. С грустью вспомнил он о двадцати шести бакинских комиссарах, с благодарностью отозвался об 11-й армии, пришедшей на помощь восставшему Баку. Уняв волнение, сказал:

— Перейдем к повестке дня.

Поднялся Мирза Давуд Гусейнов.

— Уважаемый Нариман Наджафович, позвольте мне, как вашему заместителю, информировать о работе, проделанной Азревкомом в ваше отсутствие. Пятого мая мы приняли декрет о конфискации всех беко-ханских земель, третьего дня — декрет о национализации всех лесов, вод и недр земли.

— Это хорошо,— кивнул Нариманов в знак согласия.— Но главным богатством недр является нефть. В разговоре со мной Владимир Ильич настоятельно просил спешно двинуть вопрос о нефти. За тем и пожаловал к нам председатель «Главнефти» ВСНХ Зиновий Николаевич Доссер.— Он представил Доссера.— С Зиновием Николаевичем успели потолковать, и я обещаю ему всемерную помощь Азревкома.

— Четыре дня назад,— продолжал Гусейнов,— Азревком назначил заместителем председателя Азсовнархоза и председателем Нефтекома товарища Серебровского. Я думаю, он скажет...

— Товарищи,— поднялся Серебровский,— по поручению президиума Совнархоза и по согласованию с Зиновием Николаевичем Доссером я должен заострить внимание Азревкома на катастрофическом положении неф-

тяной промышленности...— И он принялся излагать все то, о чем рассказывал Доссеру.

Его выступление дополнили Доссер и Соловьев.

Азревком поручил им подготовить к очередному заседанию проект постановления о национализации нефтяной промышленности и перешел к другим вопросам.

Серебровский, Доссер и Соловьев не остались до конца заседания. В коридоре Серебровского окликнул нарком здравоохранения Алимов:

— Одну минутку, Александр Павлович! По распоряжению Нариман-бека вам на лето выделена дача Наркомздрава в Бузовнах. Недалеко от моря, с инжиром и большим виноградником,— Алимов протянул ему какую-то книжечку.

— Ну спасибо, коли так. Надо же, не забыл! Стало быть, можно ехать?

— Хоть сегодня! Предъявите врачу лечебную карту,— указал он на книжечку.— Там и подлечиться можно.

— Первый раз в жизни еду в санаторий,— усмехнулся Серебровский.

Утром Гасан повез Анну Ивановну с матерью и женой Доссера в Бузовны.

В массивном трехэтажном здании на углу Набережной и Садовой улиц (прежде в нем размещался Совет съезда нефтепромышленников) обосновался Нефтяной комитет. Он еще только комплектовался, но работа уже кипела. Окна и двери кабинетов, распахнутые из-за духоты, выходили в светлую галерею, слышно было, как трезвонили телефоны, кто-то кричал в трубку, разговаривал с Сабунчами, стучали «ремингтонистки», щелкали костяшками счетов бухгалтеры, юрко сновали по галерее, разнося по кабинетам бумаги, мальчики и «мальчик» финхозотдела, девочка Айкануш.

Кабинет председателя Нефтекома помещался на третьем этаже, в просторной угловой комнате с окном-фонарем. В полдень здесь собрались председатель Совнархоза Н. И. Соловьев, председатель ЦК Союза горняков И. Ф. Живейков, директор промыслов Нефтекома Ф. А. Рустамбеков, другие ответственные работники комитета. Вел заседание Доссер. Они собрались, чтобы составить документ, подводящий итог долгой и сложной борьбы за обладание этим крупным в мире источником нефти и навсегда возвратить его ее подлинному хозяину — народу.

Этот день ожидали все, одни — с нетерпением, другие — с опаской. И вот свершилось! 27 мая бакинские газеты опубликовали декрет Азревкома, подписанный Н. Н. Наримановым и Н. И. Соловьевым, объявлявший государственной собственностью все предприятия по бурению, добыче и переработке нефти «со всем их движимым и недвижимым имуществом, где бы оно ни находилось и в чем бы оно ни заключалось». Торговля нефтью и ее продуктами также объявлялась государственной монополией.

Организация национализированной нефтяной промышленности началась с бесконечных заседаний и совещаний в Нефтекоме, Союзе горняков, завкомах.

На совещание в Союзе горняков Серебровский пришел с опозданием. Никем не замеченный, уселся в последнем ряду и, слушая оратора — плотного человека в кремовом чесучовом костюме и золотом пенсне, принялся разглядывать лепные украшения стен и потолка бывшего банкетного зала гостиницы «Метрополь». Ему рассказывали, что в 1918 году в ней разместился генерал Томсон со штабом британских оккупационных войск, в 1919-м — премьер-министр мусаватистского правительства Усуббеков с канцелярией, и вот теперь, в переименованной в Дворец труда,— Советы профессиональных союзов.

Сегодня шла еще одна дискуссия об организационной структуре промыслов. Группа бывших управляющих, инженеров и других специалистов сидела особнячком, явно оскорбленная соседством со своими бывшими рабочими, ставшими теперь рабочей властью — предзавкомами.

Оратор, то и дело снимая пенсне и вытирая белоснежным платком вспотевшее от жары и волнения лицо, горячо говорил:

— ...И я от имени всех моих коллег,— он повел рукой в их сторону,— категорически настаиваю на сохранении принципа фирменного деления! Ведь вы, милостивый государь,— обратился он к председателю Союза горнорабочих, в прошлом рабочему-нефтянику Ивану Живейкову,— вы же знаете, что каждая фирма имеет свои специфические особенности, отличающие ее от других фирм. И не только в организации труда, в инструментах и материалах, но даже, скажем, в счетоводстве. Предлагаемый же вашим союзом принцип территориального деления просто абсурден! Не так ли, господа?

— Да, да, да! — поддержали его коллеги, а предзавкомы недовольно загудели, зашикали на них.

— Ваше, с позволения сказать, «революционное» новшество окончательно погубит нефтяную промышленность, ибо разрушит и раздробит крупные хозяйства, имеющие правильно функционировавшую в течение многих лет структуру. Прислушайтесь к голосу разума! — патетически воскликнул он и, протирая пенсне, сыронизировал: — Если, конечно, вы и в самом деле не намерены разрушить до основания старый мир, как поется в вашем гимне.

— Браво! — выкрикнули из группы старых специалистов.

Рабочие возмутились. Раздались выкрики: «Долой его! Чего слушать холуя!», кто-то вложил в рот два пальца и пронзительно свистнул.

Гнев клокотал в груди Серебровского. Его так и подмывало вскочить и дать отповедь этому барину, но он сдержался.

А Живейков сохранял внешнее спокойствие. С каким-то усталым безразличием постучал карандашом по графину.

— Тише, товарищи! Дайте ему договорить.

— Я заканчиваю, заканчиваю. Мы все лояльны к Советской власти. («Да, да, да!» — поспешили заверить его коллеги.) И мы готовы душой и телом служить ей при условии сохранения фирменного принципа.

Под аплодисменты коллег он сел на место.

Живейков с невозмутимым спокойствием сказал:

— Дался вам этот фирменный принцип! От него теперь проку, что покойнику от припарок. Без реорганизации промышленности нам все одно не обойтись. Ясное дело, первое время будут минусы. Но зато плюс огромный получится. Вместо вашей фирменной чересполосицы мы создадим новую, единую, стройную систему промысловых районов по территориальному признаку. Тогда не станет прежней кустарщины в ведении дел...

— В таком случае,— резко поднялся управляющий, а за ним и остальные,— мы покидаем зал.

— Да, да, да,— поддержали его остальные.

— Ну и катитесь!..— вспылил Серебровский. Он стремительно прошел вперед.— Вот бог, а вот порог!

— Но позвольте...

— Нет, не позволим! Никому не позволим морочить нам голову!

— Но кто вы такой? По какому праву?

— Я начальник «Азнефтекома» Серебровский. А вы по какому праву смеете ставить нам условия? Если вы действительно лояльны и готовы сотрудничать с нами — милости просим к нашему шалашу. А не желаете — скатертью дорога!

Почувствовав, что дело принимает нежелательный оборот, управляющий поспешно сказал:

— Вы не так поняли нас, товарищ Серебровский. Мы не отказываемся работать... Но в интересах общего дела...

— Мы прекрасно понимаем, чьи интересы вы блюдете,— перебил Серебровский и резко отвернулся от него.

— Совещание окончено, граждане, можете идти,— сказал Живейков и, когда спецы направились к выходу, подошел к Серебровскому, которого обступили предзавкомы.— Здорово ты их отбрил, Александр Павлович!

— Вопрос реорганизации окончательно решен. Все нефтедобывающие и нефтеперерабатывающие предприятия разбиваем по территориям на тринадцать групп.

— Чертова дюжина получается,— пошутил кто-то.

— Ничего, с такими героями, как вы, нам сам черт не страшен.

— Однако я не понимаю, на что такая перестройка? Может, правы господа бывшие, они ведь тоже кумекают.

— Деление по территориальному признаку имеет то значение, что легче и удобнее будет управлять промыслами.

— Получается, теперь фирма будет называться группой?

— Ну, допустим, хотя это разные понятия.

— Я понимаю,— отозвался тот же голос.— А вот ты скажи, кого во главе групп поставите? Опять бывших управляющих?

— Управлять работой каждой группы будет коллегия из трех лиц. Главное значение имеет управление хозяйственной частью: тут и прием, хранение и отпуск товаров, и вопросы найма и увольнения, а также заработной платы. Этот важный пост мы даем рабочему представителю профсоюзов. Ваша задача подобрать таких рабочих. Меньшее значение имеет технический пост, на него нужен инженер-специалист, пока среди рабочих таковых нет. Ну а работу двух этих лиц возглавит управляющий, тоже пока из старых специалистов. Но не за горами время, когда мы подготовим им замену из рабочей среды!..

Обещание Серебровского не было пустой фразой. Вскоре он рекомендовал на пост управляющего Сураханской группой промыслов бывшего сормовского рабочего Константина Андреевича Румянцева, много лет проработавшего в Баку и хорошо знавшего нефтяное дело.

Как-то приехав в Сураханы, Александр Павлович застал в конторе у Румянцева своего давнего друга Ивана Николаевича Опарина. Расстались они в Баку осенью 1905 года, потом была встреча в 1911 году в Сормове, куда Серебровский приехал из Бельгии. Там они крепко подружились. Но Серебровский опять уехал в Москву и с тех пор ничего не знал о друге...

— Как хорошо, что ты приехал! — обрадовался Серебровский.— Все эти годы в Сормове работал?

— Как же, охранка даст сидеть на одном месте! — усмехнулся Опарин.— Где только не побывал! И в Майкопе, и в Петровске, и в Гурьеве, и в Оренбурге, и в Тифлисе. Трижды приезжал в Баку, на заводе и на промыслах Нобеля работал. В октябре семнадцатого — избрали меня членом Бакинского Совета, работал со Степаном, Алешей, Ванечкой. Он Совнархозом ведал, я помогал ему национализировать промыслы. Да все прахом пошло...— Он грустно помолчал.— Когда пала Коммуна, ушел в подполье. Потом фронт... Хочу токарничать, Саша, руки стосковались по металлу.

— Руки у тебя золотые и голова светлая. Она мне сейчас нужнее, Иван. Россия-матушка ждет нефть. Иди в товарное управление, членом коллегии. А там подумаем. У меня на тебя большие виды.

...Едва только Серебровский приходил на работу, как дверь его кабинета уже не закрывалась, весь день впуская и выпуская посетителей. Определенных дней и часов приема он не устанавливал, шли к нему в любое время по любому вопросу. Беспрерывно звонил его телефон: номер 1-38 знали все нефтяники.

Вот и в тот день, едва Серебровский, пропустив вперед Доссера, вошел и уселся в свое кресло, как появился первый посетитель.

— Гутен морген, геноссе Сереброфски, я есть германише подданный Отто Пифке. Битте, читайт мой заяфлений.

«В 1914 году я был командирован из Америки в Баку в качестве бурового мастера,— Серебровский вскинул взгляд на посетителя,— с контрактом 250 долларов в

месяц. Так как в настоящее время мой оклад не соответствует контракту, прошу вашего распоряжения об увольнении...»

Настроение Серебровского испортилось. Что он может дать этому немцу, если своих рабочих накормить не может? Он протянул заявление Доссеру, взглядом спросил: «Как отпустить такого специалиста?» Доссер прочел и пожал плечами: «Ничего не поделаешь, придется». И Серебровский наложил резолюцию: «Препятствий нет, если буровой отдел отпустит».

Пифке был первой ласточкой, улетевшей в родные края. За ним потянулись другие. Желая удержать иностранных специалистов, Азербайджанский совпроф принял постановление, не разрешающее выезд рабочих из Баку, независимо от их подданства. Но Серебровский отпускал: насильно мил не будешь. Однако выезд иностранных специалистов принял такой размах, что пришлось известить об этом СТО. Вскоре он получил копию телеграммы В. И. Ленина, адресованной Азревкому. В ней Владимир Ильич, еще раз подчеркнув чрезвычайное для советских республик значение нефтяной промышленности, все же категорически заявлял, что «задерживать иностранцев против их воли нельзя». В то же время Владимир Ильич предложил «обеспечить наиболее крупных специалистов жилищными, а также продовольственными условиями, гарантирующими их работу у нас», и даже выдавать «...особо крупным специалистам части вознаграждения иностранной валютой». Серебровский отлично понял, что слова В. И. Ленина «ответственность за сохранение в нефтепромышленности специалистов всецело возлагается на вас» и дописанные в конце телеграммы «сообщите вполне точно, что именно вы сделали для этого», хотя и адресованы Азревкому, относятся в первую очередь к нему. И он делал все возможное. Но мало кого удалось удержать...

Не успел Пифке выйти из кабинета, как вошел юрисконсульт Сафаралибеков.

— Доброе утро, Александр Павлович.

— Здравствуйте, Ширин Гусейнович. Садитесь. Что у вас? Только, пожалуйста, короче.

— Вызовы в суды по искам бывших фирм о пограничных спорах, подсасывании нефти и прочее,— показал Сафаралибеков несколько повесток.

— Пусть суды адресуют их бывшим владельцам по

месту их нынешнего пребывания,— лукаво усмехнулся Серебровский.

Вошла разносчица чая Акулина, поставила по стакану чая перед Доссером и Серебровским. Отхлебнув, Александр Павлович спросил:

— Что еще?

— Аресты.

— Опять! — скривил лицо Серебровский и стал приглаживать волосы на затылке. Стоило им отрасти, они игриво вились, что очень не нравилось ему, он всегда коротко подстригался, но по привычке приглаживал волосы.— Кто же сегодня?

— Заведующий статистикой Тагианосов Ервакд Фадеевич.

— Вот еще новости! — «Кажется, был такой банкир. Не его ли родственник?» — Подготовьте письмо: «Просим ЧК в скором времени рассмотреть дело и, если нет никаких данных для дальнейшего задержания, освободить».

— Еще. Вчера ночью по распоряжению сабунчинских властей, без предъявления ордера, арестован у себя дома казначей-кассир Союза сураханских аробщиков-драгалей Али Ага Алиев с крупной суммой денег, принадлежащих Нефтекому.

— Наркомвоенмору Караеву с просьбой рассмотреть дело в срочном порядке и охранить деньги Нефтекома.

Сафаралибеков вышел. Его сменил Рустамбеков. Серебровский назначил его на один из самых важных постов — директором Центрального управления промыслов Нефтекома.

— Эминов пришел,— сказал Рустамбеков,— вы примете его?

— Конечно! — поднялся Серебровский. Комплектация Нефтекома продолжалась, и Эминова намечали на должность начальника Управления по переработке нефти — отрасль большая, ответственная.

Рустамбеков открыл дверь, пригласил Эминова. Серебровский поднялся.

— Здравствуйте, Григорий Иванович, рад видеть вас,— крепко пожал ему руку.— Знакомьтесь, начальник «Главнефти» Доссер, Зиновий Николаевич.

— Очень приятно, очень приятно,— закивал лысой головой Эминов и внимательно присмотрелся к Серебровскому.— Так это вы были Глазуновым? Фатуллабек

рассказал мне о вашем разговоре с ним. Помните, значит...

— Как не помнить! — усадив Эминова в кресло, Серебровский сел и пояснил Доссеру.— При моей тогдашней бедности Григорий Иванович оштрафовал меня в пятом году на целый рубль!

— Вы часто опаздывали на работу, прогуливали, вот я и оштрафовал вас,— сказал Эминов.— Теперь, говорят, аккуратно ходите на службу, так что могу вернуть ваш рубль.— И он вытащил из кармана серебряный рубль с выгравированной на нем дарственной надписью, протянул Серебровскому.

— Ну, спасибо. Возьму на память.— Серебровский сунул рубль в карман, продолжал: — С дисциплиной у нас из рук вон плохо. Вот сводка. Сегодня не вышло на работу триста пятьдесят тартальщиков!..

— И вот еще,— протянул ему листок бумаги Рустамбеков.

Это было заявление завкома Биби-Эйбатского района о самовольной отлучке бурового мастера Тер-Захаряна. Серебровский прочитал и размашисто написал: «Проверьте немедленно факт самовольной отлучки и доносите мне на сем же для наказания виновного».

— Такую разболтанность терпеть нельзя, тут рублевым штрафом не обойтись и, обращаясь к Эминову, проговорил: — Григорий Иванович, ведь нам снова работать вместе, не так ли? Вы принимаете наше предложение?

— Фатуллабек говорил мне. Предложение, конечно, заманчивое...

— Вот и прекрасно! — не дал договорить Александр Павлович.— Сегодня же и приступайте!..

Когда схлынула волна посетителей, Серебровский вызвал управделами и продиктовал приказ: «В связи с моим отъездом по делам службы в Астрахань, исполнение обязанностей председателя Нефтекома возлагаю на тов. Доссера З. Н.».

Хлопотами Серебровского вывоз нефти через Астрахань в Россию принял регулярный характер. Каждый день из Баку уходило несколько танкеров. Возвратившись, они становились под налив и уже через три-четыре часа снова отправлялись в путь. «Гоняем чертову почту»,— невесело шутили моряки по поводу такой беспрерывной работы, хотя получали за нее усиленный паек.

Астрахань оказалась неподготовленной к приему такого потока нефти. Танкеры стали задерживаться из рейса, срывался график работы, создавалась толчея и запарка на заливных пристанях. Почти все склады нефтепродуктов по Волге до революции принадлежали в основном Нобелю, и до сих пор не были национализированы, а те, что находились в ведении различных организаций, нуждались в ремонте. Серебровский собирался туда навести «революционный» порядок, намеревался проехать и на Северный Кавказ — надеялся хоть в какой-то мере решить продовольственную проблему.

По вечерней прохладе Серебровский и Доссер поехали в Бузовны.

Хотя дача не приглянулась Серебровскому (невзрачный, плоскокрыший домик, низкорослые деревья инжира с толстыми разлапистыми листьями, ряды стелющегося виноградника — вот и все), но, сидя на веранде, подставив лицо прохладе, долетавшей с морского простора, он понял, какое благо эти апшеронские дачи для бакинцев, изнывающих в городе от зноя...

В черногородском порту стояли расцвеченные флагами суда, тяжело осевшие ниже ватерлинии. Флагами и лозунгами была украшена и пристань, где собралось множество людей: моряки, судоремонтники, нефтяники. Попеременно играли три духовых оркестра. И радость, светившаяся на лицах людей, и пафос, звучавший в речах выступавших на митинге, были хорошо понятны: десяток судов, возвращенных танкерному флоту, отремонтированных за одну горячую неделю аврала, после двухлетнего перерыва сегодня выходил в море, советское море, с нефтью, которую так ждала Советская Россия!

С борта удалявшегося судна счастливый Серебровский помахал рукой Доссеру, Раскольникову, Чингизу Ильдрыму — всем, кто стоял на пирсе.

СУББОТНИКИ

Седьмого июня Серебровский вернулся в Баку.

— Здравствуйте, Зиновий Николаевич! — стремительно войдя в кабинет, спросил весело: — Ну как, справляетесь с делами?

— А, вернулся! — Доссер кивнул на бумаги.— Вот, работаем. Рассказывайте, как съездили?

— В Астрахани удалось навести кой-какой порядок. Хотя и попортил крови из-за местничества и чиновничь-

ей бюрократии. Эх, Мироныча на них не хватает!.. Ну а с Беленьким не договорились. Все надежды крахнули!

— Как вы сказали?

— Крахнули. Ильич так говорит... Беленький категорически против...

А. Я. Беленький был опродкомфронта Кавказской трудовой армии — особо уполномоченным по продовольствию Красной Армии, в его ведении находилось централизованное снабжение бакинской нефтяной промышленности, поскольку Нефтеком не имел своего продовольственного аппарата. С трудом удовлетворяя потребности армии, Беленький, естественно, не мог уделять должного внимания Баку.

Уже в середине мая Серебровский обратился в ВСНХ с просьбой предложить Беленькому «аккуратно исполнять наряды Центра для бакинской промышленности из расчета на 150 тысяч едоков».

24 мая на заседании Азревкома при утверждении декрета о национализации снова зашел разговор о продовольственном положении, о Северном Кавказе. Наркомпрод Газанфар Мусабеков перечислил, сколько вагонов с хлебом прибыло из Петровска, сколько его удалось заготовить «продовольственным диктаторам», направленным в богатые сельскохозяйственные районы — Ленкорань и Кубу. Но этого было мало. Серебровский высказал мысль, что Нефтеком мог бы и сам заняться заготовкой, скажем на Северном Кавказе. Мусабеков поддержал его: как это было бы кстати! И Нариманов отправляет телеграмму Ленину с деликатной просьбой: «Нельзя ли на Северном Кавказе выделить для нас известный участок для сбора хлеба?»

Перед отъездом в Астрахань и Серебровский с Доссером сообщали телеграфом В. И. Ленину о тяжелом продовольственном положении рабочих Баку, создавшемся в результате того, что опродкомфронта Беленький не выполняет обязательств по отправке продовольствия с Северного Кавказа в Баку и в то же время запрещает нефтяникам самим вести заготовку продовольствия на Северном Кавказе.

В. И. Ленин написал на телеграмме поручение своему секретарю: «Созвониться с Брюхановым: если Беленький не гарантирует *абсолютно* доставки и быстро, то обязательно *тотчас* разрешить самозаготовку. Преступно терять Баку из-за идиотизма или упрямства компродчиков».

Когда Серебровский встретился с Беленьким, тот, извещенный о недовольстве Владимира Ильича, обещал своевременно отправлять продовольствие в Баку, что же касается самозаготовок...

— Ни в какую нс соглашается! — рассказывал Серебровский.— Говорит, ваши сепаратные действия только расстроят все дело. Мы, говорит, снабжаем и будем снабжать вас. Назвал номера продовольственных маршрутов, якобы отправленных в Баку. Я проверил у начальника ВОСО-10 — не было их! Он отстранил нашего представителя Гольдмана, послал его сюда на должность замнаркомпрода распределять непоступающее продовольствие. Гольдман нс привез ни одного вагона. Все, что мне удалось достать,— это шесть вагонов, реквизированных в Армавире.

— Как то есть реквизированных? — поразился Доссер.

— Ну, захваченных,— признался Серебровский.— Навел револьвер на машиниста и приказал гнать эшелон в Баку.

— Но это же... это же черт знает что! — рассердился Доссер.

— А как прикажете быть? — похохатывал Серебровский.— Да и долг платежом красен. В мас они реквизировали вагон пшеницы за номером 362370, следовавший из Дербента в Баку.

— Ну и ну! — укоризненно покачал головой Доссер.— Если Ильич узнает...

— Ну а вы как тут преуспели? — переменил тему разговора Серебровский.

— Да кое-что сделали.— Доссер взял со стола лист бумаги.— Вот, извольте.

Это был декрет Азревкома, подписанный Наримановым и Доссером. В нем говорилось, что отныне все рабочие, служащие, включая административный и технический персонал, считаются призваными на «действительную техническую службу».

— Да... Зиновий Николаевич, звучит по-военному.

— Понимаю, Александр Павлович. Третьего дня в пятницу по всем промыслам прошли митинги, посвященные национализации. Должен сказать, энтузиазм народа велик. Не хотят рабочие терпеть разрухи, больно им видеть, как гибнут промыслы. Горячо говорили о нерадивости и саботаже...

Вечером Серебровский и Доссер были у Орджони-

кидзе. Выслушав Серебровского, Григорий Константинович придвинул блокнот, обмакнул перо в красные чернила и написал: «В. И. Ленину, копия: наркомпроду Цюрупе и «Главнефти»: хлебом рабочие Баку обеспечены сокращенной выдачей на четыре дня, команды наливных судов на пять дней, новых поступлений хлеба нет, все обещания опродкомфронта Беленького остаются невыполненными... Просим принять решительные меры реального снабжения Баку, противном случае предоставить право самостоятельных заготовок путем обмена на нефть районе Ставрополья или Кубанском, крайнем случае Области немцев Поволжья. Завтра пошлем поезд Ставропольскую губернию грузом нефтепродуктов, сахара, спичек, табаку обмена хлеб, просим категорически предписать Беленькому не препятствовать нашей работе».— Он расписался и протянул бумагу Доссеру и Серебровскому.— Подпишите и вы.

Не дождавшись ответа на телеграмму, Серебровский через несколько дней послал повторную, упомянув и о шести вагонах, захваченных им в Армавире: все равно Ильич узнает.

Но эта телеграмма поступила в Москву уже после того, как В. И. Ленин направил пространную телеграмму Совету Кавказской трудармии, явившуюся в то же время ответом бакинцам.

Читая ее, Орджоникидзе и Серебровский заметили, как скрупулезно изучил вопрос Владимир Ильич, какие точные данные о количестве хлебных грузов, доставленных в Баку в мае и за первые девять дней июня, приводит он.

...«Совет Труда и Обороны,— писал Ленин,— возлагает на Кавсовтрударм, в частности на представителя Наркомпрода всю ответственность за продовольствие нефтяных районов Кавказа, обязывает представителя Наркомпрода каждые пять дней давать Наркомпроду (копией Совобороны) исчерпывающие данные о ходе погрузки, отправки, прибытия продовольствия в Баку. Всем другим руководящим учреждениям Кавказа, в частности органам и уполномоченным Главнефти и Севкавревкома действовать только в контакте с Кавсовтрудармом и лишь через него вести дело снабжения продовольствием нефтяных рабочих и надзора за этим делом».

— Погорела твоя северокавказская затея, Саша,— посмеялся Орджоникидзе.

— Ничего, нет худа без добра. Теперь опродкомфронт станет обязательнее,— не пал духом Серебровский. Он не собирался отказываться от мысли о самообеспечении Нефтекома путем обмена нефти на продовольствие не только на Северном Кавказе, но и на зарубежном рынке. Но это будет позже.

А тогда, в двадцатом году, трудно и голодно жили бакинские рабочие. Перебивались с хлеба на воду. Даже те, кто получал «ударные» или «бронированные» пайки, тряслись над каждой крошкой хлеба.

Но не хлебом единым жив человек.

Двадцатый год!.. Это было время, когда в Крыму, цепляясь за последний берег русской земли, еще отбивался барон Врангель, но уже кончалась долгая гражданская война. Рассеивался дым над руинами растерзанной страны. Это было время, когда партия призвала народ: «Все на борьбу с разрухой!», как еще недавно призывала: «Все на борьбу с врагом!» — война кончилась, но дух и ритм военного времени сохранялись. И люди возвращались с фронта, вступали в армию строителей, шли на трудовые фронты. Им выдавали пайки, как бойцам, им выдавали лопаты, как винтовки бойцам.

Это было время, пропахшее селедкой и дегтем, когда на многочисленных митингах, на стройках, заводах и промыслах в едином порыве, как перед атакой, гремело волевое: «Даешь!» И полуголодные люди, стянув пояс потуже, работали яростно, самозабвенно. Не хлебом единым жили они.

Это было время, когда, следуя «великому почину» москвичей, бакинцы превратили субботники в подлинные праздники вдохновенного труда. Они шли на них, четко печатая шаг, со знаменами и лозунгами: «Слава каждой капле пота во имя революции!», распевая неведомо кем сложенную песню:

Могуче-стройными рядами
На бой с разрухой мы идем,
Не с пулеметами, штыками —
С лопатой, киркой, молотком...
Вперед, на фронт труда, работник,
Желаньем победить горя!
Коммунистический субботник —
Для нас грядущего звезда...

19 июня Бакинский комитет партии опубликовал обращение ко всем рабочим-коммунистам Баку. «Самая трудная, неблагодарная, черная работа превращается в

праздник для пролетариата,— говорилось в нем.— Бакинский комитет нашей партии решил каждую субботу, начиная с 26 июня, устраивать общебакинский коммунистический субботник. Каждый коммунист обязан в эти дни быть в строю труда».

Было создано Бюро субботников, проводилась разъяснительная работа на партийных собраниях и заседаниях завкомов, в которых участвовали работники горкома и райкомов партии, аппарата Нефтекома.

Конечно, не везде и не все понимали значение субботников, были и такие, которые выступали против них. Иные старые специалисты и подстрекаемые ими отсталые рабочие открыто заявляли, что не намерены работать безвозмездно. Серебровский побывал на нескольких таких собраниях, выступал с речами.

На бывшем промысле Лианозова, теперь шестом промысле Сураханов, Серебровскому кто-то из толпы задал вопрос:

— Товарищ председатель, вы так складно говорите о ваших субботниках, можно подумать, что завтра в промысловых канавах вместо грязи потекут молочные реки.

Раздался смешок.

— Конечно, и завтра и послезавтра нам будет трудно. Мы взяли в свои руки промышленность, разрушенную империалистической войной, но мы должны восстановить ее, чтобы она работала без остановок и перебоев.

— И вы рассчитываете добиться этого на ваших субботниках? — из толпы выступил пожилой человек.— Да на это годы потребуются!

— У Толстого есть рассказ про дряхлого старика, который сажал яблоньки без надежды полакомиться ими. В ответ на замечания, что он напрасно старается, старик отвечал: «Не я, так внуки!» Ну, мы еще не дряхлые старики и еще увидим чудеса.

— Улита едет, когда-то будет! — послышалось в ответ.

— Будет, можете не сомневаться!..

— Кто это был? — спросил Серебровский председателя завкома, когда они шли с собрания.

— Платонов Андрей Спиридонович. Хороший инженер, а вот человек... каверзный!

...В день субботника Гасан подал машину чуть свет и Серебровский поехал в Сураханы.

Сураханская площадь, сравнительно молодая в Балаханском нефтеносном районе, привлекала присталь-

ное внимание Серебровского. Из материалов он знал, что два-три века назад здесь взору путешественников открывалось поразительное зрелище — горящая тысячами язычков голубого пламени пепельно-белая земля. Он видел храм, построенный индусскими огнепоклонниками, за газовыми факелами. Теперь факелы погасли, храм пришел в запустение. Но Серебровский распорядился, чтобы местные власти и промысловое начальство охраняли его как памятник материальной культуры.

...В 1894 году молодой инженер из Петербурга Анатолий Федорович Семенов заложил в Сураханах первый четырнадцатисаженный шурф для добычи газа. В 1902 году одна из двух буровых дала мощный фонтан с дебетом до двух миллионов кубических футов[1] — с этого началась история газового дела на всем Апшероне.

Через два года пробурили первую скважину на нефть, и она дала нефть, отличавшуюся от балаханской: белую, чистую — почти готовый бензин. Эту особо ценную нефть назвали сураханкой. И сразу же сураханскую землю разодрали на куски Нобель, Ротшильд, Лианозов, Асадуллаев, Манташев и другие нефтепромышленники и нефтяные «товарищества»...

Проезжая по петляющей промысловой дороге, Серебровский видел, как сотни людей крушили каменные заборы и засыпали рвы между участками бывших хозяев, расчищали промысловые площади, ремонтировали дороги. Он отметил про себя, что в будни на промыслах такого оживления не было, только нефтяники работали у своих скважин, оттого промыслы казались пустынными. А сегодня не только нефтяные рабочие, но и административно-технический персонал, даже женщины и дети рассыпались по всей территории. Помимо энтузиазма был и интерес. Бюро субботников обещало выдать всем его участникам дополнительный паек: по полфунта хлеба и десятку папирос. Всюду праздничная торжественность, играла музыка, трепетали красные флаги.

Серебровский вышел из машины, надел рукавицы и попросил лопату. Его появление вызвало оживление. Кто-то воскликнул:

— Посмотрите-ка, сам московский комиссар пришел!

— Ай, начальник, ты не пачкайся, без тебя управимся! — сказал ему буровой мастер Шир Али Шарифов из

[1] Один фут равняется 0,3048 м.

Амираджан. Серебровский знал, что девяностно пять процентов буровых мастеров, работавших в Сураханах и Раманах, были амираджанцами.

— Ишь, какой ты хитрец! — шутливо попрекнул старого мастера его друг Анатолий Федорович Семенов, седой, но еще полный сил и энергии.— Может, товарищ Серебровский тоже хочет получить дополнительный паек.

— Я не курящий...

— Ничего, отдашь мне, я покурю,— не растерялся Шир Али.— Знаешь, как говорит молла, когда на праздник жертвоприношсния курбан байрам режут барана? Говорит: «Голову мне, грудинку мне, пять седьмых мяса тоже мне». Я не поступлю, как тот молла: папиросы мне, а хлсб можешь оставить себе.

Рабочис рассмеялись. После шутки и лопата лсгчс вонзалась в зсмлю.

Поработав с этой группой рабочих, Ссребровский перешсл к другой, от нее — к следующсй. И всюду, где он появлялся, сго встречали приветливо, радуясь тому, что сам прсдсcдатель Нефтекома на равных трудится рядом с ними, не чурается тяжелой, черной работы. И вид у нсго простецкий, вовсе не начальственный: полотняный костюм с брюками, заправленными в стоптанные сапоги, забрызган нефтью и грязью, волосы слиплись на потном лбу.

Возле одной из вышек Серсбровский увидел инженера Платонова, возившегося над мотором.

— Здравствуйте, товарищ Платонов. Что, на «яблочки» потянуло? — иронически спросил он, присаживаясь на корточки персд будкой.

— У меня тоже внуки растут,— в тон ему ответил Платонов и уже без улыбки, многозначительно добавил.— К тому же нет никакого желания получить приглашение на Старо-Полицейскую.

— При чем тут Старо-Полицейская? — невольно поднялся Серебровский, поняв намек инженера: на этой улице находилась ЧК. Александр Павлович слышал пущенную кем-то злую шутку: «Попасть на Старо-Полицейскую всс одно, что попасть в старую полицию».

— Товарищ предзавкома заявил мне, что я являюсь саботажником и классовым врагом, льющим воду на мельницу мировой буржуазии...

— Ах вот оно что! — рассмеялся Серебровский и подумал: «Заставь дурака богу молиться, он и лоб расши-

бет!» — Не стоит беспокоиться. Вы, вероятно, не читали декрета Азревкома, запрещающего арестовывать специалистов-нефтяников без ведома Азнефтекома. Ну а мы такой надобности ие видим. Что тут у вас? — склонился он над мотором.

Инженер развел руками.

— Не ладится что-то...

— Позвольте-ка мне,— засучил рукава Серебровский.

Вскоре мотор ровно загудел. Вытирая руки ветошью, Александр Павлович сказал:

— С вами интересно было поработать и поговорить. Буду рад продолжить иаш разговор на Садовой, в Нефтекоме.

— Непременно загляну!

Еще издали Серебровский заметил нескольких мужчин и подростков, стоявших по колено в озерце, образованном грунтовыми водами. Подойдя ближе, узнал уста Пири и Мусеиба Дадашева.

— Как улов, уста? — спросил весело.

— А, начальник, салам! Посмотри, дорогой, какую «рыбу» мы выудили,— указал он на две трубы, лежавшие иа берегу.

— Богатая иаходка! — кивнул Серебровский.

— Мамед Паша нашел,— указал он на своего семилетнего сына.— Когда узнал, что иду скважину чинить, говорит: «Отец, тебе трубы нужны? В озере есть...»

— Мы тут купались...— хотел похвалиться Мамед Паша, но осекся под взглядом отца.

— Любят они нырять,— сказал за него уста Пири.— Хотел бы я знать, какой сукин сын их туда побросал!..

— Мусеиб, а почему ты не в Балаханах, ие на заводе? — спросил Серебровский.— Ты ведь токарь?

— Был, был,— с усмешкой кивнул уста Пири.— Теперь бери выше. Он тоже начальник. Вот их начальник,— махнул рукой в сторону ребят.

— Да?

— Я — член ЦК комсомола Азербайджана,— с гордостью ответил Мусеиб.— На днях на съезде комсомола избрали. Теперь я ответорганизатор.— В голосе и во всем виде Дадашева было столько самодовольства, что Серебровский с трудом удержал улыбку и переменил тему разговора:

— Ты хорошо говоришь по-русски.

— Он у нас образованный. В русско-татарской школе учился.

— Там наш поэт Сабир преподавал. Слышали о нем?

— Нет, при мне еще не было такой школы,— ответил Серебровский и обратился к уста Пири: — Тебе тоже надо учиться, уста.

— Э, куда уж мне! — махнул рукой тот и посмотрел на ребят.— Вот, пусть они учатся...

— Учиться никогда не поздно. Намечаем открыть в этом году в Баку рабфак с филиалами в промысловых районах, чтоб вам не ездить далеко. Создадим политехнический институт, будем готовить свои кадры инженеров. Не век же тебе в буровых мастерах ходить... Ну, давайте тащить «улов»! — И Серебровский, скинув сапоги и закатав штанины, полез в воду.

Радуясь тому, как вокруг кипит работа, он с сожалением подумал: «Эх, жаль Мироныч не видит! Как-то он там дипломатствует?»

...Месяц назад, когда он был у Нариманова, пришел Орджоникидзе.

— Гамарджоба, батоно Нариман! — приветствовал он.— Получил по прямому проводу записку от нашего «дипломата» из Тифлиса.

— Да? И что же пишет Сергей Миронович?

— «Приехали сегодня в 6 часов вечера,— начал читать Орджоникидзе.— Со стороны грузинского правительства встретили достаточно гостеприимно...»

— На то они и грузины,— засмеялся Нариманов.

— Ну, дальше о небольшой манифестации народа перед посольством РСФСР, об арестах на улице...

— Мироныч пишет, что Гусейнов телеграфно предложил ему принять представительство Азербайджана в Грузии. Киров отказывается, советует прислать мусульманина.

— Правильное решение! — одобрил Нариманов.— Мирза Давуд поспешил со своим предложением.

...Уста Пири и его помощники «выудили» из озера четыре вполне исправные бурильные трубы. И это был не единственный «улов». На других промыслах рабочие обнаружили припрятанные среди металлолома и в расщелинах скал долотья, трубы, компрессоры и даже станок вращательного бурения. Устья иных скважин были завалены камнями, моторы и насосы повреждены.

«Саботируют, господа бывшие!» — подумал Серебровский.

К концу долгого летнего дня на промысловых территориях стало больше порядка и чистоты. Заработало несколько скважин — благодаря им июньская добыча нефти всего за четыре дня увеличилась по сравнению с майской на двадцать пять тысяч пудов.

Успех первого субботника окрылил, и они стали проводиться систематически. И не только на промыслах и заводах. В пятницу, 23 июля, двадцать наборщиков типографии вышли на воскресник и набрали брошюру, посвященную пятидесятилетию В. И. Ленина.

Два субботника — 1 и 8 сентября — совпали с началом и концом знаменательного события в жизни Баку — съездом народов Востока.

Как-то, вскоре после первого субботника, Орджоникидзе спросил Серебровского:

— Ты Стасову знаешь?

— Елену Дмитриевну? Как же! Часто встречались. В пятом году она снабдила меня паспортом на имя Глазунова. А что?

— Приезжает. ЦК поручил мне и ей образовать бюро по подготовке съезда народов Востока. Замечательный товарищ! — похвалил Орджоникидзе, знавший Стасову с 1908 года.

Не дождавшись ее приезда, Григорий Константинович по поручению исполкома III Коминтерна разослал циркулярное письмо всем Центральным Комитетам коммунистических партий народов Ближнего Востока с приглашением принять участие в созываемом в Баку съезде трудящихся масс, а сам выехал в Ставрополь на рабочую конференцию — весь год он то и дело выезжал в Дагестан, Чечню, Ингушетию, Ставрополье и на Кубань.

Через десять дней он вернулся, и не один, а вместе со Стасовой. Елена Дмитриевна с улыбкой стала рассказывать Серебровскому:

— Кошмарная поездка! Ехали мы с бесконечными остановками. Разбирали заборы для топки. В Минеральных Водах нам объявили, что дальше состав не пойдет. Как же, думаю, добраться до Баку? Случайно узнала, что скоро должен прибыть поезд Серго. Ну-с, подошла к его вагону. Представляете, какая это была встреча?

Орджоникидзе, радовавшийся каждому гостю, не отпустил Стасову в «гостевой дом», а поселил у себя. В тот же день они приступили к делу: создали организационное бюро, в которое вошли Н. Нариманов и А. Микоян, провели первое заседание.

Наступило 1 сентября, суббота. Возле Баксовета поперек улицы сколочена высокая стена с четырьмя арками — символом Востока, убранная коврами и флагами. Днем через эти арки прошла демонстрация горожан, вместе с ними шли делегаты, а их было около двух тысяч: люди в чалмах, тюрбанах, фесках и папахах. Демонстранты прошли по всем центральным улицам, празднично убранным флагами и коврами.

Вечером, когда схлынул зной, делегаты и гости собрались в Большом государственном театре (бывшем Маиловском). Серебровский получил билет в гостевую ложу.

Нариманов, открывая съезд, сказал:

— Товарищи, сегодня на мою долю выпало счастье открыть первый, невиданный, неслыханный в мире съезд, съезд народов Востока.

Седой Восток, первый давший нам понятие о нравственности и культуре, сегодня будет здесь лить слезы, говорить о горе, о тяжелых ранах, нанесенных ему капиталом буржуазных стран...

И это заставит объединиться все эти народы и они придут к одному заключению, именно: объединенной силой свалить, разорвать цепи этого капитала...

По предложению Нариманова съезд избрал почетным председателем В. И. Ленина и приступил к работе.

Орджоникидзе не успел к открытию съезда, он участвовал в ликвидации врангелевского десанта на Кубани и приехал в разгар дебатов. Во время перерыва он горячо рассказывал Нариманову и Стасовой:

— Улагай, конечно, не дурак, высадил десант в нашем тылу в районе Ахтырка-Черноморская, взбаламутил казачество Дона и Кубани. Но мы тоже не лыком шиты: ночью высадили свой десант у него в тылу и так двинули — в пух и прах разбили! Улагай еле ноги унес. Более тысячи солдат взяли в плен, остальных загнали в камыши и болота...

Сидя в президиуме, он подался всем корпусом вперед, чтобы лучше слышать страстную речь американского журналиста Джона Рида (познакомился с ним в семнадцатом году в боях на Пулковских высотах). Джон Рид говорил:

— ...Вы, народы Востока, народы Азии, еще не испытали на себе власти Америки... Рабочие и крестьяне Филиппин, народы Центральной Америки, островов Карибского моря — они знают, что значит жить под властью «свободной Америки».

Как только рабочие Кубы пытаются избрать правительство, которое не в интересах американских капиталистов, Соединенные Штаты Америки посылают солдат на Кубу, чтобы заставить народ голосовать за своих угнетателей...

Помните, товарищи, дядя Сэм никогда не дает чего бы то ни было даром...

Есть только один путь к свободе. Объединяйтесь с русскими рабочими и крестьянами, которые свергли капиталистов и Красная Армия которых победила иностранных империалистов! Следуйте за красной звездой Коммунистического Интернационала!

— Как говорит! — восторженно воскликнул Орджоникидзе, поднявшись вместе со всем аплодирующим залом.

...7 сентября съезд закончил работу, а назавтра делегаты участвовали в траурной церемонии перезахоронения останков 26 бакинских комиссаров.

В 9 часов утра руководители республики и делегации рабочих собрались на Петровской пристани, той самой, с которой два года назад комиссары отплыли навстречу своей трагической гибели. С траурного парохода вынесли двадцать шесть красных гробов, доставленных из Закаспия. Их понесли на руках мимо здания ЦК, Бакинского Совета, через весь город на площадь Свободы, где собрались делегации рабочих из фабрично-заводских и промысловых районов. Тысячи людей запрудили площадь и прилегающие улицы. Знамена с черными лентами, венки, венки...

Начался траурный митинг. Над площадью разнесся голос Нариманова:

— ...Сейчас мы предаем земле Советского Азербайджана наших лучших, дорогих товарищей, доблестно стоявших до последнего момента на своих революционных постах. Эти стойкие, честные герои пали от руки Англии, той Англии, которая всегда говорит о своей человечности... И в скором времени проснется седой Восток и со своих плеч легко сбросит... гнет. Спите, дорогие товарищи, идея, за которую вы боролись, воссияет ярко по всей земле.

Треск ружейного салюта потонул в могучем, тревожном реве пароходных, паровозных и заводских гудков, когда останки двадцати шести опускали в братскую могилу...

В разгар работ в Сураханах на дороге показалась вереница машин. В «фиате» рядом с Серебровским сидел

известный венгерский коммунист Бела Кун, в других машинах — еще несколько делегатов съезда из Ирана и Турции. Они были на приеме в Нефтекоме, Серебровский и Рустамбеков рассказали о работе по национализации и восстановлению нефтяной промышленности и для наглядности повезли их на промыслы. Рабочие обступили машины, приветствовали гостей, а те изъявили желание поработать, внести свою лепту в восстановление бакинских промыслов...

В 1920 году было проведено двести четыре субботника.

И шли в Москву, Ленину, сообщения.

8 ноября железнодорожники телеграфировали о торжественной отправке нефтяного поезда из тридцати пяти цистерн, наполненных нефтью, маслом, керосином и бензином. Это был подарок бакинских рабочих москвичам в честь третьей годовщины Октября. «Все цистерны и паровоз отремонтированы ударной группой бакинских железнодорожников, а также участниками субботников вне общей ремонтной работы»,— писали они.

Через неделю Бакинский комитет сообщил В. И. Ленину о своем решении: «...очередной общебакинский массовый субботник превратить в объединенный праздник труда и победы над Врангелем; вместе с тем пополнить и пропитать пламенный привет рабочих нефтяного промыслового центра нефтью, керосином, бензином и маслами, для чего в срочном порядке отправить в Красную Москву маршрутный поезд с цистернами из этих продуктов».

О перевозке нефти в Россию В. И. Ленин узнавал и из сводок «На бескровном фронте», публиковавшихся в «Правде», и из регулярных телеграфных сообщений, и из личного доклада Серебровского. Много лет спустя Александр Павлович напишет:

«Осенью я приехал и доложил Ленину, что удалось перебросить 157 млн пудов... Ильич был рад узнать о первых успехах по перевозке нефти, но тотчас же заговорил о добыче. Его ясный ум смотрел вперед, он видел значение нефти и толкал нас вперед и вперед...»

Рассказывая о нуждах нефтяной промышленности, Серебровский просил Ленина о предоставлении Нефтекому права самостоятельной торговли нефтью на внутреннем и внешнем рынках.

Ленин внимательно выслушал его и сказал:

— Прошу вас, Александр Павлович, тотчас же по

возвращении в Баку поручить высококомпетентным специалистам спешно написать доклад о положении Бакинского нефтяного района: какова реальная угроза катастрофы, что нужно и можно сделать для ее предотвращения.

Вернувшись в Баку, Серебровский собрал в своем кабинете восемнадцать специалистов нефтяного дела и передал им поручение В. И. Ленина.

БАКУ ПРОСИТ ПОМОЩИ

Положение нефтяной промышленности оставалось катастрофическим. Агонию промыслов удалось приостановить, чему в немалой степени способствовали субботники, но кризис не миновал. Нередки были случаи, когда рабочие отказывались работать, пока не будут выданы продовольствие, одежда и обувь, участились случаи порчи промыслового и заводского оборудования, усилилось дезертирство рабочих.

Остановилось свыше семисот скважин, добыча сократилась на шесть миллионов пудов.

Серебровский бился как рыба об лед, чтобы раздобыть хлеба, одежды, обуви, материалов, обивал пороги ЦК, Азревкома, Наркомпрода, а те в свою очередь, обращались к В. И. Ленину, прося помощи у Советской России. О нуждах трудящихся Азербайджана и бакинских рабочих Ленину писали первый секретарь ЦК КП(б) Азербайджана Г. Н. Каминский, председатель Азревкома Н. Нариманов, наркомпрод Г. Мусабеков, докладывали председатель «Главнефти» З. Н. Доссер, председатель Союза горняков И. Ф. Живейков.

И Россия, истощенная войной, опаленная засухой, делилась с Азербайджаном последним.

Конец июля. Мусабеков пишет Ленину:

«Дорогой учитель Владимир Ильич! Приветствуя вас, великого вождя всемирного пролетариата... я позволю себе остановить ваше внимание на продовольственном положении молодой, но полной братской любви к вам Азербайджанской Социалистической Советской Республики...» — и просит: «Хлеба, хлеба..!»

6 августа Совет Труда и Обороны постановил «поручить Главтопу дать в распоряжение Кавсовтрудармии 100 тысяч пудов керосина с тем, чтобы все количество керосина было употреблено для товарообмена на удов-

летворение 100 процентов потребностей бакинских рабочих».

Начало ноября. Нариманов и Мусабеков — Ленину:

«Принимая во внимание важность снабжения наших рабочих, вами было своевременно отдано распоряжение о посылке нам хлеба Севкавказом. Несмотря на это...» — и снова отчаянное: «...мы очутились в самом критическом положении... с первого ноября нам нечего выдавать за совершенным отсутствием запасов».

27 ноября Политбюро ЦК РКП(б) обсудило положение дел на Кавказе. В. И. Ленин тут же набросал проект постановления: «Поручить Компроду, как важнейшую политическую и экономическую задачу, снабжать Баку обязательно и аккуратно продовольствием в 100% нормы».

И все же положение оставалось тяжелым. Для того чтобы отправить последний перед закрытием навигации караван танкеров в Астрахань, пришлось обойти чуть ли не все бакинские организации — Совнархоз, Главхозупр, ЧУСО, Наркомпрод, Нефтеком и собрать для экипажей некоторое количество муки, риса, одежды и сапог.

Проводив последний караван, Серебровский 22 ноября телеграфировал В. И. Ленину:

«Докладываю результаты кампании двадцатого года: отправлено в Советскую Россию... разными путями сто шестьдесят миллионов пятьдесят девять пудов нефти...»

У Серебровского были все основания гордиться: задание Ленина, записанное в мандате,— план вывоза нефти в Россию — выполнено, и даже с лихвой! Но ведь это только одно из заданий, а главное — организация нефтяного хозяйства с наивысшим подъемом производительности труда... ой, как далеко еще до этого! И потому, читая неутешительные доклады специалистов, написанные для Ленина, Серебровский предпослал им свое обращение, которое заканчивалось словами: «...считаю своим долгом доложить, что отсутствие материалов, недостаточность продовольствия и рабочей силы мешают правильному развитию нефтяной промышленности Бакинского района, в чем вы можете убедиться из прилагаемого доклада».

«Азерцентропечать» издала доклад Нефтекома «Положение нефтяной промышленности Бакинского района к концу 1920 г.» отдельной брошюрой, и Серебровский, отправляясь в Москву, взял ее с собой, чтобы лично вру-

чить Ленину. Вместе с Н. Наримановым, Г. Орджоникидзе, председателем Баксовета В. Егоровым и представителем профсоюзов А. Микояном, железнодорожником М. Касумовым и тартальщиком А. Айдамировым он был включен в состав делегации на Восьмой Всероссийский съезд Советов.

На вокзале собралось много провожающих. И Анна Ивановна взгрустнула. Сколько раз она вслух повторяла строки из стихотворения Демьяна Бедного:

Случайный гость в Баку, в нем не пробыв трех дней,
Я рвусь назад в Москву, где сердцу все милей...

Сейчас, когда она оставалась одна, ей было тоскливо.

— Я скоро вернусь, Аня,— успокаивал он.

Рядом Г. Н. Каминский, передавая Орджоникидзе пакет, говорил:

— Опять написал наскоро. Но вы досконально доложите Ильичу...

К Мир Баширу Касумову, завхозу делегации,— у него хранились хлебные и продуктовые пайки на всех — подошли две работницы в красных косынках, вручили фанерный ящичек.

— Передайте товарищу Ленину наш подарок. Это мармелад. А это,— протянули они лист бумаги,— протокол собрания кондитеров о подарке.

На станции Хачмас в вагон подсел еще один член делегации, председатель Кубинского уездного ревкома Касум Исмайлов. Весь его багаж составлял небольшой узелок, в нем лежало два больших желтых яблока.

— Товарищу Ленину везу! — важно сообщил он.

— Касум, ваша Куба — сплошной яблоневый сад, а ты всего только два яблока нашел? — подзадорил Айдамиров.

— Зачем два? К поезду целый вагон яблок прицепили. А эти два яблока являются не просто яблоками, а выражают мечту крестьян Кубинского уезда о свободе Востока, душа которых с любовью несется к вождю революции, указавшему дорогу к освобождению, по которой мусульмане пойдут до самой своей смерти! — произнес он целую тираду.

Томительно долго тащился поезд по разрушенной стране. Только на седьмой день прибыли в Москву, морозную, заваленную сугробами.

22 декабря. Сверкающий позолотой зал Большого театра заполнили рабочие, крестьяне, красноармейцы, матросы.

Зал загрохотал, когда председатель ВЦИК М. И. Калинин предоставил слово для доклада председателю Совета Народных Комиссаров. Ленин стремительно вышел на авансцену и заговорил громким голосом. Выразительными жестами он усиливал смысл понятных и без того чеканных фраз о преобразовании народного хозяйства страны на основе электрификации.

— Только тогда, когда страна будет электрифицирована,— подчеркивал Ленин,— когда под промышленность, сельское хозяйство и транспорт будет подведена техническая база современной крупной промышленности, только тогда мы победим окончательно!..

И наверное, первыми зааплодировали бакинцы, когда Ленин сказал:

— Теперь, при громадном энтузиазме, который проявляют рабочие в Азербайджанской республике, при дружественных отношениях, которые у нас установились, при умелых руководителях, данных Совнархозом, дело с нефтью идет хорошо, и мы начинаем становиться на собственные ноги и с топливом.

«При умелых руководителях...» — это ведь и обо мне сказано»,— подумал Серебровский, польщенный, как ученик похвалой учителя.

А Мир Башир Касумов, сидевший между ним и Рухуллой Ахундовым, под впечатлением от доклада, в простоте души решил, что должен лично познакомиться с Лениным. Ахундов стал отговаривать.

— Ай Мир Башир, Ленин — занятой человек, когда ему разговаривать с тобой? Да и как ты станешь объясняться с ним? Ты же «моя-твоя» говоришь.

Но Касумов после заседания все-таки подстерег Ленина у выхода, подошел к нему:

— Здравствуй, дорогой Ленин йолдаш!

Владимир Ильич остановился, внимательно посмотрел на его открытое, бесхитростное лицо.

— Здравствуй, товарищ. Кто вы?

— Мы бакинец... черный рабочий...

— Как ваша фамилия?

Касумов назвался.

— Поговорить хочу, товарищ Ленин.

— Позвольте мне, товарищ, условимся о встрече,— ответил Ленин и еще раз пожал ему руку.

Видимо, благодаря этой инициативе именно Касумову, а не кому-то другому поручила делегация приветствовать съезд. Все советовали ему говорить по-азербай-

джански, мол, потом Рухулла переведет. Он неопределенно кивнул, вышел на сцену и заговорил по-русски:

— Товарищи, к сожалению, я очень плохо говорю порусски, потому что прежде нам, рабочим, не давали возможности изучать русский язык, но теперь я привык говорить на международном революционном языке...

Ленин встал, за ним поднялся весь зал, и долго не смолкали аплодисменты.

Касумов напомнил о ста шестидесяти миллионах пудов нефти, перевезенных в уходящем году, и обещал:

— В будущем году мы отправим в Советскую Россию триста миллионов пудов нефти!

И снова грохот аплодисментов.

«Легко сказать: триста миллионов!» — думал Серебровский. В самом деле, чтобы перебросить такое количество нефти, следовало увеличить число действующих скважин с восьмисот пяти до одной тысячи восьмисот шестидесяти, ежемесячно добывать не одиннадцать, а двадцать пять миллионов пудов, перегонять не пять, а пятнадцать миллионов пудов нефти! А как добиться этого, если в новый, 1921 год нефтяная промышленность, еще не совсем оправившаяся после агонии, вступает с теми же кризисными явлениями: недостатком рабочей силы, оборудования и продовольствия?..

Новый год Серебровский встретил в дороге. Сойдя с поезда и ненадолго заскочив домой, он помчался в Нефтеком.

Члены президиума Нефтекома С. Агамиров и директор промыслового управления Ф. Рустамбеков ввели его в курс дел, показали свежий номер газеты «Коммунист» с обращением Баксовета «Ко всем рабочим и честным труженикам Баку».

«Бакинские рабочие! На вас смотрят с надеждой миллионы пролетариев, штурмующих твердыни хозяйственной разрухи. Им нужна для победы нефть, нефть и нефть! Вы должны дать ее!» — Серебровский отложил газету, раздумчиво повторил:

— «Твердыни разрухи...» Только и знаем, что требуем от рабочих: «вы обязаны», «вы должны». А накормить их досыта, одеть и обуть не можем...

— На днях Баксовет создал комиссию по выяснению нужд нефтяной промышленности,— сообщил Агамиров.— От Нефтекома включены в нее Фатулла и я.

— Еще одна комиссия! — всплеснул руками Серебровский.— Месяца не прошло, как мы составили обсто-

ятельный доклад о положении нефтяной промышленности. Что ж еще вы будете выяснять?

— Да то же самое,— усмехнулся Рустамбеков.— Передам в комиссию свои записи...

Затрезвонил телефон, звонил наркоминдел М. Д. Гусейнов.

— Александр Павлович? С приездом, дорогой! Как съездил?.. Когда встретимся? Поговорить надо. Азревком постановил создать Высший экономсовет. Меня намечают председателем, тебя — заместителем. На днях обнародуют...

Вскоре после Гусейнова позвонили из Баксовета: в три часа заседание президиума.

Баксовет, за отсутствием председателя, временно возглавлял первый секретарь ЦК партии Г. Н. Каминский. До начала заседания он расспросил Серебровского о В. И. Ленине, о съезде, перейдя же к бакинским делам, начал рассказывать о комиссии, но Серебровский сказал, что уже осведомлен. Благодаря вмешательству Ленина, сказал он, в Москве удалось заполучить коечто для снабжения рабочих, но этого мало, хорошо бы обратиться к рабочим России с просьбой оказать помощь бакинцам. Кроме того, надо бы провести конференцию нефтяников, обсудить вопросы, поставленные Восьмым съездом Советов.

— Согласен. Сядь, набросай текст обращения, доложишь на заседании.

Вопросов на повестке дня, как всегда, было много.

Азревком постановил с апреля ввести карточную систему. Предстояло создать бюро по распределению карточек, установить порядок и график переписи всех работающих граждан и членов их семей, чтобы подсчитать количество едоков, определить категории снабжения, а заодно выявить тунеядцев, отлынивающих от трудовой повинности.

Как ни парадоксально, в Баку, пропахшем нефтью, керосин отпускали по талонам, да и то с перебоями. Пройдет несколько лет, прежде чем по улицам города лениво поплетутся клячи, впряженные в арбы с черными бочками, и возницы-продавцы огласят улицы протяжным зазывным криком: «Бак-то-о-п! Гыра-сии! Гыра-си-ии!» А пока надо было позаботиться об открытии еще двух керосиновых лавок.

Еще хуже обстояло с водой. В разных районах города, на перекрестках улиц красовались водозаборные

будки — каменные шестигранные башенки с куполами, перед которыми выстраивались длинные очереди женщин и детей с ведрами. Только небольшая часть домов имела водопровод, так называемое «домовое присоединение». Из-за крайней недостачи воды предстояло для всех ввести талоны: ведро на человека в день.

Серебровский составил «Обращение к Московскому, Петроградскому и всем Советам России». Приведя факты, грозящие нефтяному району катастрофой, просил провести мобилизацию работников нефтяной промышленности, принять чрезвычайные меры по удовлетворению требований Нефтекома об отпуске промышленных материалов, обеспечить рабочих промыслов продовольствием и одеждой.

«Всей Советской России нужна нефть. Мы ее дадим, как уже дали, но вы должны помочь нам. На помощь Красному Баку!»

11 января это обращение было передано по радио и опубликовано в газетах. А 14 января в Большом государственном театре состоялась рабочая конференция совместно с правлением союзов и райисполкомов. Фойе театра было превращено в настоящий музей нефтяной промышленности. На стенах развесили многочисленные диаграммы, таблицы, плакаты, карты, фотографии, расставили макеты буровых.

К 11 часам утра в театре собралось более трех тысяч делегатов, по одному от каждых десяти рабочих, так что даже проходы в зале были забиты до отказа.

Председатель исполкома Баксовета В. Егоров сделал доклад «Состояние нефтяного хозяйства и наши задачи на хозяйственном фронте», а в заключение сообщил:

— Восьмой съезд Советов за трудовой подвиг бакинского пролетариата решил наградить город Баку орденом Трудового Красного Знамени РСФСР.

Все восторженно приветствовали это сообщение.

Затем выступил Серебровский. Рассказывая о съезде Советов, сказал:

— Благодаря нашей нефти пущена в ход колоссальная тверская мануфактура. Оживилась и российская металлургия: уже работают девятнадцать домен и двадцать мартеновских печей... Словом, бакинская нефть нанесла российской хозяйственной разрухе первый тяжелый удар, но нужно, чтобы на этом первом ударе рука бакинского пролетария не остановилась...

В своей речи Серго Орджоникидзе отметил, что ор-

деном Трудового Красного Знамени РСФСР награжден и Серебровский: «...за прорыв экономического фронта, экономической разрухи переброской в Советскую Россию ста шестидесяти миллионов пудов нефти».

Серебровскому стало неловко, он низко опустил голову и, поглаживая волосы на затылке, изредка посматривал в сторону Орджоникидзе.

А тот продолжал: «...раньше у нас были военные сводки, значение наших побед мы определяли по количеству пленных и трофеев. Теперь настало время других, хозяйственных сводок. Одна из них — количество нефти, добытой за 10 января, уже объявлена Азнефтекомом. Как раньше Красная Армия радовала нас занятием городов... так теперь в трудовой сводке нас будет радовать, какие города воскресил бакинский пролетарий добытой им нефтью и сколько фабрик и заводов благодаря этому начало работать».

Серебровский поднялся из-за стола, переждал аплодисменты.

— Трудовое Красное Знамя, присужденное на московском съезде бакинскому пролетариату, мы поставим в Балаханах, в центре нашей нефтедобычи. Да здравствует бакинский пролетариат, получивший первое Красное Трудовое Знамя!

С новой силой вспыхнула овация.

— В награду бакинскому пролетариату,— продолжал Серебровский,— всероссийский пролетариат прислал сто часов и различные другие подарки, пятьдесят тысяч комплектов белья, тридцать пять тысяч обмундирования, ботинки и много другое; от Красной Армии — пять тысяч комплектов теплого обмундирования. Все это уже погружено в Москве в поезд и, когда прибудет сюда, будет распределено.

Серебровского срочно вызвали на совещание к Орджоникидзе. Здесь он застал множество знакомых и незнакомых людей: секретаря ЦК Азербайджана Г. Н. Каминского и наркомвоенмора А. Г. Караева, наркоминдела М. Д. Гусейнова и наркомпути Чингиза Ильдрыма, были военные, инженеры, железнодорожники. Ждали Нариманова. Орджоникидзе шумно разговаривал погрузински с двумя только что приехавшими членами Грузревкома, пожилым Филиппом Махарадзе и молодым Семеном Жгенти. В самом углу комнаты скромно

сидел военный человек с простым лицом крестьянина, густыми, всклокоченными волосами. Серебровский присмотрелся к нему и радостно воскликнул:

— Вася, ты?

— Саша! — вскочил военный, они обнялись.

— Вот так встреча! Ты давно в Баку?

— Да не очень. После Врангеля мою бригаду перебросили на Кавказ, придали Отдельной Кавказской армии...

Они сели, продолжая разговаривать, вспоминая былое.

В 1904 году на Путиловском заводе Серебровский сблизился с молодым слесарем Василием Ивановичем Разборщиковым, только что отсидевшим в тюрьме за революционную агитацию. Серебровский дал ему рекомендацию для вступления в члены РСДРП. Они вместе агитировали против коварной гапоновской затеи, 9 января шли рядом в шеренгах путиловцев. Залпы разметали их в разные стороны. Серебровский считал Разборщикова убитым.

В 1917 году первый красный директор Путиловского завода Серебровский встретился с Разборщиковым, ставшим комиссаром петроградской милиции. Ему было поручено сформировать из питерских рабочих железнодорожный батальон по ремонту мостов, взорванных неприятелем. И разъехались они по разным фронтам.

В 1919 году начальник ВОСО Южфронта Серебровский снова встретился с Разборщиковым, теперь уже командиром железнодорожной бригады, и они работали вместе, пока Серебровского не отозвали в Москву.

В 1922 году Серебровский пригласит его на работу в Баку, и Разборщиков создаст железный Отдельный караульный полк «Азнефти», станет его командиром и комиссаром. Пройдет год, и Разборщиков, не однажды рисковавший жизнью ради предотвращения железнодорожных катастроф, трагически погибнет при крушении поезда на станции Эйбат...

Это будет, а пока они сидели и вспоминали былое.

Пришел Нариманов, и Орджоникидзе начал совещание.

— Товарищи, как вам известно, по просьбе грузинского ревкома 11-я армия поспешила на помощь восставшему грузинскому народу.

Как мы и предполагали, грузинские меньшевики взорвали Пойлинский мост, чтобы воспрепятствовать на-

шему продвижению. По моему требованию из Пойлы прибыл для доклада адъютант комполка-78 Шевченко. Рассказывай, Иван Наумович.

Молодой военный доложил, что в ночь на 16 февраля бойцы 7-й роты и команда пеших разведчиков внезапным ударом захватили мост и прорвались на противоположный берег. За ними устремились другие роты 3-го батальона. В этот момент раздался взрыв. Пламя охватило основание моста и фермы.

Противник перешел в контратаку. Но наши пулеметчики с противоположного берега помогли отбить наступление, а тут и кавалеристы вброд перешли ледяную Куру, началась переправа на плотах и лодках. И тут еще два взрыва прогремели на мосту...

— Черт знает что! — возмущался Орджоникидзе.— Спасибо, садитесь. Товарищ Пышкин, прошу Вас.

Поднялся немолодой человек в кителе железнодорожника.

— Этой ночью я разговаривал по прямому проводу с начальником ПЧ-8 Акстафы Берзиным. По распоряжению наркомпути товарища Ильдрыма копии этого разговора я препроводил товарищам Орджоникидзе, Нариманову и Гусейнову. Позвольте, так сказать, зачитать и вам:

«Я, ПЧ-8 Берзин, докладываю: сорваны две фермы Пойлинского моста, первая и вторая со стороны Тифлиса. Повреждены серьезно и для восстановления не годны. Бакинские концы обеих ферм остались на подферменниках, а тифлисские концы упали. Поврежден также первый правый бык в своей верхней части, примерно на одну сажень сверху, может быть восстановлен.

Ввиду разрыва труб керосинопровода, подвешенного к ферме моста и оставшегося в нем запаса керосина, начался пожар, которым повреждена вторая ферма и сожжены брусья первых трех...»

— Товарищ Пышкин, пропустите первые два вопроса, читайте с третьего, там, где я подчеркнул красным карандашом. Товарищи, прошу внимания. Серебровский, а вы что шушукаетесь там?

— Слушаем, слушаем, товарищ Серго!

— Мой следующий вопрос,— продолжал Пышкин,— полагаю, что при наличии достаточного количества материалов и рабочей силы можно, так сказать, до полного восстановления моста пропустить броневики и составы на шпальных клетках. Как вы полагаете, какой срок

потребуется на это? Берзин ответил: «Срок, полагаю, для исполнения работ не менее трех недель». У меня все, товарищи,— Пышкин сел.

— Что они говорят? — воскликнул Махарадзе.— Как три недели?

— Берзин исходит из своих возможностей,— ответил Пышкин и указал на коллег, сидевших рядом с ним.— Мы же подсчитали свои и пришли к убеждению, что можно, так сказать, уложиться в две недели.

— За две недели Ной Жордания сумеет расправиться с повстанцами,— сказал Семен Жгенти.

— Есть опасность, что на помощь Жордания поспешат англичане и французы,— предупредил Гусейнов.

— А ты что скажешь, Чингиз? — спросил Орджоникидзе.

— Теоретически они правы. Но сегодня мы имеем дело со случаем, когда можно и должно опровергнуть теорию, уложиться в десять дней,— горячо проговорил Чингиз Ильдрым.

Пышкин неуверенно пожал плечами.

— Все равно долго! — не унимался Махарадзе.

— А за неделю нельзя? — спросил Орджоникидзе.

— Ну, это никак нельзя... И говорить не стоит... Десять дней куда ни шло... Да и то при благоприятных обстоятельствах,— единодушно возразили железнодорожники.

И вдруг голос Серебровского: «Можно!»

Все обернулись в его сторону.

— Мы с Разборщиковым считаем, что можно отремонтировать и за неделю, и даже раньше.

— Конкретно, за какой срок беретесь отремонтировать?

— С момента прибытия людей и материалов на место работы мы беремся пропустить по мосту бронепоезда через три дня.

— Повтори! — строго потребовал Орджоникидзе.

— Через семьдесят два часа с момента начала работ.

— Молодцы, черти! — Орджоникидзе бросил карандаш на стол.

— Спасибо, дорогой! — вскочил Махарадзе.

И тут началось!

— Но это авантюра!.. Чепуха!.. Выскочки!.. Да их близко подпускать нельзя к мосту! — оскорбились железнодорожники.

— Извииите, товарищ Серебровский,— поднялся инженер Пышкин.— Я знаю, так сказать, что вы специалист по холодильиому делу, даже, так сказать, имел удовольствие читать ваш капитальный труд по этому вопросу.— Серебровский, слушая его, подсчитывал, сколько раз он повторит «так сказать», и улыбался, поглаживая стриженый затылок.— Ну а с мостостроительным делом вы знакомы или видели мосты, так сказать, из окна?

Железиодорожники рассмеялись. Серебровский подождал, чтобы погасла вспышка раздражеиия, и начал иронически:

— Не зиаю, так сказать, как вам сказать...

Но Орджоникидзе перебил его, заговорив громко и сердито:

— Дорогой товарищ Пышкин! Александр Павлович Серебровский со мной иа Южфроите воевал, был начальником военных сообщений и замнарпути Украины, он вместе с товарищем Разборщиковым не один мост восстановил. А Василий Иваиович большой зиаток этого дела, он институтов ие кончал, он от слесаря прошел путь через вихри революции до комаидира железиодорожиой бригады. Я верю им. Такие люди слов на ветер не бросают!

— Так им и карты в руки! — разрядил обстановку Наримаиов.

— На этом и порешим! Прнступайте! — заключил Орджоникндзе.

...На рассвете поезд медлеиио проплыл мимо пустынного перрона станции Акстафа. Стоя на подиожке вагона, Серебровский вндел на запасном пути открытые платформы с орудиями, иакрытыми чехлами, и большой танк с иадписью иа броие: «В чем дело?» На выезде со станции в утреиних сумерках темиел бронепоезд «Тимофей Ульянцев».

«Нас ждут»,— подумал Серебровский.

Едва поезд начал притормаживать перед маленьким, стилизованным здаиием станции Пойлы, люди, гроздьями висевшие иа подножках, попрыгали иа землю и угодили чуть ли не в объятия встречавших: рабочих-железнодорожников, вооруженных крестьян из окрестных сел, красноармейцев. Они вытяиулись по обе стороны пути и шумными возгласами приветствовали бакиицев.

— Здорово, братцы!.. Ну, нашего полку прибыло!.. Теперь дело пойдет!..

Начали выгружать из вагонов кислородные аппараты, лесоматериалы, железо и сносить их к мосту. Работали четко, без суеты и толчеи. На фермах уже вспыхнули голубые огоньки — это котельщики резали искореженный металл. На берегу плотники сколачивали из брусьев венцы для ряжей. У лесочка вставали в ряд палатки медпункта. Дымила кухня.

Подошел второй состав, груженный шпалами, рельсами, продовольствием.

День угасал. Но работа продвигалась. Первые арбы привезли и свалили на берегу кучи камня. Сколотили первые три венца. Осторожно спустив их с крутого берега по шатким мосткам, несколько плотников вошли в реку. Холодная вода обожгла тело. Плотники подтащили венцы к быкам и принялись укреплять их на дне. Пальцы немели в ледяной воде, не хотели гнуться. Тем временем с берега спустили новые венцы, и посиневшие от холода люди начали устанавливать второй ряд. Через двадцать — тридцать минут на смену в воду входили другие плотники, а эти, стуча зубами, подымались на берег и бежали в палатки медпункта. Фельдшера растирали их суконками, смоченными в спирте, переодевали в сухую одежду, завертывали в одеяла, поили горячим чаем...

На всех участках работ неожиданно и стремительно появлялся Серебровский в длинной солдатской шинели, в черной кожаной фуражке. Проверял, советовал, подключался в работу и стремительно же переходил на другой участок, отчего казалось, что он всюду поспевал одновременно. Его энергия, собранность, неутомимая деловитость передавались другим, придавали им сил.

Разборщиков неотлучно находился на мосту. Ночью Серебровский сменил его, приказал пойти хоть немного поспать. Не прошло и часа, как тот вернулся.

— Выспался. Иди ты поспи, Саша.

Да, да, надо было прилечь...

Едва лег, провалился в глубокий сон. Но вскоре его растолкали: Орджоникидзе вызывает!

— Что, Серго приехал? — вскочил Серебровский.— Где он?

— Из Акстафы звонит, по телефону...

Серебровский поспешил на станцию.

— Здравствуй, Саша,— послышался в трубке знакомый голос.— Ты спал, что ли? Пятый час утра!.. Ну как, движется дело?

— Движется, Серго, движется!
— Когда закончите?
— Как обещали, послезавтра.
— Тебе привет от Мироныча, только что говорил с ним.
— Ты звонил во Владикавказ? — спросил Серебровский.

Еще в сентябре 1920 года Киров был отозван из Тифлиса и в составе советской делегации ездил на Рижскую мирную конференцию по подготовке договора с Польшей, а потом ЦК направил его председателем облревкома в Терскую область.

— Он сейчас в Баку. Говорит, три дня назад провел 98-ю бригаду через Мамисонский перевал в долину Риони, теперь она наступает на Кутаис и Тифлис. Ты понимаешь, Саша, что это значит? Зимой Мамисон совсем неприступен. «Как вы прошли? — спрашиваю его.— Что, снежной бури не было?» Смеется. «Была,— говорит,— такая буря была — глаз не разлепить». Целые сутки сотни почти раздетых красноармейцев шли через перевал, прорывали тоннели в трехметровой толще снега. Лошадей и пушки спускали с гор на бурках.

«Вот и с севера наступают войска на Тифлис,—подумал Серебровский после разговора с Орджоникидзе.— А наши запнулись на пороге города, нас ждут...»

Протяжный, веселый гудок паровоза прорезал вечернюю тишину. Из-за леса показался паровоз. На двух платформах покоилась новая ферма. На ней сидели красноармейцы и приветливо махали пойлинцам.

Через шестнадцать часов напряженной работы большого отряда людей ферма заняла свое место, прочно стала на мосту, опираясь на ряжи и подправленные быки...

Теперь рабочие принялись укладывать верхнее строение моста: рельсовые пакеты, на них шпалы, наконец рельсы.

Снова всю ночь горели факелы на мосту и вдоль берегов. Работа шла споро. Мост казался горбатым оттого, что верхнее строение, учитывая непременную осадку, уложили на тридцать сантиметров выше полотна дороги.

И вот забит последний костыль!

— Ну, все... — Разборщиков устало сел и закурил.

Серебровский посмотрел на часы, подсчитал: с момента прибытия в Пойлы прошло семьдесят часов!

— Будем докладывать? — нетерпеливо спросил он.

Разборщиков посмотрел на свои часы.

— Еще два часа в запасе... Проверим лишний раз.

— Ты проверяй, а я позвоню.— Он пошел на станцию и соединился с Акстафой, торжественно и официально доложил: — Товарищ Орджоникидзе, Пойлинский мост восстановлен! Присылайте бронепоезд!

— Правду говоришь, кацо? — обрадовался Орджоникидзе. Хотя он и знал, что работа близится к концу, а все как-то не верилось.

В ожидании бронепоезда все рабочие, более тысячи человек, собрались возле моста.

Прошло несколько часов, пока наконец кто-то, то и дело прикладывавший ухо к рельсу, радостно выкрикнул:

— Идет!

Из-за леса показалась темная, тяжелая громада бронепоезда. Он медленно подошел и встал перед въездом на мост.

К Серебровскому и Разборщикову подошли командир и машинист бронепоезда. Серебровский узнал командира. Да, это был Иван Дудин, которого вместе с М. Ефремовым Азревком в прошлом году наградил орденом Трудового Красного Знамени Азербайджана за стремительный рейд бронепоездов в Баку.

— Здравствуйте, товарищ комиссар! — приветствовал он Серебровского.— Готов, говорите? А ну, глянем-ка.

— Быстро вы его подлатали,— недоверчиво усмехнулся машинист, осматривая мост и даже попрыгал на шпале, словно проверял ее на прочность.

— Да что ты ногой щупаешь! — разобиделся Разборщиков.— Садись, поедем. Я с тобой.

— Это само собой,— кивнул машинист и обратился к Серебровскому.— Обычай знаешь, комиссар?

— Знаю,— Александр Павлович решительно направился к берегу и прошел на середину временных, шатких и узких деревянных мостков, подвешенных под мостом. Под ним шумела река, над головой темнела тяжелая металлическая конструкция фермы.

Мимо затаивших дыхание людей, столпившихся на берегу, бронепоезд медленно въехал на мост. И в напряженной тишине люди отчетливо услышали, как, оседая под его тяжестью, заскрипели рельсовые пакеты и ряжи.

Серебровский видел, как над ним со скрипом поплы-

ло черное тело бронепоезда. Кружилась голова, кровь стучала в висках, нервы натянулись, как струны...

Тень над ним прошла, и громовое, тысячеголосое «ура!» раскатисто разнеслось вокруг.

Серебровский выбрался на берег, и сразу несколько пар рук подхватило его и подбросило вверх. Взлетая, он видел бронепоезд на противоположном берегу, а перед станцией — воинский эшелон с четырьмя танками на платформах, на одном из которых белела озорная надпись: «В чем дело?»

— «Дело табак! — взлетая, ответил танку Серебровский.— Чего доброго уронят, костей не соберешь...»

Встав наконец на ноги, он, пошатываясь, направился к эшелону, взобрался на платформу и крикнул:

— Товарищи! Товарищи! — Когда вся масса людей придвинулась к нему и смолкла, сказал: — Товарищи! В эту радостную минуту, когда вы своим героическим трудом соединили не просто два берега Куры, а два братских народа, предлагаю послать приветственную телеграмму Владимиру Ильичу Ленину и сообщить, что мы постановляем назвать Пойлинский мост его именем!

«Ура!» — прокатилось над людьми.

На следующий день пришло сообщение, что в Грузии провозглашена Советская власть.

Вечером состоялось торжественное заседание Бакинского Совета, посвященное победе Советской власти в Грузии.

Взволнованную речь произнес Нариман Нариманов:

— Сегодня наша задача — помочь Красной Грузии всем, чем можем. Всемерная помощь — это лозунг дня.

— Гаумарджос Сапчота Сакартвелос! — по-грузински воскликнул он: — Да здравствует Советская Грузия!

Затем Нариманов сообщил, что за большие заслуги перед революцией Азревком постановил наградить товарищей Орджоникидзе, Серебровского орденом Трудового Красного Знамени Азербайджана.

На этом заседании стало известно, что Григорий Константинович переезжает в Тифлис на постоянное место жительства. Проводить его и Зинаиду Гавриловну собрались члены Азревкома, народные комиссары, друзья. Все были немного взволнованы. Серебровскому вспоминались долгие майские вечера, когда они втроем, Орджоникидзе, Киров и он, допоздна сидели за беседой. Помимо беззаветной преданности делу революции, почтительной любви к Владимиру Ильичу, помимо

общих интересов в совместной работе, общих черт характеров, таких, как скромность, простота, отчаянная храбрость и неиссякаемая работоспособность, была и чисто биографическая схожесть судеб, роднившая их. Они были сверстниками. Напомним: Серебровский родился в 1884-м, Орджоникидзе и Киров — в 1886 году. Все трое очень рано лишились матерей. Орджоникидзе рос у тетки, Серебровский — у тетки, ставшей мачехой, Киров, круглый сирота,— у бабушки и в приюте. Все трое в ранней юности включились в активную революционную работу. Серебровский был впервые арестован в 1902 году, Орджоникидзе и Киров — в 1905-м. И почти одновременно вступили в партию: Орджоникидзе и Серебровский — в 1903 году, Киров — в 1904-м. Все трое еще с дореволюционной поры были связаны с Кавказом. И еще одно, роковое совпадение, о котором тогда они и подумать не могли: рано, трагически оборвется их жизнь...

Серебровский привык каждый вечер заглядывать к Серго, делиться впечатлениями дня, советоваться с ним... Теперь не будет шумно и людно в квартире напротив, и кто знает, кто поселится в ней.

Впрочем, Серебровский недолго оставался на Будаговской. Чагин, председатель чрезвычайной комиссии СНК и АЗЦИКа по уплотнению учреждений и жилых помещений Баку, выделил Азнефтекому несколько квартир в доме специалиста на улице Малыгина, 2, у самого моря. Кроме Серебровского, здесь поселились его заместитель М. Баринов, Г. Мамиконянц и другие работники.

Когда Серебровский уедет в Москву, в его квартиру переберется Ф. Рустамбеков. К радости сыновей Фатуллабека им в наследство остались гимнастические кольца, на которых каждое утро упражнялся Александр Павлович.

ТРУДНЫЙ МЕСЯЦ МАРТ

В начале марта 1921 года Серебровский сообщил Орджоникидзе, что «9 марта состоится торжественное открытие керосинопровода Баку—Тифлис», и заверял: «...рабочие и крестьяне свободной Грузии будут иметь керосина столько, сколько надо, без малейшего ограничения и задержки».

С пуском первой очереди нефтепровода Баку—Тифлис—Батум становилась ближе и реальнее возможность выхода бакинской нефти на внешний рынок, а с этим Серебровский связывал большие планы возрождения промыслов.

Однако его сообщение оказалось несколько преждевременным: только 12 марта в присутствии большинства наркомов состоялась сдача в эксплуатацию нефтепровода, о чем наркоминдел Мирза Давуд Гусейнов тут же телеграфировал В. И. Ленину. На следующий день телеграмма была опубликована в газете вместе с материалами о работе X съезда. Просматривая их, Серебровский впился глазами в строки постановления съезда:

«Одной из практически применимых в данных условиях форм участия иностранного капитала в разработке естественных богатств Сов. республики являются концессии... объектами концессии может явиться часть Грозненских и Бакинских промыслов, поскольку на это последует согласие Советской азербайджанской власти...»

«Значит, решено!» — Серебровский отложил газету и задумался.

И вспомнился ему разговор с Лениным в сентябре минувшего года, вспомнилось, как светилось радостью лицо Ильича, когда он слушал рассказ о героизме бакинских нефтяников, как омрачилось, когда речь зашла о их бедственном положении. Ильич встал из-за стола, стал мерить шагами кабинет до окна и обратно, придвинул стул, сел напротив Серебровского:

— Кое-что мы дадим бакинским рабочим. Но Россия крайне истощена, ее можно сравнить с человеком, избитым до полусмерти... Мы сейчас думаем над тем, как успешно улучшить положение рабочих и крестьян. В плане новой экономической политики, разрабатываемом правительством, предусмотрено использовать экономически, всячески капиталистический Запад в политике концессии и товарооборота с ним. Ввиду опасности провала Советской власти из-за экономической разрухи и отсталости, опасности отстать, не догнать, мы ставим задачу так: привлечь иностранный капитал и с его помощью наладить промышленность, в том числе и нефтяную.

— Отдать промыслы капиталистам? — поразился Серебровский: так неожиданно было сообщение о кон-

цессиях, и так не вязалось оно с его личными планами восстановления промыслов.

— Пусть мы в течение двадцати — тридцати лет будем отдавать концессионеру нефть с одной четверти нефтяных площадей, зато на двух четвертях — три четверти недостижимый удел! — мы подтянем свою технику до современного уровня, догоним, а затем и перегоним современный передовой капитализм! Это, так сказать, дальний прицел. А сиюминутная выгода в том, что концессионер сразу же привозит оборудование, хлеб, одежду и прочие предметы потребления рабочим «своих» предприятий. Всякий привоз из-за границы дает нам такого же продукта, скажем, один из трех ящиков. И мы подкармливаем наших рабочих и спецов. Концессионер получает пятьдесят, семьдесят пять процентов добытой нефти, остальное — наше. Экономическая выгода очевидна!

Серебровский не мог не отдать должное грандиозности ленинского плана, и все же...

— Владимир Ильич, а не проще ли ту нефть, что мы будем отдавать концессионеру, реализовать за границей и на вырученную валюту купить там все необходимое? Тогда мы сами, своими силами наладили бы нефтепромышленность. Если бы Нефтеком получил право самостоятельной торговли...

Ленин поднялся, прошел за свой стол.

— Я не против самостоятельности Нефтекома. Всякое облегчение положения трудящихся имеет большое значение для нас. Вам, Кавказу, наладить «сожительство» и товарообмен с капиталистическим Западом быстрее и легче, нежели России. Но, батенька мой, ваше «сами сладим» — пустое доктринерство! С трудом сводя концы с концами, мы своими силами не сладим и в пять лет. Это потребует колоссальнейшего напряжения всех наших сил. Помимо экономической выгоды, концессии — наш тактический шаг, известный политический ход с целью затруднить империалистам создание единого блока против нас.

«Вот об этом я и не подумал...» — заметил про себя Серебровский.

— А найдем ли мы концессионеров?

— Наша цель — все усилия приложить, чтобы нашлись. Если не найдутся — тем хуже для нас. Пока же надо двинуть вопрос о концессиях.— И Ленин поручил Серебровскому представить подробный доклад о положении Бакинского нефтяного района...

Тогда же Серебровский встретился с З. Н. Доссером, пытался разузнать, в каких размерах предусматривается сдача бакинских площадей концессионерам. Зиновий Николаевич не стал вдаваться в подробности, сказал только:

— Польза привлечения концессионеров на промыслы проблематична.

От Доссера Серебровский поехал на Большую Калужскую, в Горную академию, где жил И. М. Губкин, председатель Главсланца и член коллегии Главнефти — он ведал приемкой и распределением нефти в Москве. Иван Михайлович встретил Серебровского как старого знакомого. Худой, затянутый в гимнастерку, в галифе и американских крагах, рано поседевший, скуластый, в очках с тонкой оправой, он больше напоминал армейского интенданта, нежели ученого-геолога. Буравя Серебровского острым взглядом, он начал как-то уклончиво:

— Разрешение этого вопроса зависит от общей нашей политической, международной ситуации, и мне на него отвечать довольно трудно.

— Иван Михайлович, вы знаете Бакинский нефтяной район как свои пять пальцев, исходили Апшерон вдоль и поперек. Как вы считаете, можно ли спасти нефтепромышленность от окончательной разрухи своими силами и средствами? — спросил Серебровский.

— В тринадцатом году, когда я впервые вступил на Апшерон, там эксплуатировалось три с половиной тысячи скважин, а сейчас?

— Меньше одной четверти,— кивнул Серебровский.

— То-то и оно! Если в самом срочном порядке не принять ряд мер, катастрофа неминуема! Однако надо ли для этого идти на поклон к концессионерам? Считаю, что две стороны промысловой работы, именно: бурение и эксплуатация скважин — не требуют вмешательства иностранного капитала, можно обойтись своими средствами, своим техническим персоналом, его у нас предостаточно. Здесь центр тяжести в плохом, неумелом использовании этих сил. В пылу политической борьбы мы всех техников и инженеров на промыслах загнали в щель, поставили их в невозможные условия для работы. По условиям быта мы должны их уравнять со специалистами, которых по договору концессионер привезет из-за границы.

— Полностью согласен с вами, Иван Михайлович,—

снова кивнул Серебровский.— Но ведь концессионер доставит из-за границы все необходимое оборудование и материалы, каких у нас нет.

— А вы купите у него! Продайте свою нефть за валюту, и купите все, что вам необходимо.

— Вот, вот! — Серебровский доволен, что мнение Губкина совпало с его мнением, высказанным В. И. Ленину...

...В первых числах февраля состоялось расширенное заседание ЦК партии Азербайджана и Азревкома с участием секретарей Бакинского городского и районных комитетов партии, руководителей Высшего экономсовета, Совнархоза и Нефтекома, президиума ЦК Союза горнорабочих, редакторов газет. Нариманов ознакомил собравшихся с постановлением Совнаркома по докладу о нефтяных концессиях от 1 февраля, в котором говорилось: «Одобрить в принципе выдачу нефтяных концессий в Грозном и в Баку и на других действующих промыслах и начать переговоры, ведя их ускоренно».

Каминский сообщил, что звонили из Москвы, просили заняться разъяснительной работой среди бакинских рабочих о значении концессий.

Вспомнилось, как бурно проходило это заседание, сколько споров было, сколько возражений. Но в конце концов приняли решение, обязывающее всех ответственных работников принять участие в разъяснительной кампании...

Серебровский вынул из ящика письмо, присланное Доссером накануне X съезда, и перечитал:

«Вы, конечно, уже осведомлены о постановлении СНК. Оно было принято вскоре после возвращения Ильича из Горок, из отпуска, хотя признаюсь, для меня понятия Ленин и отпуск — несовместимы. Видимо, проштудировав в Горках ваш печатный отчет «Положение нефтяной промышленности Бакинского района к концу 1920 г.» и крайне встревожившись этим положением, Ильич, имеющий обычай досконально изучать вопрос, запросил Л. Б. Красина, И. М. Губкина, нескольких спецов нашего главка и меня об опасности гибели нефтеносных площадей и о концессиях. Мое и И. М. мнение Вам известно, наши спецы допускают концессии, но оговаривают их такими условиями, на которые вряд ли найдутся охотники. Записки Л. Б. не читал, но мнение его знаю: даже при ассигновании 200—300 млн золотом трудно надеяться быстро закупить весьма разнообраз-

ный, в значительной степени американский материал. («Эх, дайте мне эти деньги и право самостоятельной закупки!..» — про себя подумал Серебровский.) Л. Б. считает, что положение нефтяной промышленности можно круто изменить посредством выдачи концессий при условии очень смелой и решительной концессионной политики, то есть предоставления нескольким соперничающим на мировом рынке синдикатам достаточно заманчивых площадей в добропорядочных частях Бакинского района... Все материалы Ильич направил членам Политбюро для ознакомления и решения вопроса на очередном заседании. Но предварительно состоялось совещание членов ЦК, созданное Ильичем, согласившимся с предложением Артема выслушать представителя бакинских рабочих. В качестве такого представителя выступил заместитель Артема по ЦК горнорабочих хорошо известный вам бывший бакинец М. Сапунов, который рьяно отстаивал возможность восстановления нефтяных промыслов без привлечения концессионеров... («Ай да Миша!».) Сапунов говорил мне, что его поддержали Бухарин, Томский и еще кто-то, запамятовал. Но вы же знаете, как умеет убеждать Владимир Ильич. Вспомните хотя бы историю заключения Брестского мира. Словом, и Политбюро и пленум ЦК большинством голосов приняли все-таки концессионный план, по которому в Бакинском районе намечается в концессионное пользование вся промысловая площадь Биби-Эйбата. Последнее слово за съездом...»

Серебровский сложил письмо, вместе с газетой сунул в ящик. «Значит, решено! Постановление съезда — закон. Ну что же, Биби-Эйбат — это только одна четверть Апшерона. Остаются старые и новые, перспективные площади Балаханов, Сабунчей, Раманов, Сураханов. Уж там-то мы докажем, что можем восстановить промыслы своими силами! Да, но для этого нам крайне необходимо право самостоятельной торговли на внешнем рынке...»

Вот такие невеселые мысли тревожили Серебровского. И только когда он прочел в газете речь В. И. Ленина, произнесенную при закрытии X съезда, несколько успокоился. Говоря о концессиях, Владимир Ильич признал, что у некоторых товарищей «осталось чувство недовольства или недоверия», что «разногласия были, было несколько голосований» и что «мы еще ни одного договора на концессии не заключили», а в другом мес-

те оговорил: «...если удастся ее осуществить...» Но порадовали Серебровского другие слова: «Вы читали в газете об открывающемся нефтепроводе Баку — Тифлис? Вы прочтете скоро о таком же нефтепроводе до Батума. Это даст возможность доступа к мировому рынку. Дело сводится к тому, чтобы улучшить наше экономическое положение, усилить техническое оборудование нашей республики, увеличить количество продуктов, количество предметов продовольствия и потребления для наших рабочих...» Вот, вот! Именно этого он, Серебровский, и добивается, для этого он и просит предоставить ему право самостоятельного выхода на мировой рынок. Значит, нечего ждать, когда чужой дядя привезет нам все необходимое, надо действовать и в первую очередь взять под личный контроль работы на нефтепроводе Баку — Батум!

Между тем в Баку продолжалась кампания по разъяснению концессионной политики. Вопрос широко обсуждался во всех районах на рабочих собраниях и конференциях. Серебровский присутствовал на многих из них: начальнику Нефтекома сам бог велел! И именно его послал Бакинский комитет партии на конференцию в Биби-Эйбат.

Собрания и конференции повсюду проходили остро. Но бибиэйбатцы были возбуждены особенно: ведь не куда-то там, а к ним, в их район, приедет «проклятый инглис»! Почему-то все были уверены, что концессионерами непременно окажутся недоброй памяти англичане. Оттого и говорили с таким жаром ораторы:

— Мы три года воевали с капиталистической буржуазией, почему же нам теперь предлагают опять идти сдаться на милость английских капиталистов?

— Я не понимаю, ЧК куда смотрит? Недавно ездил в город. Зашел на Парапет, теперь так сад Карла Маркса называется, там ему памятник поставили. А возле памятника сидят сытые буржуи из кафе «Париж» и радуются, что скоро англичане вернутся.

— Мне жалко каждую доску, каждую каплю нефти. Но другого выхода сейчас нет, товарищи, иначе мы погибнем.

— Лучше с честью погибнуть, как коммунисты, чем сдаться на милость англичанам!..

Речь Серебровского слушали с большим интересом: он умел превращать свои выступления в живые беседы, вовлекать в них всех участников собрания.

— Сколько нефти добывали вы, бибиэйбатцы, в четырнадцатом году? — спросил он притихший зал.

— Откуда мы знаем, ай начальник?

— Семь с половиной миллионов пудов в месяц,— сам же и ответил он.— А теперь сколько добываете?

— Два миллиона.

— Да вряд ли!

— Два миллиона,— подтвердил Серебровский.— Остальные пять с половиной миллионов остаются в скважинах, а это приводит к их обводнению и гибели промыслов. Мы отдадим Биби-Эйбат на концессию только при условии достижения концессионерами прежней добычи с уплатой нам одной трети, то есть двух с половиной миллионов пудов. Как видите, выгода явная.

— Как у нас в пословице говорится,— отозвался пожилой рабочий.— Не месила, не пекла, сдобный пирожок нашла.

— Нам пирожок, ему пирог? — съязвил кто-то другой.

— Кроме «пирожка»,— продолжал Серебровский,— то есть кроме дополнительных полмиллиона пудов нефти мы получим машины, освободимся от обязанности снабжать рабочих концессионных предприятий, значит, остальных рабочих сможем кормить лучше.

— Хорошо, а не перейдут ли все нужные нам квалифицированные рабочие и спецы на промыслы концессионеров, у них-то условия жизни будут лучше? — спросил один из завкомов.

— Без разрешения профсоюзов ни один рабочий, ни один специалист не может уйти с промысла. Во-вторых, как я уже сказал, мы постараемся сделать наши условия не хуже концессионных.

— А если господа капиталисты вздумают заниматься политической работой?

— Для этого у нас есть Старо-Полицейская улица,— смеясь, ответил Серебровский и развернул записку, поданную из зала. Улыбка сошла с его лица.

— Тут поступила записка,— обратился он к залу.— Я прочту ее: «Эсеры и меньшевики, когда пригласили в восемнадцатом году англичан, были в таком же тяжелом положении, как теперь коммунисты. Почему же те предатели, а коммунисты нет? Какая разница между приходом англичан и теперешней сдачей концессий?»

— Кто писал? Автор кто? — зашумели в зале.

— Автор не подписался. Но кто бы он ни был, я от-

вечу ему: разница та, что в восемнадцатом году англичане пришли с пулеметами и пушками, как завоеватели, и установили свою капиталистическую власть. Не часть промыслов, и не на время, и не на выгодных для рабочих условиях, а все промыслы взяли они и вернули их целиком старым владельцам, «наградили» рабочих расстрелами, арестами, разгонами Советов. Теперь же рабочая власть заключает на выгодных для себя условиях торговую сделку с капиталистами. Мы хозяева, а они всего лишь арендаторы! — заключил Серебровский под аплодисменты.

За резолюцию, одобряющую концессию на Биби-Эйбате, голосовало большинство участников совещания...

В. И. Ленин внимательно следил за реакцией бакинцев на постановление правительства о концессиях. 11 апреля на заседании коммунистической фракции ВЦСПС он с досадой скажет:

«Товарищи! Вопрос о концессиях вызвал у нас разногласия довольно неожиданные... Некоторые бакинские товарищи не хотели примириться с мыслью о том, что и для Баку, может быть в особенности для Баку, концессии необходимы... Доводы были чрезвычайно разнообразны, начиная с того довода, что мы, мол, сами «исследуем», зачем нам иностранцев звать, продолжая тем, что старые, испытанные в борьбе с капиталистами рабочие не потерпят того, чтобы идти назад под ярмо капиталистов и т. п.».

В этих словах Серебровскому послышался упрек в свой адрес.

«Март пройдет — беда минует»,— говорят бакинцы. Не оттого ли, что март — самый ветреный месяц в городе ветров Баку? Кажется, будто зима, по-весеннему погожая в январе, вдруг спохватилась и пытается наверстать упущенное, проявить свой лютый норов, затянуть солнце тучами, сломить голые ветви деревьев, выдуть с улиц еще робкое, теплое дыхание весны. Неуютно и тревожно на сердце от его беспрерывного завывания.

Но весна берет свое. 22 марта, в день весеннего равноденствия, бакинцы праздновали новруз байрам — праздник весны, начало нового года по мусульманскому календарю. И пусть еще не пробились клейкие листочки из набухших почек — в каждом доме радовали глаз «сэмэни», яркие, зеленые пучки травы, взращенной из зерен пшеницы на тарелках и блюдечках.

Мирза Давуд Гусейнов, у которого в праздничную ночь гостили Серебровские, говорил, что в прежние времена в этот день даже самые несостоятельные семьи готовили плов, пскли шекер-буру, пахлаву и прочие восточные сладости. Анна Ивановна искренне нахваливала хозяйку: «Какая вкуснотища! Никогда не ела такого! Эти пирожки миндалем начинены?.. Ах, фисташками! Вы сами пекли их». Александр Павлович тоже похваливал, но на душе у него было и тревожно — от завывания ветра ли? Не выходил из памяти пожилой тартальщик, которого он видел утром. Тартальщик сидел в холодном бараке на нарах, обхватив руками колени и положив на них голову.

— Гулам Али, почему не вышел на работу? — спросил Серебровский.

Тартальщик выставил босую ногу, черную от нефти и грязи.

— Агаи начальник, как пойдем? Ботинка совсем нет...

«Сколько таких разутых и раздетых! — с горечью подумал Серебровский.— Вдобавок ко всему мы еще сократили и хлебный паек...»

Он знал, что эта вынужденная мера вызвала недовольство и раздражение рабочих. В Сураханах уста Пири недавно рассказывал ему, что с трудом удержал рабочих своей буровой партии, заявивших об уходе с промыслов.

— Ропщут люди,— рассказывал уста,— нехорошие слова говорят. Однажды я невольно подслушал такой разговор. Один тартальщик жаловался собеседнику: «Раньше мы ишачили на хозяина за кусок хлеба, теперь ишачим на большевиков задарма». Собеседник ему: «А киши, потерпи немного. Большевики сами поняли, что не могут управлять. Не слышал разве, англичан зовут».— «Значит, опять мусават придет?» — «Точно не могу сказать, кажется, Советы останутся, только без большевиков». Я подошел к нему: «Ай сукин ты сын!..» — ну и высказался.

Такие настроения беспокоили и настораживали Серебровского, он понимал, откуда «ветер дует». С конца прошлого года по России прокатилась волна крестьянских выступлений. Мятежи на Тамбовщине, на Украине, на Северном Кавказе, в Кронштадте. Мятежники требовали: «Долой продразверстку!», «Да здравствует свободная торговля!», «Советы без большевиков!»...

...Март пройдет — беда минует. Беда пришла в самом конце марта. В тот день, поездив по промыслам Биби-Эйбата, Серебровский ровно в девять вошел в свой кабинет. Не успел он снять шинель, как ворвался Рустамбеков, Серебровский никогда не видел возбужденным этого корректного и выдержанного человека.

— Александр Павлович, в Балаханах забастовка!

— Что-о?!

— Звонил Костя Румянцев. Промыслы стоят!

— Дождались! — Серебровский нажал кнопку звонка, бросил вошедшему помощнику: — Машину! — И Рустамбекову: — В ЦК сообщили?

— Нет пока, только в Союз горняков, Никишину.

Серебровский поднял трубку, назвал номер ЦК.

— Товарищ Сухулла... Да? Кто вам сообщил?.. Румянцев?.. Да, да, немедленно... непременно! — Положил трубку.— Одевайтесь, Фатуллабек, едем!

Усевшись в машину, бросил шоферу:

— Гасан, гони в Балаханы!

Встречный колючий ветер сек лицо. Вобрав голову в воротник шинели, Серебровский всю дорогу хмуро молчал, погруженный в свои невеселые размышления. Какая ирония судьбы, думал он, оказаться в положении тех, против которых когда-то здесь, на промыслах, он поднимал рабочих на забастовки. Конечно, нет ничего общего между революционными выступлениями сознательных рабочих, боровшихся за свои политические права и свободу, и нынешней массой малосознательных людей, доведенных до отчаяния голодом и трудностями быта, подбиваемых затаившимися врагами. Но факт остается фактом — рабочие бастуют, промыслы стоят... Сколько сил и труда положили, чтобы спасти их от гибели и что ж, теперь все пойдет прахом? Ну нет, не бывать этому! И хотя машина неслась на третьей скорости, ему казалось, что они еле тащатся.

Перед невзрачным зданием управления Сабунчинского нефтепромыслового района гудела многоголосая толпа. Она плотно придвинулась к крыльцу, на котором стоял управляющий Константин Румянцев. (Выдвинутый на этот пост, он сумел в короткий срок навести порядок в своем хозяйстве, вывести его в число передовых.) Рядом с ним стояли работники управления, а позади — два милиционера, беспокойно поглядывали на рабочих.

— Здравствуй, Костя! Что происходит?

— Балаханы парализованы полностью. Рабочие требуют расчета. В Сабунчах встали уже два промысла. Разгорается буза...

В беспорядочных, нервозных выкриках Серебровский услышал свою фамилию, спросил Рустамбекова:

— Что они говорят?

— Спрашивают: Серебровский привез хлеб? Или опять байками кормить будет?

— Переводите! — Серебровский подошел к краю крыльца.— Товарищи! Хлеба я не привез. И завтра не обещаю. Из-за сильных снежных заносов и по разным другим причинам — мы их непременно выясним и устраним — из Ростова и Петровска который день не прибывает ни одного эшелона. Из-за этого правительство было вынуждено временно сократить хлебный паек. Но вы знали дни и потруднее сегодняшнего, и выстояли! Вы знаете, что партия делает все возможное для улучшения положения трудящихся. Но улучшение жизни в немалой степени в ваших собственных руках. Чем больше вы добудете нефти, тем больше мы сможем обменять ее на продукты и одежду. Понимаете ли вы, что, прекратив работу, вы обкрадываете самих себя? Кому это выгодно? Вам? Нет, тем, кто науськивает вас против Советской власти! Вы рубите сук, на котором сидите!..

— Аги начальник,— выступил вперед тартальщик Гулам Али, и Серебровский, вспомнив, невольно посмотрел на его ноги. Тот был обут в добротные английские ботинки армейского образца.— Ты говоришь, снег пошел, хлеб не пришел. Ну что ж, столько ждали, еще подождем. Ты говоришь, нефть тартай, мы тартаем, тартаем, а почему сами без керосина сидим, а?

Толпа загудела. Серебровский посмотрел недоуменно на Румянцева.

— Вчера мы провели ревизию на нефтескладе,— объяснил рабочим Румянцев.— Оказалось, там пристроились чужаки, они ваш керосин сплавляли частникам-хозяйчикам на дачи в Мардакяны и Бузовны. Завтра же вы получите всю норму керосина...

— А виновные пойдут под суд! — громко сказал Серебровский.— А норму хлеба постараемся возместить другими продуктами.

— Слышите, братья мусульмане? — обернулся к толпе Гулам Али.— Они дадут нам жмых, как будто мы скотина! — И толпа снова загудела, все заговорили сразу: кто гневно, кто иронически, кто возмущенно, а Гу-

лам Али обратился к Серебровскому: — Жмых себе оставь! А нам расчет давай! Домой пойдем, в Персию!

Кровь ударила в голову Серебровского.

— Гулам Али, я вижу, ты в новых ботинках. Кто прислал их тебе?

— Агаи консул прислал. В этот дорогой праздник новруз байрам он многим землякам подарки прислал: ботинка, рубашка, конфетка...

— Ах, подарки? — иронически протянул Серебровский.— И какую плату он потребовал взамен? Чтобы вы не работали на Советскую власть и вернулись в Персию? — Голос его становился все жестче.— Ну что ж, езжайте! Но я напоминаю, все рабочие считаются мобилизованными на действительную службу. Самовольное оставление работы будет рассматриваться как дезертирство с фронта! Но товарищей персов мы силой удерживать не станем. Кто желает уехать, пусть подает заявление, получает расчет и едет на законном основании. А до этого все должны вернуться на свои рабочие места!

Из конторы выглянула девушка:

— Товарищ Серебровский, к телефону вас!

Звонил М. Д. Гусейнов, просил срочно приехать в ЦК.

Серебровский поручил Румянцеву вывести на промыслы весь технический и административный персонал, чтобы не простаивали самые продуктивные скважины; мобилизовать всех коммунистов для агитации среди бастующих; усилить охрану продовольственных складов и промыслов, особенно в ночное время. Рустамбекову велел остаться в Сабунчах, держать его в курсе событий.

Толпа перед зданием управления не расходилась...

Машина остановилась на Николаевской улице, перед красивым стилизованным зданием, бывшим доходным домом домовладельца Садыхова, в котором теперь разместились Центральный и Бакинский комитеты компартии Азербайджана. Серебровский поднялся на третий этаж. В кабинете первого секретаря ЦК партии собрались члены Политбюро и Оргбюро, другие приглашенные товарищи. Каминский еще не вернулся из Москвы и заседание вел Нариманов.

Серебровский и наркомвнутдел Гамид Султанов доложили обо всем, что удалось уточнить к тому часу: причины забастовки, ее размах, требования бастующих.

Было принято постановление, которое определило первоочередные задачи.

Рухулле Ахундову поручили написать воззвание Азревкома ко всем рабочим Баку, в котором следовало разъяснить контрреволюционную суть забастовки, предупредить бастующих, что те из них, кто на следующий день со дня опубликования воззвания до трех часов не приступит к работе, будут лишены пайка из столовых; все члены ЦК должны были срочно разъехаться по районам, чтобы предотвратить распространение забастовки; Мирзе Давуду Гусейнову поручили пригласить в Наркоминдел персидского консула и заявить ему протест и потребовать прекратить всякую агитацию среди персидских рабочих; наркомвнутдел Гамиду Султанову и ЧК никаких арестов не производить, усилить охрану промыслов и продовольственных складов; держать в готовности милицию; то же — наркомвоенмору Али Гейдару Караеву; наркомпрод Газанфар Мусабеков и Серебровский срочно должны были изыскать хлеб из любых других фондов. Бакинскому и районным комитетам партии поручалось провести партийную мобилизацию среди коммунистов городских предприятий и учреждений для работы на нефтепромыслах. Словом, все руководство республики, весь партийный актив были подняты на ноги, чтобы не дать перерасти голодному бунту в кровопролитный мятеж.

Стали расходиться. Высокий, на целую голову выше всех остальных, отчего имел привычку сутулиться, Али Гейдар Караев отвел Серебровского в сторону.

— Александр Павлович, попытайтесь одолжить хлеб у Упродарма-11. По моим сведениям, они недавно получили два маршрута.

— Думаете, дадут?

— Нам с вами не дадут, им самим не хватает. Но если Серго распорядится — могут дать.

— Попытка не пытка,— согласился Серебровский.

В тот же час он передал по прямому проводу в Тифлис:

«Срочно передайте тов. Орджоникидзе, что Центральный Комитет АКП просит разрешения Упродарму-11 выдать Азнаркомпроду для снабжения бакинских рабочих взаимообразно пятьдесят тысяч пудов муки. Запасов Азнаркомпрода и поступлений из Петровска нет».

Орджоникидзе, извещенный о «скандальчике», как он иронически называл бакинскую забастовку,— положение в Грузии и Армении в это время было куда серьезнее! — договорился с армейским командованием об отправке

хлеба, а бакинцев просил регулярно сообщать ему о ходе дел.

6 апреля Орджоникидзе набросал текст телеграммы. Она была адресована в Ростов, уполномоченному Наркомпрода Фрумкину, а копия — в Москву, В. И. Ленину. Сообщая, что забастовка была вызвана исключительно сокращением хлебного пайка, он предупреждал: «...должен сознаться, что мы бессильны, и, если положение не будет заметно улучшено, забастовка неизбежна еще в большем размере...»

Так уж было принято в те годы: кто бы ни телеграфировал в центр, наркомам или иным ответработникам, о чем бы ни просил: о хлебе или о мануфактуре,— еще одну телеграмму непременно адресовали В. И. Ленину, ибо знали, что Владимир Ильич не даст увязнуть просьбе в бюрократической трясине.

Так было и в этот раз.

7 апреля В. И. Ленин, получив телеграмму Орджоникидзе, написал на ней: «т. Халатов! Прочтите и верните с отзывом. Нельзя ли что сделать? Поговорите по прямому проводу с Фрумкиным». 9 апреля В. И. Ленин телеграфировал Орджоникидзе: «Получил Вашу шифровку об отчаянном продовольственном положении Закавказья. Мы приняли ряд мер». 12 апреля, ознакомившись с ответом Фрумкина на запрос Халатова, остался недоволен им: «...считаю ответ, данный Вами НР 4960/Р, недостаточным... Отправленное Азербайджану совершенно недостаточно, необходимо учитывать исключительную важность Азербайджана, во что бы то ни стало удовлетворить потребность полностью». 15 апреля снова телеграфирует Фрумкину: «Несмотря на Вашу № 4960/Р, в центр продолжают поступать сведения из различных источников: из Тифлиса от Орджоникидзе, из Баку от азнаркомпрода Мусабекова о недостаточно принимаемых мерах для обеспечения продовольствием Баку, что грозит в дальнейшем осложнениями... Примите решительные меры к снабжению Баку...»

Все это время В. И. Ленин держал вопрос на контроле. Даже после того, как 20 апреля наркомпрод известил Нариманова и Мусабекова, что из закупленных за границей 250 тысяч пудов муки для рабочих-нефтяников будет выделено 150 тысяч пудов, 27 мая Ленин пишет И. Т. Смилге: «И в прессе и в сообщениях с мест все учащаются известия об ухудшении дела в Баку.

Необходимо усилить внимание и заботу о Баку.

Прошу внести в *СТО* программу систематических мер помощи Баку с привлечением заграничных закупок».

Ну а пока хлеба в Баку не было, опасность вспышки новой забастовки не исключалась. Промыслы работали, но волнение не унималось. Так, еще долго разбегаются круги на воде, в которую бросишь камень. Чтобы предотвратить возможный повтор, Баксовет в «Обращении ко всем рабочим Баку и его районов» разъяснил цели минувшей забастовки. ЧК опубликовала приказ № 13, в котором призывала рабочих «не поддаваться гнусной агитации антисоветских агентов, имеющих конечной своей целью возврат к недавно сброшенным цепям и рабству»...

Да, дорого, ой как дорого обошлась Нефтекому эта забастовка, сколько огорчений и хлопот доставила она Серебровскому! Горько было ему и за тартальщиков-персов, за того же Гулам Али, обманутых, легко поддавшихся на провокацию, и за каждый пуд нефти, не вычерпанный из пластов. И это в то время, когда в Питере из-за недостатка топлива закрылись десятки предприятий, в том числе его родной Путиловский...

Забрызганная грязью машина Серебровского носилась по промысловым дорогам, в распахнутой шинели, чуть припадая на левую ногу, он стремительно появлялся то в бараках рабочих, то у скважин, то у продовольственных складов, то на заседаниях и совещаниях. Домой возвращался далеко за полночь и, едва коснувшись головой подушки, засыпал. Анна Ивановна, ожидавшая его возвращения, садилась рядом, гладила его волосы и с грустью замечала в них серебряные нити. «Саша, а ты седеешь»,— говорила она.

Да и сама она постоянно тревожилась за мужа: время неспокойное.

Однажды, насилу дождавшись его, встревоженно сообщила:

— Ой, Саша, у нас в доме такое несчастье!

— Что случилось? — забеспокоился он.

— Ты знал Владимира Петровича? Сосед наш, он еще всегда ездил на пролетке...

— Лукьянов? Ну как же, главный межевой инженер Наркомзема... А что с ним стряслось?

— Отравили! Позавчера поехал по селам распределять землю, а сегодня привезли труп... Такое горе!.. Что теперь станет с его дочкой?

— Он был вдов?

— Нет, но жена с сыном живут в Тифлисе...
— Так возьмет и дочь.
— Легко сказать! Она в армии, медсестрой служит... А девочка такая бойкая, такая шустрая.
— Шустрая? — Серебровский вспомнил: однажды он стоял в подъезде, ждал, когда спустится жена. Вдруг по перилам на животе съехала девочка-подросток со школьной сумкой, налетела на него, чуть не сшибла с ног. Озорно смеясь, извинилась и убежала.— Кажется, я видел ее.
— Если б не мое нездоровье...— с досадой сказала Анна Ивановна, и Серебровский понял, о чем она подумала.
...Хлопот у Серебровского прибавилось и в связи с подготовкой к открытию навигации. Как на беду она совпала с тревожными днями забастовки. Отправку первого каравана судов с нефтепродуктами в Астрахань решено было провести торжественно, превратив ее в революционный праздник дружбы Азербайджана и России. Серебровский контролировал готовность танкеров, обеспечение команд продовольствием, ход налива судов нефтепродуктами... всего и не перечислишь. За день до торжеств поместил в газете «Коммунист» информацию:
«Объявляется всем морякам Каспийского флота нижеследующий приказ тов. Караева от 3 апреля, за № 133.
§ 1. В связи с предстоящим открытием навигации распространить ношение красноармейского знака на головном уборе на всех моряков нефтефлота, так как по роду своей службы они находятся на военном положении...
Значки товарищи моряки могут получить в Союзе водников.
Комиссар флота Серебровский».
...5 апреля. Петровская площадь, сегодня здесь людно и празднично. Четко выстроились шеренги красноармейцев и матросов, гремят оркестры, с флагами и лозунгами подходят и подходят делегации рабочих из всех нефтепромысловых и заводских районов. У многих в руках свежий номер газеты «Коммунист» с призывом: «Команда Нефтефлота, за работу! Качайте нефть в очаг мировой революции!» и со статьей Серебровского «Задачи Нефтефлота».
А вот и он сам, с красным бантом на шинели, возле трибуны, среди членов правительства. Кожаная фуражка с красной звездой сдвинута на затылок, лицо улыбчивое.

Легко и радостно у него на душе и оттого, что кончилась наконец забастовка, и оттого, что пойдут в Россию первые в этом году три с половиной миллиона пудов нефти.

Нариман Нариманов произнес краткую речь и объявил навигацию открытой. Оркестр грянул «Интернационал». Прогремели залпы орудийного салюта, и первые три танкера, украшенные флагами, отчалили от Петровской пристани, чтобы, пройдя в створе двух крейсеров, стоявших в бухте в почетном карауле, взять курс на север.

Митинг продолжался. Слово предоставили Серебровскому. Он прочел телеграмму, полученную накануне от Владимира Ильича:

«Получил Ваше сообщение об открытии навигации 5/IV. Прошу передать мое приветствие Нефтефлоту. Предсовнаркома Ленин».

Серебровский напомнил, что в прошлом году в Советскую Россию было вывезено разными путями сто шестьдесят миллионов пудов нефти, а в этом — только морем, учитывая приемную способность Волги, предстоит перевезти сто шестьдесят четыре миллиона пятьсот тысяч пудов. «Наши славные красные водники легко могут справиться с этой задачей!» — закончил он под аплодисменты. И снова орудийный залп. И еще несколько танкеров направились в створ между крейсерами.

Двадцать шесть залпов — в память о 26 бакинских комиссарах — прогремели один за другим, провожая караван из тридцати трех судов...

В тот же день наркоминдел М. Д. Гусейнов в присущем ему высоком стиле восторженно радировал об этом В. И. Ленину, а копии разослал, по его собственному выражению, «по всему миру»: и в Москву, и в Тифлис, и в Эривань, и в Петровск...

«ДЖОРДЖИЯ» ИДЕТ В КОНСТАНТИНОПОЛЬ

Косые лучи солнечного света, пробивавшиеся сквозь деревянную обшивку, едва высвечивали в сумеречной буровой фигуры рабочих, устанавливавших над устьем скважины круглую и ровную, как стол, стальную плиту — ротор станка вращательного бурения. Наравне с рабочими трудился буровой мастер уста Пири и еще кто-то.

Войдя со света, Серебровский не сразу узнал инженера Джеваншира, импозантного мужчину с тоненькой щеточкой усов и благородной сединой на висках. Джеваншир считался лучшим специалистом по бурению, еще в 1910 году он одним из первых на Апшероне пробурил скважину вращательным способом.

— Ну как, ладится дело? — поздоровавшись, спросил Серебровский.

Вытирая руки ветошью, инженер и уста Пири подошли поближе, а рабочие уселись на краю ротора, передохнуть.

— А! — презрительно махнул рукой уста Пири и не без доли шутки сказал: — То ли дело наш старый дедовский метод. Долби долотом землю, пока не доберешься до нефти. А этот...— он оглянулся на ротор и несколько труб, подвешенных под вышкой.— С ним хлопот не оберешься.

— Такому станку место на свалке,— поддержал Джеваншир.— Столько лет ржавел под открытым небом.

— Бедные ребята еле дотащили его, ни арбы, ни машины не нашли. А зачем тащили, спрашивается? — развел руками уста Пири.— Вот скоро приедут англичане, привезут новые станки.

— Что вы все заладили: «англичане, англичане»? — перебил Серебровский.— Будь у нас их станки и машины, вы бы еще их самих поучили кое-чему.

— Это само собой,— с достоинством ответил уста Пири.

— Ну а с тем делом так ничего и не получилось? — спросил Джеваншир.

Осенью 1920 года Орджоникидзе поставил на Кавбюро вопрос о переходе с «варварского», ручного способа бурения на вращательное. Кавбюро решило испросить у правительства валюту и командировать Джеваншира в Германию и Америку для закупки оборудования. Но валюту не дали, потом все внимание переключилось на вопрос о концессиях и разговор о поездке Джеваншира заглох.

— Пока нет,— сказал Серебровский.— Вот если нам разрешат торговать нефтью за границей...

Словно в воду глядел! Едва он приехал с промысла в Нефтеком, явился курьер фельдсвязи и вручил ему под расписку большой пакет с сургучными печатями. Серебровский извлек из него плотные листы бумаги. Это были письмо Ленина и типовой концессионный договор, утвер-

жденный Совнаркомом РСФСР. Серебровский заволновался: никогда еще он не получал от Ленина такого пространного письма. Он торопливо заскользил глазами по строчкам, потом принялся медленно перечитывать, вдумываясь в каждое предложение:

«2.IV.1921 г.

т. Серебровский!

Посылаю Вам некоторые материалы по нефтяным концессиям. Хотел послать это с т. Каминским, но его, к сожалению, из-за тяжелой болезни пришлось лечить здесь.

Крайне важно, чтобы бакинские товарищи усвоили *правильный* (и одобренный X партсъездом, т. е. *обязательный* для членов партии) взгляд на концессии. Архижелательно $^1/_4$ Баку (а то и $^2/_4$) сдать концессионерам (на условиях помощи из-за границы и продовольствием и оборудованием *сверх* размеров, необходимых для концессионера *)». (Дочитав до знака сноски, Серебровский перевел взгляд в конец письма, где Ленин приписал: «От Красина вчера имел телеграмму в ответ на посланные ему проекты концессионных условий: «в основном приемлемо». А Красин *знает* дело не из коммунистических брошюрок!») «*Только* тогда есть надежда на остальных $^3/_4$ (или $^2/_4$) *догнать* (а затем и обогнать) современный передовой капитализм,— вернулся к основному тексту Серебровский.— Всякий иной взгляд сводится к вреднейшему «шапками закидаем», «сами сладим» и т. п. вздору, который тем опаснее, чем чаще прячется в «чисто коммунистические» наряды.

Если у Вас в Баку есть еще следы (хотя бы даже малые) этих вреднейших взглядов и предрассудков (среди рабочих и среди интеллигентов), пишите мне тотчас: беретесь ли сами вполне разбить эти предрассудки и добиться *лояльнейшего* проведения решения съезда (за концессии) или нужна моя помощь. Зарубите себе и всем на носу: «архижелательны концессии. Нет ничего вреднее и гибельнее для коммунизма, как коммунистическое самохвальство — сами сладим».

Теперь, когда есть Батум, надо изо всех сил налечь на быстрейший обмен нефти и керосина за границей на оборудование».— Серебровский подчеркнул эту фразу, подумав про себя: «Да мы хоть сегодня начнем торговать», и чуть не привскочил от радости, прочитав дальше: «Известная самостоятельность нужна для этого Бакинскому району. Если не имеете ее, телеграфируйте точно, мы вам ее дадим.

Формулируйте точные предложения — шлите их в СТО телеграфом и почтой. Необходим областной хозяйственный центр, отвечающий за Баку+Батум и т. п., ведущий дело самостоятельно, быстро, без волокиты.

Мы отсюда вам не поможем, мы сами бедны. Вы должны нам помочь, покупая из-за границы все нужное в обмен на нефть и ее продукты».

«Ну, кажется, вопрос на мази!» — Серебровского охватило знакомое с юности состояние радостного волнения, хотелось немедленно, сию же минуту взяться за новое дело. Но с чего начать? Надо посоветоваться с товарищами. Позвонил Нариманову, в ЦК, поехал в Высший экономсовет к Гусейнову.

— Ответил Ильичу? — спросил Мирза Давуд, прочитав письмо.

— Нет пока.

— Напиши. И мы со своей стороны поддержим твое предложение. Когда СТО решит вопрос, пошлем за границу торговую миссию.

— Как раз сегодня говорил с Джеванширом.

— А пока суд да дело, не теряй времени, поезжай в Батум, посмотри, что там можно купить у иностранцев.

— Да, да, в Батум ехать надо как можно скорее, национализировать все тамошние нефтесклады.

— Ну, это аджарцы и без тебя сделают,— перебил Гусейнов.

— Вот это-то и плохо! Нефть — наша, склады — их.

— Ильич не зря требует создать единый областной хозяйственный центр. Вот создадим его, и все будет общим.

— Все равно, Азнефтеком должен иметь в Батуме свое отделение, свои склады. Сегодня поговорю с Серго.

— Не надо, завтра он будет в Баку, примет участие в работе нашей конференции.

Орджоникидзе приехал один. И первым делом спросил Серебровского о письме Ленина. Оказывается, накануне Владимир Ильич телеграфировал ему о концессиях в Грузии и рекомендовал: «Прочтите мое письмо Серебровскому в Баку».

— Непременно зачитай на конференции,— посоветовал Орджоникидзе, познакомившись с текстом.

Конференция приняла решение, удовлетворявшее и сторонников концессий, и сторонников «сами сладим».

«Политику возрождения нефтепромыслов, ввиду угрожающего нефтяным пластам обводнения, путем отдачи

концессии на нефть,— всемерно поддержать всем авторитетом партии»,— говорилось в резолюции, и в то же время: «Напрячь все силы для максимального товарообмена с Западной Европой через Константинополь для получения технических материалов и оборудования для промыслов». И даже больше: «Считать нужным предоставление Нефтекому широких прав в самостоятельном товарообмене, а также самостоятельности в общей экономической системе государства и инициативы в работах, направленных к обеспечению и укреплению нефтепромышленности».

В составлении этой резолюции активное участие принял Серебровский, настойчиво продвигал меры, предлагаемые Нефтекомом. Он не сомневался, что это решение подкрепит его просьбу, изложенную в телеграмме В. И. Ленину: «Прислать формальное признание известной самостоятельности Нефтекома обменивать в Персии, Туркестане и Европе нефтепродукты на предметы оборудования и снабжения рабочих одеждой и продовольствием».

Ознакомившись с телеграммой, В. И. Ленин 18 апреля обратился к А. И. Рыкову, В. П. Милютину и А. М. Лежаве: «Прошу дать Ваше заключение и согласованный проект постановления к завтрашнему заседанию Совнаркома». 19 апреля Совнарком создал комиссию для выработки постановления о расширении компетенции Нефтекома.

Тем временем Серебровский отправил в Батум эшелон с нефтепродуктами и выехал сам. Жене обещал вернуться через неделю.

Он был в Батуме семь лет назад, проездом, направляясь в Карс для прохождения солдатской службы. Как ему показалось, здесь мало что изменилось. Вдоль уютных, ровных улиц все так же росли пальмы и кипарисы, напоминавшие театральную декорацию. Влажный воздух был настоян на запахах моря, магнолий и турецкого кофе. Разве что меньше стало в порту кораблей с флагами чужедальных стран.

В Батуме до революции самые большие нефтяные склады принадлежали Нобелю, Ротшильду и Манташеву. Теперь склады перешли в распоряжение Аджарского Совнархоза, который возглавлял товарищ Певцов. А тот и слышать не хотел о передаче даже части складов кому бы то ни было. Но мандат, подписанный В. И. Лениным, произвел на него магическое действие, и он согласился пе-

редать Азнефтекому самый большой нобелевский склад со всеми резервуарами, инвентарем и обслуживающим персоналом. Серебровский довольствовался и этим, твердо решив в будущем заполучить все остальные нобелевские склады.

Складом продолжал управлять земляк братьев миллионеров Тайхлер, он же исполнял обязанности и шведского консула. Приняв склад, Серебровский провел небольшую реорганизацию: управляющим назначил инженера Каменцева, Тайхлер стал его заместителем, а комиссаром — была и такая должность — назначил коммуниста со странной фамилией Ика. Поставил перед ними задачу: перекачать нефтепродукты в резервуары, найти на них покупателя, а для Нефтекома — материалы и оборудование. Покупатели и материалы нашлись, но спрос был на небольшие партии нефтепродуктов, а материалов оказалось слишком мало. Конечно, Серебровский не стал отказываться от сделок, купил все, что было. Но он мечтал о широком размахе торговли, о выходе бакинской нефти на мировой рынок.

— Тогда вам надо ехать в Константинополь,— посоветовал Каменцев.— Там рынок ломится от дешевых товаров.

— У нас же нет дипломатических отношений,— напомнил Серебровский.— Где я возьму заграничный паспорт? Кто даст мне визу?

— А Тайхлер? — лукаво усмехнулся Каменцев.— Вы забыли, что наш сослуживец Тайхлер консул Швеции?

— Вы думаете?.. А ведь и в самом деле! — загорелся Серебровский.

Он немедленно связался с Баку, получил добро. Когда все подготовительные работы были завершены, телеграфировал В. И. Ленину:

«Прибыли Батум маршрутом маслом бензином и другим тарным грузом, зафрахтовали пароход «Джорджия» и завтра едем в Константинополь, где нас ожидают с серьезными предложениями... Перспективы товарообмена с Европой на нефть весьма серьезны, поэтому прошу Ваших указаний Внешторгу Грузии, чтобы он помогал нам и не задерживал бы наших транзитных товаров как в Европу, так и на Баку. По приезде Стамбул сообщу о результатах».

23 апреля Серебровский в качестве «суперкарго», то есть уполномоченного при ценном грузе, поднялся на борт готового к отплытию итальянского парохода «Джорджия»

(«Грузия»). Уже начали подинимать трап, когда на причал прибежал человек в черной кожаиой куртке.

— Эй, иа «Джорджии»! — крикиул он, рупором приложив ладоии ко рту.— Товарнща Серебровского к проводу! Срочно!

«Ленин?» — мелькнуло в уме Серебровского. Ои выбежал на край трапа, уже зависшего над причалом, и спрыгнул.

— Эй, куда же вы? — крнкнули с палубы.

— Плывите, я догоню!

Сотруднкк морчека проводил Серебровского в аппаратную, к прямому проводу. Аппарат отстукнвал буквы на ползущей леите, а Серебровский чнтал:

«Здравствуй, товарищ Серебровскнй, у аппарата Орджоннкидзе. Ильич запрашивал меня, где ты, н на мой ответ, что в Батуме, спросил, как ндут дела, что тебе удалось».

«Зиачит, Ленни еще не получнл моей телеграммы»,— подумал Серебровскнй н ответнл:

— Здравствуй, товарнщ Серго... Пароход погрузили разлнчнымн смазочиымн маслامн. Думаю, в Коистаитинополе удастся произвестн хорошне операцин. Здесь, в Батуме, мы получнлн пять комплектов компрессоров, ннструмент, сталь, железо, электрнческне прииадлежиостн, но все в очеиь малом колнчестве, потому что иностранцы иичего ие везут в Батум. Нужио нам самнм взять быка за рога и открыть лавочку в Константнноиоле, там сейчас цеиы страшио упали, потому что иет спроса. Прошу тебя передать в Баку, чтобы кероснн качали прямо в Батум на склад Нефтекома, бывший Нобеля, и послалн бы машиниое цилнндрическое масло половниу в таре, половину в цистернах. Прошу тебя нажать иа иих, потому что в Коистаитниополе буду заключать сделкн в кредит н иужно иметь товар в Батуме, чтобы рассчитываться. Думаю, что сделаем большне дела. Какне будут твон распоряжеиня иа Констаитннополь?

На леите пополз ответ Орджоннкндзе:

«Как раз три часа иазад я говорнл с Гусейновым и предложил ему приступнть немедленно к перекачке керосина н отправнть в Константнноиоль комнссию для закупок. Тебя, прнзнаться, я побанвался отправлять, так как мы все опасаемся, как бы там тебя не сцапали. Но раз ты решнл, тебе вндией. Все, что ты требуешь, будет доставлено в Батум. Позондируй почву насчет марганца, икры, орехового дерева, табака, вообще развертывайся

по-американски. Сегодня мы решили окончательно практически осуществить объединение внешторгов. Считаешь ли ты нужным, чтобы вслед за тобой послать представителей трех республик? Константинопольский рынок надо использовать во всем объеме, кроме сырья можешь рассчитывать на полтора миллиона золотом, имеющиеся у меня».

Серебровский продиктовал:

— Пожалуйста, насчет меня не беспокойся, у меня хороший шведский паспорт, никто меня не сцапает, будут работать, как ты говоришь, в расчете, что Баку даст товару в достаточном количестве...

«Хорошо, ты не ответил, посылать ли представителей республик?»

— Когда я вернусь, скажу, как там дела и можно ли посылать официальных представителей от республик, а то как бы не вышибли оттуда. Пока, по-моему, лучше обождать до выяснения обстановки.

«Ну, больше вопросов не имею. Пожелаю полного успеха и скорого возвращения. Жму руку. Серго».

— Пожалуйста, передай товарищам привет и моей жене скажи, что я поехал в Константинополь. Твой Серебровский.

Юркий катер морчека нагнал «Джорджию», и Серебровский поднялся по веревочной лестнице на борт.

...В дверь каюты постучали. Юнга по-английски доложил, что капитан просит мистера пожаловать в кают-компанию. Серебровский надел полотняный пиджак и последовал за ним.

Тощий, черноглазый, сверкающий золотыми галунами капитан встретил его в дверях салона и торопливо, с жаром произнес по-итальянски длинную тираду и обернулся к смуглому человеку в штатском с усиками «а ля д'Артаньян», тот на ломаном русском языке:

— Мсье кепитейн приглашайт мсье рюски комиссар немножко кушаит.

— Мерси боку,— ответил Серебровский.

— О, вы говорите по-французски? — обрадовался француз и представился. Он оказался коммивояжером «Социете коммерциале индустриелле финансире пеур ла Руссие», что означало: «Торгово-промышленное и финансовое общество для России», а сокращенно «Сосифросс». Был в Батуме по делам фирмы и очень рад, что смог попасть на пароход, зафрахтованный мсье комиссаром.

— Вы везете для продажи бакинскую нефть? — спро-

сил француз.— Наша фирма будет рада оказать вам любую услугу, стоит только вам обратиться к мсье Катавас, главному директору константинопольской конторы «Сосифросса».

«Кажется, на ловца и зверь бежит»,— подумал Серебровский.

— Благодарю вас,— вежливо ответил он.

— Вы бывали в Константинополе? — спросил француз.

— Нет, впервые. Хотя наслышан.

— О, Константинополь! — затараторил капитан, жестикулируя и двигая всеми мускулами лица, а француз переводил:

— Капитан говорит, что Константинополь — это старый, изможденный развратник и мошенник... Там больше русских, нежели турков и греков... Живут они очень бедно и голодно...

— Трудная судьба выпала Константинополю,— продолжал француз, когда капитан умолк.— Три союзные державы-победительницы — Англия, Франция и Италия — буквально распяли его. Английский генерал Гаррингтон пытается бесконтрольно управлять Константинополем, хотя каждая из трех держав имеет там своего верховного комиссара, полицию и войска и суверенно правит городом понедельно,— помолчав, он добавил: — Мы прибываем в Константинополь в конце английской недели... Я советовал бы вам до начала французской недели не сходить на берег и не предъявлять товара к сдаче. Уверяю вас, бакинская нефть хорошо пошла бы во Франции.

«Опять о своем!» — ухмыльнулся Серебровский и спросил:

— Кто снабжает вас керосином?

— Керосин мы покупаем у «Стандарт ойл» и перепродаем мелким торговцам, работающим в распределительной сети на внутреннем рынке. А масла и другие нефтепродукты нам поставляет главным образом «Ройял Датч Шелл».

«Стало быть,— призадумался Серебровский,— если я продам нефть «Сосифроссу», то «Стандарт» и «Шелл» не только упустят лакомый кусок, но и лишатся монополии на французском рынке, а этого, конечно, они не захотят допустить и кинутся к нам, чтобы заполучить нашу нефть. И конечно, перегрызутся между собой. Ну что ж, так и сделаем. Впрочем, в одни руки отдавать не стоит, луч-

ше продать мелкими партиями нескольким небольшим фирмам, это еще больше раззадорит нефтяных китов...»

Француз выжидательно смотрел на Серебровского.

— Ну а что константинопольский рынок? Можно там приобрести промышленное оборудование?

— Все что угодно! — оживился француз.— Наша фирма является поставщиком военного ведомства, но оно, к сожалению, сократило закупки, и у нас скопилось множество товаров. Так что наша фирма готова в обмен на нефть...

— Благодарю вас, постараюсь воспользоваться услугами вашей фирмы. Капитан, спасибо за приглашение.

— О-о! — капитан произнес длиннющую фразу, но француз перевел ее кратко:

— Он рад...

...Впереди обозначилась земля, и «Джорджия» вошла между двумя маяками — Румелифенери и Анадолуфенери — в пролив Босфор, одно из чудес природы: справа по борту лежала Европа, слева — Азия. Пролив не велик, от Черного до Мраморного моря всего двадцать восемь километров. Вскоре показался Константинополь, единственный в мире город, расположенный на двух материках. «Джорджия» шла мимо живописной тесноты города с вычурными каменными громадами мечетей, подавляемыми тяжелым величием Айя Софии.

Пробравшись среди множества судов всех флагов, «Джорджия» пришвартовалась к пристани.

Как и советовал француз-коммивояжер, Серебровский не предъявил товар к сдаче. Офицер английской береговой службы долго рассматривал паспорт Серебровского, а таможенник предупредил, что обязан проверить груз. «Оружия и взрывчатки нет?» — справился он. Вместе с таможенниками пароход осмотрели агенты охранки, обеспокоенные прибытием комиссара из России. В каждом человеке из Совдепии им мерещился шпион. Серебровскому запретили спускаться на берег, пока он не предъявит товар к сдаче.

Оставшись на пароходе, Серебровский подолгу наблюдал шумную, пеструю, многоликую жизнь порта, особенно двухэтажного Галатского моста, соединяющего западную и восточную части европейской половины города (Эминеню и Бейоглу), разделенные заливом Золотой Рог. По верхнему ярусу моста, позванивая, громыхали трамваи, неслись авто, шли пешеходы. А на первом этаже располагались администрация и кассы пароходства,

перевозившего горожан через Босфор в азиатскую половину города (Ускюдар), где от вокзала Хайдарпаша начинается знаменитая Багдадская железная дорога.

На Галатском мосту толпились рыбаки, безработные и бездомные, просто зеваки. Со множества лодок, привязанных к мосту, продавали свежую или тут же зажаренную рыбу. Кто-то за небольшую плату демонстрировал дрессированных морских львов. Говорливая толчея на мосту не стихала до позднего вечера...

Через день началась неделя французского правления. В отличие от англичан, французские чиновники были вежливы и предупредительны, особенно после того, как осмотрели груз и узнали, что Серебровский намерен продать его французам. Таможенник обещал немедленно известить главного директора константинопольской конторы «Сосифросса». Но этого не пришлось делать: он явился сам.

— Катавас,— представился директор, улыбаясь, и сказал на чистом русском языке: — Очень рад, господин Серебровский. Я люблю Россию, служил у вас вице-консулом. («Везет мне на консулов!» — подумал Серебровский.) Мы с вами хорошо поладим. По рукам, как говорят русские... Но здесь вам неудобно жить. Прошу вас переехать в «Дарданеллы», первоклассный отель. Я заказал для вас номер.

Серебровский поблагодарил. Он был доволен, что директор «Сосифросса» первым нанес ему визит, ибо решил держать марку, никому не навязывать своего товара.

Срок фрахта истекал, и Серебровский, проследив за выгрузкой товара, на следующий день перебрался в гостиницу.

Обосновавшись, отправился с визитами к французскому, английскому и итальянскому верховным комиссарам, представился, рассказал о цели своего приезда. Против ожидания все они приняли его учтиво и предупредительно. Серебровский догадывался почему: каждый из них был связан с той или иной фирмой, получал с нее куш и видел в Серебровском возможного выгодного клиента «своей» фирмы.

Покончив с визитами, Серебровский отправился побродить по городу. Он прошелся по улицам со странными названиями Казанлы-Базанлы, Шашлы-Башлы, Биюк-Темрюк. Вышел на Пере, заполненную русскими беженцами (из «бывших»). Шел мимо ресторанов «Сарматов» и «Георгий Карпыч», «Кружок московских дам»

и «Киевский уголок», мимо русских чайных и публичных домов с зазывалами. Как-то странно и больно было слышать здесь, под чужим южным небом, русскую речь, нелепое «ваше благородие», обращенное к оборванцу в феске, торгующему с лотка, или вдруг вырвавшийся из кофейни залихватский звук трехрядки и отчаянный крик:

Матреха, брось свои замашки,
Скорей тангу со мной пляши...

...Весть о том, что русский привез нефтепродукты высокого качества на очень большую сумму и уже начал переговоры с французами, быстро распространилась среди деловых кругов Константинополя, и, как предполагал Серебровский, ему не стало покоя от посетителей. Агенты «Стандарт», «Шелл», итальянских, турецких и других помельче фирм добивались встречи с ним, предлагали условия сделки, одно выгоднее другого. Особенно старались, конечно, агенты «Стандарт» и «Шелл». Серебровский, разжигая их аппетит, показывал склянки с образцами нефтепродуктов, договаривался о ценах, но ничего определенного не говорил: не обнадеживал, но и не отказывал, просил повременить, дать ему возможность осмотреться, изучить конъюнктуру. От него уходили с надеждой, что удалось заполучить бакинскую нефть.

Каково же было их негодование, когда они узнали, что русский комиссар почти весь керосин и большую партию масел продал французам!

Первым к Серебровскому явился агент «Стандарт». Фирму никак не устраивала конкуренция бакинской нефти на французском рынке.

— Ай-яй-яй, мистер Серебровский, что ж вы наделали, а? — смеясь, укоризненно покачал он головой.— Связались с жульнической фирмой! Она же надует вас! Ведь мы с вами почти договорились, и вдруг... Ну да ладно, дело поправимо. Даю на двадцать процентов больше «Сосифросса», только расторгните сделку с ним.

«Ага, заело!» — торжествовал Серебровский.

— Что касается «почти договорились»,— ответил он,— то это и сейчас не поздно сделать. В Баку предостаточно керосина. Если «Стандарт» заинтересован в нем, мы могли бы заключить долговременный договор на его поставку, скажем лет на пять.

— О, это заманчиво! Я немедленно сообщу в Штаты. Но мы хотели бы получить ваш керосин уже сейчас. Как говорят у вас, «лучше журавля в небе, чем синицу в руки».

— Наоборот: «лучше синицу в руки...»

— О, да, да! Так двадцать процентов?

— Я никогда не меняю своих решений,— ответил Серебровский.

Агент ушел ни с чем.

Вслед за ним ворвался агент «Шелл». Этот не смеялся, он был взбешен. И тоже требовал расторгнуть сделку с «Сосифроссом», предлагая значительное увеличение цен. Серебровский наотрез отказался.

— Ваше поведение нельзя расценить иначе, как корсарство. Своим поступком вы нарушаете общепринятые нормы жизни мирового рынка. Мы этого не потерпим! — пригрозил агент и хлопнул дверью.

«Ну вот и прекрасно! — торжествовал Серебровский.— Посторонитесь, господа рокфеллеры и детердинги, советская нефть пошла!»

При уточнении процедуры сделки с представителем «Сосифросса» Серебровский проявил заинтересованность в приобретении товаров, но по умеренным ценам.

Ждать пришлось недолго. Через два дня главный директор фирмы пригласил Серебровского на обед, иными словами, на деловой разговор.

За обедом Катавас, делая вид, что не знает о разговоре Серебровского с его служащим, как бы между прочим сказал, что фирма получила большую партию обуви, обмундирования, муки, консервов и других товаров для французской армии, но, если Серебровский предложит хорошую цену, он, пожалуй, переуступит ему.

— Ценю вашу любезность, мсье Катавас,— вежливо ответил Серебровский.— Наша армия не нуждается в обмундировании, поскольку немало захватила его в Одессе и в Крыму. Кстати, тоже французского производства. Но если вы теперь вынуждены реализовать товар, мы, может быть, и возьмем его. Дайте свои цены, я запрошу Баку.

Присланный на следующий день каталог цен Серебровскому показался слишком высоким. «Подождем, пока снизят цены. Я-то могу купить у других фирм, а они не захотят упускать покупателя».

Серебровский продолжал завязывать связи с другими фирмами, продал небольшие партии нефтепродуктов итальянцам, туркам и грекам.

На вырученные деньги начал делать закупки. В свое время в Европе бакинскими нефтепромышленниками было закуплено нефтяное оборудование. Но в Баку пришла

Советская власть, нефтепромышленники бежали, а оборудование залегло на турецкой таможне мертвым грузом. Туркам не было никакой выгоды хранить на складах этот громоздкий груз, они согласились продать его Серебровскому по сравнительно недорогой цене.

У других фирм купил технические материалы, автомобили, электролампы и многое другое.

Катавас понял, что упускает выгодного клиента, и предложил новые, приемлемые цены. Продав Серебровскому первую партию продовольственных и промышленных товаров, он тут же предложил заключить договор, предоставляющий «Сосифроссу» монопольное право приобретения всех необходимых Нефтекому технических материалов и оборудования. «Думаю, выгода взаимная»,— констатировал Катавас.

Предложение показалось Серебровскому заманчивым. Имея за рубежом постоянного агента, гарантирующего приобретение на западных рынках и поставку всего необходимого, Нефтеком избавится от лишних хлопот и забот. Но вот второй пункт договора смутил Серебровского, заставил призадуматься. Этот пункт гласил:

«Давая сие поручение «Сосифроссу», Нефтеком обязывается технических материалов или оборудования ни у каких других фирм, или учреждений, или лиц без ведома «Сосифросса» не приобретать. Буде же таковые покупки у других фирм или лиц, или через посредство других фирм или лиц, помимо «Сосифросса», Нефтекомом совершены будут, Нефтеком обязуется уплатить «Сосифроссу» комиссию в размере 3 процентов от суммы фактур на приобретенный товар».

— Но это свяжет нас по рукам,— сказал Серебровский.— Договор лишит нас права иметь деловые связи с другими фирмами.

— А на что вам другие фирмы, если наша гарантирует поставку всего, я подчеркиваю: всего, что вы закажете?

— Логично,— согласился Серебровский.— Однако мне надо подумать, посоветоваться...

Но с кем ему было советоваться? Представитель РСФСР Кудиш и уполномоченный наркомвнешторга Рабинович, недавно приехавший в Константинополь, при встрече с ним выразили недовольство его самостоятельными действиями, связями с фирмами в обход представительств Внешторга, между ними вышла даже перепалка.

— Но ведь союзники не признают вас де-юре,— отпарировал Серебровский.— А Нефтеком, как синдикат рабочих, признали юридическим, кредитоспособным лицом.

— Я буду вынужден известить Москву,— раздраженно ответил Кудиш.

Словом, посоветоваться Серебровскому было не с кем. После долгих раздумий 9 мая он подписал договор. Если б он мог знать, сколько неприятных минут переживет из-за него!

Тем временем он зафрахтовал у англичан пароход «Полония», начал готовить отправку товаров в Батум.

Серебровского не покидало чувство горечи за русских беженцев, не за тех «ваших благородий» с Пере, а за солдат бывшей врангелевской армии. Эти «недобровольные добровольцы», как называли они себя, обманом и силой вывезенные из России и перешедшие на положение беженцев, жили в лагерях за колючей проволокой, ночевали где придется, даже на кладбище; чуть свет они выстраивались в длиннющие очереди перед столовой американского Красного Креста, чтобы в полдень стоя — в столовке не было столов — съесть бесплатную миску варева из фасоли и перца с «осьмушкой» хлеба; часами толкались на пристанях в надежде дождаться любой, даже самой грязной, работы; с тоской и неверием читали объявления французского командования о записи желающих выехать в Бразилию, Грецию, Болгарию, Россию.

Как-то Серебровский слышал разговор двух оборванных казаков.

— Кум, можа, и нам завербоваться?

— Куды, в Бразилию? Хрен редьки не слаще.

— На кой ляд в Бразилию? Домой, в Совдепию.

— А есть он, дом-то твой! С голодухи, сказывают, люди поели друг дружку.

— Брехня все это, кутеповская!

— Можа, не брехня. А только я так думаю: один черт, что Кутепия, что Совдепия. Кому ты там нужон? Вона, которую неделю никак не уедут,— махнул он рукой в сторону парохода «Рашид Паша».

Еще в день приезда в Константинополь Серебровский видел с борта «Джорджии» этот большой пароход, на палубе которого огромным табором расположились тысячи людей.

«Нищенствуют здесь, маются без дела, а у нас рабочих рук не хватает. Вот если б завербовать их на бакинские промыслы!..»

Серебровский нанял лодку, подъехал на «Рашид Паша». На палубе его обступили пассажиры. Тут были и поволжские крестьяне, и стройные донские казаки, и широколицые калмыки в ухарских с красным околышем казачьих шапках; были женщины и дети.

— Кто у вас за старшего? — спросил Серебровский.

— А вы кто будете? — выступил вперед мужчина в потрепанном офицерском кителе, с простым, крестьянским лицом.

— Представитель Советского Азербайджана Серебровский.

Бородачи зашумели: «Глянь ты, комиссар! Из Баке...»

— А, слышали о вас,— обрадовался офицер.— А я комендант палубы Бердников Василий. Бывший штабс-капитан запаса.

— Куда ехать собрались?

— Да записались на возврат в Россию, только союзники никак не отправят. Недели две назад начальник французской базы сказал, что пошлет «радио» Советскому правительству на предмет выяснения, желает ли оно принять нас. Вот и ждем ответа... Да будет вам галдеть! — прикрикнул он на бородачей. И Серебровскому: — Изнылись люди. Пройдемте в каюту, там поговорим.

В каюту пришли председатель исполкома по делам беженцев эсер Печели, член исполкома железнодорожников Баринов. Из их рассказов вырисовывалась картина константинопольских мытарств солдат врангелевской армии.

...В Крыму приказом об «эвакуации в Новороссийск» белому командованию удалось посадить войска на пароходы.

Через несколько дней стояния на константинопольском рейде на судах стало известно, что французское военное командование берет на себя заботу о русских беженцах из числа гражданского населения. Врангель издал приказ, определяющий, кто из бывших военных имеет право перейти на беженское положение. Французские офицеры не допускали проникновения бывших военных в группы гражданских беженцев, но, стоило тем сорвать погоны, их причисляли к беженцам. Воспользовавшись приказом Врангеля, несколько тысяч солдат и каза-

ков перешли на положение беженцев. Их поселили вместе с гражданскими лицами в особых лагерях, которые отдали в полное распоряжение выжившего из ума генерала Кочкина. Остатки же так называемой «регулярной армии» были направлены в Галлиполи, старинный город на полуострове. Сюда же прибыли пехотные полки и конная дивизия, сведенные в армейский корпус во главе с генералом Кутеповым, известным своей жестокостью.

Врангель произвел его в генералы «за блестяще проведенную операцию по эвакуации Крыма».

Улицы Галлиполи превратились в сплошной толкучий рынок. Из Константинополя и Афин понаехали скупщики «трофеев», взятых солдатами и офицерами у «благородного населения». Полки и дивизия разместились в лагере, в Долине смерти. Солдаты в лагере голодали.

Вскоре на улицах появились объявления французского командования: оно отказывалось кормить русских и предложило врангелевцам переехать в Бразилию, Болгарию и другие страны, гарантируя бесплатную перевозку.

Русские генералы забили тревогу. Врангель убедил французов не прекращать выдачи пайка, обещая вскоре вывести армию в Югославию и Болгарию, там вел переговоры генерал Шатилов.

Вопрос о пайке был решен, но запись желающих выехать все же началась. У объявлений с приглашением выехать дежурили часовые сенегальцы, потому что ярые врангелевцы срывали эти объявления или заклеивали их листовками: «Солдаты русской армии не допустят ее распыления. Они исполнят свой долг до конца и пойдут туда, куда поведет их генерал Врангель!»

Но солдаты предпочли отправку в дальние неведомые страны. Больше шестидесяти тысяч русских продались в рабство бразильским, греческим, болгарским и сербским фермерам и помещикам. Но сто пятнадцать тысяч беженцев оставались в Константинополе, надеясь со временем вернуться в Россию. Тоска по ней была горше самой тяжелой нужды.

Исполком по делам беженцев развернул агитацию, опровергая белогвардейскую ложь о Советской России. Его стараниями уже не одна группа беженцев получила пропуска и уехала домой. И когда месяц назад французское командование объявило новую запись желающих вернуться на родину, стараниями исполкома около двух тысяч бывших врангелевцев поспешило на «Рашид Паша».

— Вот и ждем, когда отправят,— заключил Бердников.— Если б вы могли содействовать...

— Я берусь похлопотать за тех, кто даст подписку поработать на нефтяных промыслах Баку в течение шести месяцев. Потом могут ехать куда угодно. Но предупреждаю, положение в Баку тяжелое, никаких разносолов не обещаем, но все, что в наших силах, дадим.

— Разве ж кто откажется от работы! — воскликнул Баринов.— Лишь бы только родина приняла нас, простила за прошлое.

Исполком тут же устроил на палубе митинг, и все репатрианты с ликованием приняли предложение Серебровского.

До того как посетить «Рашид Паша», Серебровский уже начал вербовать рабочих для Баку среди безработных и солдат врангелевских лагерей, расположенных в окрестностях Константинополя. Вот что рассказывал он об этом в своих воспоминаниях:

«Однажды в одном из лагерей мне пришлось повздорить с охраной из французских тюркосов; подбежавший на шум француз-сержант, услышав мою ругань, закричал:

— Ты тут чего шумишь, легион, кто тут тебя обидел?

Я рассказал ему, что хочу пройти в лагерь, а меня не пускают.

— Плюнь ты на них и иди себе куда хочешь,— сказал сержант.— Кто может мешать старому легионеру? Пропустите и больше не приставайте к нему,— приказал он тюркосам.

Он принял меня за старого французского легионера. Так как он сам прошел огонь и воду в легионе, то счел своим долгом помочь мне.

— Зачем же ты идешь к этим русским свиньям, легион?

Я рассказал, что хочу пригласить их работать на нефтяные промыслы.

— Это дело,— сказал мой новый друг.— Но для этого тебе понадобится разрешение Верховного комиссара, а пока будь осторожнее с этим народом. Эти казаки такие разбойники...

Я учел это замечание сержанта, а сам пошел в лагерь на собрание, где меня ждали врангелевские солдаты. После собрания я уже уходил из лагеря и у самых ворот снова встретил сержанта, который проверял караулы. Он был очень рад, что все обошлось благополучно, но тут

как раз подошел один казак и попросил меня зайти на конюшню и поговорить втайне с собравшимися там казаками, желающими ехать на родину. Я пошел за казаком и не заметил, что сержант вместе с тремя французскими солдатами пошел за мною.

В конюшне оказались не казаки, а казачеcкие офицеры. Они набросились на меня с шашками, и я едва успел схватиться за вилы и отбить первое нападение. Конечно, с вилами в руках нельзя было долго защищаться, но вдруг в воротах появились французские солдаты и знакомый мой сержант. Офицеры принуждены были отступить».

А. П. Серебровский относит этот эпизод ко времени своего второго приезда в Константинополь, но, сопоставив его с другими сообщениями Александра Павловича того времени, мы убедились, что это произошло во время первой поездки. Именно тогда, посетив «Рашид Паша», он воспользовался советом сержанта и обратился к Верховному комиссару за содействием.

«Почтенный комиссар сначала не мог понять, какая ему выгода отпустить этих бездельников и тунеядцев, как он называл врангелевских солдат, ругаясь, что приходится республике тратить огромные деньги на их содержание. Когда же он понял, что можно этих «дармоедов» сплавить с рук, а довольствие будет выписываться до конца года, и, стало быть, возможна весьма выгодная комбинация для командования, тогда он пришел в восторг, благодарил меня и мы быстро договорились. Он обязался предоставить в мое распоряжение пароход «Рашид Паша» для перевозки репатриантов... снабдить всех репатриантов продовольствием на десять дней» [1].

И пассажиры «Рашид Паша», бывшие врангелевские солдаты и беженцы, названные теперь «военная рабочая команда», начали лихорадочно готовиться к отъезду. Вскладчину собрали 23 лиры и поручили одному товарищу купить красного шелка, золотой бахромы и шнура для знамени. Женщины обшили красное полотнище бахромой, вышили на нем серп и молот, золотые буквы «РСФСР» и надпись:

Едем, едем к красным берегам
И под красным знамением.

[1] Неизданная рукопись воспоминаний А. П. Серебровского «На нефтяном фронте», написанная в 1936 году, хранится у его дочери И. А. Серебровской, с любезного разрешения которой привожу эти отрывки.— *Авт.*

С утра до позднего вечера на пароходе царило оживление. Оркестр, созданный солдатами, беспрерывно играл «Интернационал», а бывшие врангелевцы разучивали хором его слова.

Отправив «Полонию» с товарами, Серебровский перебрался на «Рашид Паша». 15 мая пароход поднял якоря и двинулся по Босфору. Горел на солнце красный флаг, гремел на палубе оркестр, мощно звучал хор, далеко разносились звуки «Интернационала», и матросы многих судов, теснившихся в Босфоре, брали под козырек, приветственно махали вслед.

Прошли мимо личной яхты Врангеля «Лукул», парохода «Дон» с его личным конвоем...

В Батуме репатрианты погрузились в теплушки эшелонов, заранее подготовленные политкомиссаром Икой, и отправились в Баку.

«...СЕРЕБРОВСКОГО СЧИТАЮ ЦЕННЕЙШИМ РАБОТНИКОМ»

Отправив эшелон с военной рабочей командой, Серебровский задержался в Батуме на два дня, чтобы проследить за разгрузкой «Полонии». От Ики узнал, что Серго находится в Москве. Ночью написал ему подробную телеграмму. Он был так доволен своими первыми внешнеторговыми операциями, что спешил поделиться радостью с Серго, обстоятельно доложить ему обо всем, что сделано. Если б он знал, как отнесется к его телеграмме Владимир Ильич!

Вот полный текст этой телеграммы:

«Москва. Вручить через тов. Сталина тов. Орджоникидзе.

Прошу передать тов. Орджоникидзе, что поручение, которое мне было дано им и т. Гусейновым, а также согласно мандата внешторга т. Алиева, я Константинополе выполнил, связи завязаны с турецкими, французскими и итальянскими фирмами и заключены договоры очень выгодных условиях, причем часть товара была получена в кредит и уже привезена в Батум... Пароход мы зафрахтовали на 6 месяцев по 7 с половиной тысяч лир за тоннаж полторы тысячи тонн. Договор на пароход сделан на имя Нефтекома, потому что Нефтеком признают юридическим лицом, а Внешторг не может заключать догово-

ров. Пароход берет часть керосина наливом и часть таре, доставка в Константинополь обойдется около 3 лир за тонну, считая обратный пробег полезным процентов на 50. «Полония» доставила сюда товара около 75 тысяч лир, для первого раза задаток мы дали Константинополе 33 процента стоимости всего товара, а 67 процентов получили в кредит. Привезли техническое оборудование, лампочки, грузовые автомобили, белую жесть, олово, костюмы на пробу, ботинки, бумагу, сахарин на пробу, карбид и т. д. Цены не высокие, например, ботинки — лира 25 пиастров, мануфактура теплая фланелевая двойная 4 пиастра за метр, авто грузовые 750 лир за штуку. Отношение со стороны турецких фирм самое благожелательное, они идут навстречу в смысле кредита, доставки, реализации нефтепродуктов и т. д. Союзное командование сначала отнеслось к нам недоверчиво, но потом признало Нефтеком промышленным синдикатом рабочих и, стало быть, юридическим лицом, когда мы заключили договор французской фирмой компании «Commercial financier pour la Russie» («Сосифросс»)... Союзное командование также признает Нефтеком кредитоспособным учреждением и даже разрешило набор рабочих для Бакинских нефтяных промыслов. Поэтому привез 800 человек рабочих специалистов из числа константинопольских безработных и полторы тысячи бывших врангелевцев для работы на промыслах в качестве тартальщиков. Русские генералы подняли по этому случаю небольшой скандал, но союзное командование обращает на них мало внимания и начальник штаба полковник Делабом официально заявил мне, что врангелевская армия официально признана несуществующей и подлежит расформированию. Врангель сидит на яхте «Лукул» без права съезжать на берег, его конвой находится на бывшем пароходе «Дон», также без права съезжать на берег. Генерал Кутепов находится в Галлиполи в лагере и в Константинополь его не пускают. Оружие у офицеров и нижних чинов отобрано, за исключением караульных команд. Я вместе с капитаном французского генерального штаба Бельбезен посетил лагерь Сакирджи и взял оттуда 480 солдат, несмотря на отчаянное сопротивление офицеров... Тех, кто хочет ехать в Россию, бьют, сажают за колючую проволоку, заставляют по жаре носить тяжелые камни. Французское командование дало заверение, что оно вырвет этих несчастных солдат из ада Галлиполи, Лемноса и т. д. и даст нам в Баку рабочих солдат, но не офицеров, всего по нашему

требованию до 6000 человек, каковое количество необходимо для нефтяной промышленности, продовольствие дали союзники на 10 дней до Баку. Два эшелона я уже отправил по желдороге в Баку, и пароход «Рашид Паша» возвращается обратно в Константинополь за следующей партией рабочих. Дайте наряд через Урсвосо на соответствующее количество порожняка и на срочную отправку эшелонов. Виды на будущее в Константинополе великолепные, товара много, цены падают все время, застой делах колоссальный, все с удовольствием будут работать с нами, так как союзники не признают в Константинополе де-юре существующие советские представительства, Внешторг и т. д., но это скоро, вероятно, оформится, потому что они фактически на все согласны... Думаю нагрузить «Полонию» маслом и керосином и отправить ее с представителем объединенного Внешторга под фирмою, может быть, Нефтекома для приличия в Константинополь или далее Марсель. Сегодня думаю выехать вечером вместе с товаром Тифлис и там договориться объедвнешторгом о наружных формах товарообмена, так как внутреннее содержание я выяснил для себя из письма Ленина и из переговоров М. Д. Гусейновым и тобой. Основной мотив — чтобы против разъединенного западного предпринимателя и торговца выставить сплошной синдикат или трест, который в отношении нефтепродуктов мог бы конкурировать со «Стандарт», причем турецкий рынок для керосина нам обеспечен при равных ценах Америки и Румынии. Керосинопровод до сих пор не работает, и дело товарообмена задерживается. Необходимо керосинопровод немедленно передать Нефтекому вместе с батумскими нефтехранилищами и складами, а затем наливные и товарные операции Нефтеком будет совершать под маркой объединенного Внешторга, который будет регулировать цены и держать единый фронт... Рабочих мы достали, оборудование также, теперь нужно доставить снабжение обувью, одеждой, продовольствием достаточном количестве. Я полагаю, что дело пойдет хорошо, хотел из Константинополя поехать в Париж, но у меня нет времени, а к тому же я не просил согласия Азербайджанского правительства на такую долговременную отлучку. Пока всего. Серебровский».

Через день, 20 мая, из Тифлиса Серебровский сообщил об этом же Ленину, но гораздо короче и деловитее. Однако Владимир Ильич уже прочел телеграмму, адресованную Орджоникидзе, и тут же сердито телеграфировал:

«Прочел вашу болтливую телеграмму к Серго.

Сообщайте короче, точнее, сколько одежи и хлеба достаете рабочим Баку. Нелепо увеличивать число рабочих, пока меньшее их число не обеспечено одежой и хлебом».

Серебровский получил эту телеграмму в Баку 23 мая. С досадой подумал: «Эх, ну зачем Серго показал ее Ильичу!»

Досада забылась, едва он занялся делами устройства бывших врангелевцев. Встретили их без вражды, разместили в общежитиях «черного города» и Сабунчей. По вечерам для них устраивали концерты-митинги, давали спектакли в театре Сатирагит. Газеты печатали под шапкой «Бывшие врангелевцы в красном Баку» беседы с ними, их заверения: «Мощным, напряженным трудом искупить свою прежнюю вину перед рабоче-крестьянской Россией». Приезжие, просившие не указывать в удостоверениях ненавистное слово «врангелевец», начали работать добросовестно. Но не все, конечно. Серебровскому пришлось написать письмо в Наркомсобес:

«Многие из приехавших из Константинополя рабочих, принявших на себя обязательство работать в течение известного срока по нефтепромышленности, желая выехать на родину, прибегают ко всякого рода ухищрениям и, между прочим, обращаются в Особес с просьбой освидетельствовать состояние их здоровья для получения медицинского свидетельства, дающего право выезда на родину.

Ввиду этого Азнефтеком просит сделать распоряжение о невыдаче лицам сказанной категории медицинских свидетельств с указанием в таковых права выезда на родину».

Но в то же время он издал приказ: «Все мальчики до 15 лет и старики выше 50 лет могут ехать домой, если желают»...

Пришел следующий состав с товарами, доставленными «Полонией». И сколько же хлопот, волнений и радости было, когда раздали обувь и костюмы рабочим.

Приехал Орджоникидзе. Конечно, разговор зашел и о «болтливой» телеграмме.

— Как я мог не показать Ильичу? Он каждый день справлялся: «Что Серебровский?» А тут как назло еще Кудиш сообщил о твоих «сепаратных» действиях и Лежава принес его телеграмму Ильичу.

— Но почему «сепаратных»? — возмутился Серебровский.— Разве СТО не предоставил Азнефтекому извест-

ную самостоятельность? Мои действия полностью согласуются с санкциями, данными мне правительством Азербайджана и тобой.

— Все так,— согласился Орджоникидзе.— Ты помнишь, в январе я заключил договор с владельцем грузов на итальянском пароходе «Анкона».

— Помню, конечно.

— А что из этого получилось? Лежава вынес вопрос в СТО, мне напомнили, что согласно постановлению Совнаркома всякие самовольные выступления по делам внешней торговли как отдельных лиц, так и учреждений, без полномочий от Наркомвнешторга подлежат ответственности, как за расхищение имущества Республики. Наркомюст Курский занимался моим делом. Досталось мне по первое число! Словом, не по душе внешторговцам твоя самостоятельность.

Серебровский нахмурился, призадумался. «Ох уж эта бюрократическая ведомственность! Конечно, заграничные закупки — функции Внешторга. Но мы ведь в обмен на свою нефть закупаем, нам виднее, что нужно купить... Чего доброго, настроят Ильича против нашей самостоятельности...»

— Что скис, Саша? Давай лучше подумаем о деле. Мы с Ильичем долго говорили о положении промыслов, о бурении и добыче. Очень волнуют его эти вопросы. Собери завтра своих специалистов и Джеваншира непременно пригласи, посоветуемся.

Орджоникидзе не ограничился беседами со специалистами. Вместе с Серебровским, Рустамбековым, Джеванширом он ездил по промыслам, встречался с буровыми мастерами. В итоге этих поездок, бесед была послана телеграмма В. И. Ленину:

«Из бесед с лучшими знатоками нефтяной промышленности выяснил, что без немедленного перехода к американскому способу бурения спасти нефтяную промышленность от затопления и поднять добычу нет возможности. Для перехода к американскому способу бурения необходимо приобрести станки в Америке или Германии. В первой едва ли удастся, т. к., по имеющимся у нас данным, «Стандарт» всячески будет препятствовать. Остается Германия. К этому делу привлекли лучшего знатока бурения инженера Джеваншира, которому поручили все закупки материала и постановку бурения. Что же касается других способов оздоровления нефтяной промышленности, выкачивания воды, обычного способа

бурения — штангового и т. д., это должно идти параллельно...»

Между тем назревали события, подтвердившие предчувствия Серебровского о намерениях внешторговцев. В конце мая уполномоченный Наркомвнешторга РСФСР Ф. Я. Рабинович вернулся из Константинополя в Тифлис и сообщил в Москву о договоре, заключенном Серебровским с фирмой «Сосифросс».

Узнав об этом договоре, В. И. Ленин не на шутку обеспокоился и написал заместителю наркома внешней торговли А. М. Лежаве:

«Насчет Серебровского и Баку я теперь архиопасаюсь, что НКВТ повторит историю с Юго-Востоком.

Этого я не потерплю уже ни за что.

Предлагаю послать Серебровскому и Рабиновичу следующую телеграмму от моего имени. Ваши возражения или поправки прошу Вас сообщить мне немедленно.

«Баку, Серебровскому, копии Рабиновичу и Орджоникидзе Баку или Тифлис.

Я крайне обеспокоен договором, который заключен Серебровским с Сосифроссом, и удивлен тем, что об этом сообщил Рабинович, к сожалению, без комментариев и без практических предложений, а сам Серебровский не сообщил. Договор странный. Где гарантии, что Сосифросс не надует? Как можно было давать ему монополию. Я вовсе не против торговли прямой Азвнешторга и Азнефтекома с Константинополем, я готов поддержать автономию Баку в значительных пределах, но нужны гарантии. Прошу ответить мне немедленно, послана ли надежным курьером точная опись всего купленного Серебровским в Константинополе; когда именно послано и подробности о договоре, и когда. Я обязываю Серебровского с каждым курьером посылать письмо, извещая телеграфно об имени курьера и сроке выезда. Что именно заказано теперь Сосифроссу. Все три адресата обязаны ответить мне телеграфом».

Лежава предложил Ленину исключить из проекта телеграммы фразу: «Я вовсе не против торговли прямой Азвнешторга и Азнефтекома с Константинополем, я готов поддержать автономию Баку в значительных пределах, но нужны гарантии», то есть добивался именно того, чего так опасался Серебровский. Но Владимир Ильич не согласился с Лежавой и ответил ему: «Прошу Вас добавить слово *безусловно* («я вовсе не *безусловно*

против торговли прямой Азвнешторга с Константинополем» и т. д.) и послать с этим добавлением».

Орджоникидзе и Серебровский получили эту телеграмму через четыре дня, 10 июня.

«Вот дьявол! — негодуя, подумал Серебровский о Рабиновиче.— Ну что он, не прочитав договора, встревожил Ильича? Да и я тоже хорош, вовремя не послал договор на утверждение... Конечно, там есть к чему придраться. Черт дернул меня согласиться на эти злополучные три процента комиссионных...

Утром чуть свет он отправил Ленину телеграмму с информацией, что посылает с курьером договор и другие материалы, что «Сосифроссу» не давалось монополии на нефтепродукты и что остальные условия договора вступят в силу только после ратификации его Наркоматом внешней торговли.

Телеграмму Серебровского Ленин получил в тот же день и написал на ней: «Смолянинову. Секретно. Прочтите. Запомните. Курьера поймать без единого часа промедления. 11/VI. Ленин» (вот ведь до чего он был встревожен!).

Позвонил Орджоникидзе:

— Товарищ Серебровский, прошу вас срочно приехать ко мне!

«На «вы» заговорил, стало быть, сердит».— Обида, зародившаяся, когда Серебровский прочел упрек Ленина о «болтливой» телеграмме, с новой силой пробудилась в нем.

Орджоникидзе принял его стоя и громко, чуть ли не крича, что свидетельствовало о его раздражении, сразу обрушился:

— Товарищ Серебровский, почему я должен узнавать от Ильича о каком-то странном договоре с французами?

— Я вам докладывал о нем в «болтливой» телеграмме, которую, кстати, читал и Владимир Ильич,— сухо ответил Серебровский.

— Докладывал! Мало ли что докладывал! — несколько смутясь, но не подавая виду, продолжал кипятиться Орджоникидзе.— Почему не ознакомили меня с текстом договора? Где он, давайте его сюда!

— Отослал Владимиру Ильичу.

— Раньше надо было! Копию давайте!

— Нет копии. Послал Рабиновичу.

— Ва! Что же прикажете отвечать Ильичу? «Не знаю, товарищ Ленин»? Мало мне было «Анконы», теперь еще

«Сосифросс» как снег на голову! Какие монополии вы дали французам?

Серебровского прорвало.

— Да не давал я никаких монополий! — резко ответил он.— Рабинович слышал звон, да не знает, где он. А я-то знаю, откуда этот звон пошел! Поднял шум, встревожил Ленина. Сами же вы говорили, что внешторговцы против нашей самостоятельности. Если не верите мне, позвоните Рабиновичу...

— Позвоню, позвоню,— уже спокойно ответил Орджоникидзе.

— А я сегодня же подам заявление. В обстановке такого недоверия работать не могу,— обиженным тоном сказал Серебровский.

— Ты что? — сразу перешел на «ты» Орджоникидзе.— Какое недоверие, слушай? Заявление! Я тебе подам заявление! — погрозил он пальцем, потом по-дружески похлопал его по спине.— Иди, иди работай. Все выяснится...

Проводив Серебровского, он по прямому проводу переговорил с Рабиновичем, потом телеграфировал В. И. Ленину:

«Все требуемые Вами документы — договор, счета посланы сегодня утром курьером Гуревичем. Серебровский сильно обижен тоном Вашей телеграммы, рассматривает ее как недоверие к себе и ставит вопрос о своем уходе. Из разговора по прямому проводу с Рабиновичем выяснил, что он вовсе не считает дело столь серьезным и что в любой момент может аннулировать договор Серебровского с фирмой «Сосифросс», против чего не возражает и Серебровский. Считал бы полезным, если бы Вы прислали Серебровскому телеграмму — успокоительную».

Эту телеграмму Ленин получил только через неделю, 18 июня, и тут же размашисто написал на обороте телеграфного бланка:

«Послать тотчас по прямому проводу.

Баку

Орджоникидзе

Серебровский не должен обижаться на тон моей телеграммы: я был обеспокоен судьбой Баку. Серебровского считаю ценнейшим работником. Требую от Вас частой и точной информации об итогах работы по улучшению нефтяного дела в Баку, а равно об итогах внешнеторговых операций. Покажите эту телеграмму Серебровскому».

Орджоникидзе обрадовался телеграмме Ленина так, словно речь шла о нем самом. «Серебровскому будет немедленно передано,— ответил он В. И. Ленину из Тифлиса 26 июня.— Он в данный момент в Батуме, где принимает товары, прибывшие из Константинополя. Подробно сообщу по приему товаров. Кроме товаров, к нам прибыло еще около 4 тысяч врангелевцев для нефтяных промыслов, они заменят у нас ушедших персов-рабочих...»

В тот же вечер Орджоникидзе связался с Батумом, прочел Серебровскому телеграмму Владимира Ильича.

И СНОВА КОНСТАНТИНОПОЛЬ

«Аврал». Это означало, что рабочие за день должны были проделать месячную работу, и не ради «аврального пайка», но из трезвого понимания того, что, если сегодня они не отремонтируют заводы, завтра им не на чем будет работать. И они работали, три с половиной тысячи энтузиастов, откликнувшихся на Обращение Бакинского комитета партии: «Товарищи! Все, в ком бьется пролетарское сердце, все, кто искренне желает избавить рабочий класс от мук нужды, голода и холода и облегчить ему путь к коммунизму,— все на ремонт нефтеперегонных заводов!»

Крупнейшим в Баку был завод «Каспийский», возникший в результате слияния двух заводов, построенных в 1900 году австрийским капиталистом Левенсоном и местным предпринимателем Хатисовым. Он изготовлял простейшие станки для ударного — канатного и штангового — бурения, тартальные барабаны, резервуары, перегонные кубы. Долгое время цехи не ремонтировались, пришли в крайнее запустение, из восьмисот рабочих едва насчитывалось тридцать человек.

Этому заводу, названному по просьбе рабочих заводом имени лейтенанта Шмидта, предстояло стать головным предприятием по оснащению нефтяной промышленности, поэтому Серебровский частенько наведывался сюда, особенно в авральные дни. Он пристрастно осматривал мазутный холодильник, сложенный из двухсот труб, вынутых из старого нефтеподогревателя, и остался доволен: он, инженер по холодильным установкам, знал толк в

этом деле. Порадовало и другое — холодильник сложили всего шестеро рабочих, проделав в три дня месячную работу сорока человек.

На другом заводе в полутемном помещении, где стояло облако едкой пыли, завязав рты и носы платками, рабочие сложили газовый холодильник...

В те дни имена многих рабочих были занесены на Красную доску.

В какой-то мере наладив работу на заводах, Серебровский занялся электростанциями. Их было шесть, они обслуживали буровые, добычу и переработку нефти. Турбины износились, то и дело происходили аварии котлов, воздушных и подземных кабельных сетей, электростанции работали на одну треть своей мощности...

Телеграмма от В. И. Ленина застала Серебровского в Батуме. Он перечитал текст, восхищаясь тактом и чуткостью Ильича. Обратил внимание на слова «требую от Вас частой и точной информации... об итогах внешнеторговых операций...». Стало быть, не все потеряно!..

Батумский поезд пришел в Тифлис поздно вечером. Серебровский поехал к Орджоникидзе, на Лермонтовскую, 14. У Серго застал Кирова, которого не видел около года. Еще в мае, возвратившись из Константинополя, узнал, что Киров избран членом президиума Кавбюро и перебрался с Северного Кавказа в Тифлис, но тогда встретиться не пришлось. И вот теперь они у Серго.

После дружеских приветствий Киров спросил:

— Ну а что с нефтью?

— Скрипим. Кое-что сделали... Приехал бы посмотрел. Ездишь мимо Баку, а к нам и не заглянешь,— упрекнул Серебровский (в те годы путь из Тифлиса в Москву лежал через бакинскую узловую станцию Баладжары).

Киров загадочно улыбался, Орджоникидзе ответил за него:

— Приедет, приедет! Политбюро рекомендовало Мироныча первым секретарем ЦК Азербайджана.

— Правда? Вот радость-то,— воскликнул Серебровский.— Значит, опять вместе...

— Погоди радоваться, Мироныч накрутит вам хвосты,— посмеивался Орджоникидзе.— Послушай лучше, что он рассказывает о твоем злосчастном «Соснфроссе».

Серебровский насторожился.

— В общем, все уладилось,— не томя Серебровского, сказал Киров.— Ильич передал договор в комиссию, она рассмотрела его и предложила внести поправки. Вам со-

общат об этом. Вы и сами могли утрясти дело, не беспокоя Ильича. Не щадим мы его...

— Ты прав, Мироныч,— согласился Орджоникидзе.— А с другой стороны... Ну вот, например, месяц назад твои астраханцы прекратили отгрузку леса Нефтекому, потому что якобы бакинцы снова приглашают англичан.

— Ну и ну! — смеясь, покачал головой Киров.— Чудовищная глупость!

— Глупость? Преступление! Как было не сообщить Старику?

— И что он?

— Поддержал мою просьбу предать их суду,— ответил Орджоникидзе и обратился к Серебровскому: — А ты, друг, наломал дров, а еще в бутылку лез! Теперь тебе с Рабиновичем надо будет ехать в Константинополь, исправлять свои оплошности.

— В Константинополь непременно надо,— Серебровский пригладил жидкие волосы на лобастой голове, прищурил левый глаз.— Но хорошо бы поехать с ведома Ильича, а?

— Хочешь повидаться с ним? — Орджоникидзе обратился к Кирову.— Как думаешь, Мироныч?

— Конечно, пусть съездит, успокоит Ильича. Одно дело — бумаги, другое дело — живой рассказ.

С первым же поездом Серебровский выехал в Москву.

Ленин встретил его без тени гнева, слушая рассказ о константинопольских делах, глядел на него с лукавой смешинкой, потирал от удовольствия лысину, когда Серебровский рассказывал о том, как под носом Врангеля вывез бывших солдат, как удалось приодеть и подкормить бакинских рабочих.

— Через два-три года мы намного продвинемся вперед в деле укрепления фабрик и заводов и дадим Баку все, что нужно. Пока же берите за границей все нужное путем обмена на нефтепродукты. Вы должны регулярно ставить меня в известность обо всей вашей работе и обо всех ваших «похождениях» за границей. Вы знаете, какую я выдерживаю атаку со стороны известных вам лиц по поводу «бакинской вольницы», но я верю вам, знаю вас и потому не обращаю внимания на все эти нападки. Действуйте смело и решительно, продавайте и покупайте, но ставьте меня в известность обо всем, что вы делаете. Если другие будут ставить меня в известность об этом, могут снова получиться неприятности. По возвращении пришлите мне краткую записку по всему циклу мероприя-

тий, которые вы хотели бы провести в Баку и для Баку. Пришлите с толковым человеком, который мог бы дать все пояснения...

Вот вы снова поедете за границу. Там вам придется иметь дело с американскими и другими фирмами. Вы знаете о том, что происходит сейчас на нефтяном рынке, какая там идет война. Нужно пользоваться этой войной. Вы сами понимаете, что на этом этапе не сдвинуть по-настоящему Баку без концессии...

Серебровский ушел от Ленина окрыленным. Придя в гостиницу, по памяти записал разговор с Ильичем, чтобы пересказать его Орджоникидзе и Кирову...

На Сураханах шла авральная работа. Люди трудились по шестнадцать часов, ремонтируя паровое хозяйство, компрессорные установки, противопожарные аппараты. Уж на что уста Пири здоровый, сильный человек, и тот после трех дней такой работы осунулся, выглядел утомленным. Беспокойство все больше вкрадывалось в сердце Серебровского. «Конечно, результаты хорошие,— думал он.— Но после аврала, вероятно, лишь через месяц рабочие восстановят силы для нормальной работы». Он поделился своими мыслями с М. Д. Гусейновым, секретарем Бакинского комитета партии А. Саркисом, новым председателем Совпрофа Л. Мирзояном.

— Бросать рабочих на авральный фронт,— говорил он,— и не давать им после этого нескольких дней отдыха и усиленного питания,— это значит свести на нет всю их последующую работу.

— Но они же получают авральный паек. Больше мы не можем дать,— возразил Мирзоян.

— Что ты предлагаешь, отменить авральные работы? — заявил Саркис.

— Александр Павлович,— сказал Гусейнов,— у азербайджанцев есть пословица: «Стыдно садиться на ишака, сойти с него — стыдно вдвойне». Саркис прав, отменять аврал нельзя.

— Я лично не могу взять на свою совесть ответственность за дальнейшее применение этой, как ее теперь называют, «потогонной системы»,— настаивал Серебровский.

Аврал продолжался.

...В кабинет решительно вошел Киров, заговорил с порога:

— Ну, какие новости на нефтяном фронте, Александр Павлович?

Серебровский поднялся навстречу.
— Мироныч! Когда ты приехал?
— Нынче. Давай, показывай свое хозяйство. И снабди меня материалами о нефтяной промышленности, давай все, что есть.
Извлекая из ящиков стола доклады, отчеты, копии ежедневных сводок, Серебровский рассказал Кирову о трудностях и нуждах, о том, что удалось уже сделать. Слушая Серебровского, Киров проникался все большей симпатией к нему — люди, обладающие настойчивостью, решительностью, умеющие довести дело до конца, всегда вызывали его симпатии. Когда Серебровский рассказал об аврале, Киров звонко рассмеялся.
— Значит, так и остались сидеть на ишаке?.. Ничего, поможем вам сойти.
На рассвете поехали на промыслы.
За три дня Киров облазил все буровые, ходил по цехам заводов, общежитиям, беседовал с инженерами, бурильщиками, тартальщиками, другими рабочими, интересовался бытом и трудоустройством бывших врангелевцев. По вечерам по памяти заносил в блокнот синим карандашом размашисто и крупно свои впечатления, делая пометки. Блокнот пестрел именами и названиями.
В один из этих трех дней, вернувшись поздно вечером домой, Киров засел за материалы и книги, но среди ночи разбудил Серебровского:
— Поедем на промыслы!
Сам двужильный, Серебровский поражался: «Когда же он отдыхает?» Темным лесом выглядел ночной промысел, только кое-где тускло светились лампочки, там шла работа. Они вступили в полумрак буровой, наполненной скрежетом лебедки. Четырехметровая штанга с долотом на конце, падая с высоты, глухо сотрясала землю.
Заметив вошедших, рабочий-верховой, перекрывая скрежет, крикнул:
— Уста, кажется, монтер пришел!
Буровой мастер велел остановить лебедку, и вся бригада подошла к Серебровскому.
— Слушай, монтер, когда дашь инструмент? — требовательно спросил мастер-азербайджанец.
— И лампочки. Тут же ничего не видно,— вставил другой.
— Нет у меня лампочек,— ответил Серебровский.
— Как нету, слушай? — возмутился мастер.— Что ни говорим, все «нету». Серебровский не привез лампочки из

Истамбула? Не привез инструмент? Зачем не даешь? Клянусь, если завтра не принесешь, пойдем к самому Серебровскому!

— Да я и есть Серебровский.

— Зачем неправду говоришь? — пуще возмутился мастер.— На него посмотри, он Серебровский?! А ну, ребята, гоните в шею этого монтера.

И члены бригады чуть ли не с кулаками двинулись на Серебровского, Киров от души смеялся, приговаривал:

— Так его, так его!

На шум прибежал шофер Гасан, крикнул что-то по-азербайджански мастеру.

— Да? — опешил тот.— Извини, начальник-джан, темно, не узнал тебя.— И напустился на «верхового».— Ну, погоди у меня! — Спросил о чем-то Гасана.— Новый, значит? Я же знаю, того секретаря Каминский звали. Правда, мы его не видели. Он не то что ночью, даже днем не приезжал.

Киров, посмеиваясь, смотрел на насупившегося Серебровского.

— Правильно, товарищи, вы его взяли в оборот. Ничего, вот он поедет в Константинополь и привезет вам лампочки и кое-что еще...

В середине июля Серебровский выехал в Батум, а 20-го вместе с Рабиновичем отплыли в Константинополь.

Поддерживая позицию Серебровского, 22 июля Орджоникидзе просил телеграммой Ленина «предоставить Азнефтекому некоторой самостоятельности в приобретении нужных ему товаров. Лично я думаю, что некоторую самостоятельность предоставить Серебровскому при условии безусловного контроля Внешторга необходимо. Серебровский проявляет большую инициативу...»

Ленин написал Красину на копии телеграммы: «На депешу Орджоникидзе (№ 2066) приготовьте ответ *к среде* и пришлите мне к 11 ч. утра.

Но не посылайте ответ, пока не поговорим по телефону».

О чем говорили они? Вероятно, Ленин, по инициативе которого три месяца назад СТО предоставил Нефтекому известную самостоятельность, уточнял, нельзя ли и дальше сохранить ее, учитывая исключительное значение нефтяной промышленности? Красин скорее всего считал, что эта поблажка есть отступление от принятого в восемнадцатом году декрета СНК о монополии внешней торговли. Ленин согласился с ним, но просил мотивировать от-

каз архитактично, вежливо и обещать всемерную, широкую помощь Азнефтекому. Такое предположение напрашивается из текста и тона ответной телеграммы Красина:

«Отвечаю на вашу № 2066 от 22 июля... Опасаюсь, как бы поездка Рабиновича и Серебровского не окончилась неудачей ввиду сложного положения Константинополя, большой агрессивности военных властей... Константинополь — средоточие самой нездоровой спекуляции, серьезные закупки надо производить Берлине, Лондоне... через созданные Внешторгом заграничные организации, а не через мелких спекулянтов, которые обманули Серебровского... Серебровский — великолепный товарищ и работник, но во внешней торговле абсолютно не осведомлен. Пусть предоставит технику закупок Рабиновичу или другим органам Внешторга... Значение нефтепромышленности, будучи старым бакинцем, я лично достаточно хорошо понимаю и окажу всегда всякое содействие... О том, чтобы выручка шла на потребности Нефтекома, я уже договорился со Смилгой, поэтому никаких нефтепродуктов в личное распоряжение Серебровского предоставлять не следует, а необходимо как можно скорее сосредоточить их в Батуме...»

Орджоникидзе решил не сообщать Серебровскому о телеграмме, пусть спокойно доделает свое дело.

А Серебровский, словно чувствуя, что это его последняя возможность, жадно скупал: техническое оборудование и станки, автомобили и строительные материалы, инструменты и гвозди, электротехнические и канцелярские товары, обувь и одежду, белье и ткани, муку и крупы, мясные и молочные консервы, мыло и табак и даже спички!

...В тот день, когда Серебровский выехал в Константинополь, Пленум ЦК АКП(б) утвердил С. М. Кирова первым секретарем Центрального Комитета.

4 августа в Баку приехала комиссия СТО, возглавляемая председателем Главтопа И. Т. Смилгой. Он на следующий же день вынужден был передать Орджоникидзе по прямому проводу:

«Здравствуй, Серго. Вчера утром приехал и приступил к работе по нефти, думаю, что придется посидеть тут дней семь-восемь. Дел очень много. Мне необходимо видеться с Серебровским, прошу тебя всячески помочь мне связаться с ним. Дай ему радио или телеграмму, чтобы он приезжал сюда, его отсутствие режет меня без ножа».

«Насчет Серебровского сделаю все необходимое, чтоб он приехал немедленно,— ответил Орджоникидзе.— Его жена передавала, что он должен был выехать из Константинополя вчера».

Решили, что Смилга двинется навстречу Серебровскому и встретится с ним в Тифлисе.

А Серебровский еще не выезжал из Константинополя.

Переговоры о продаже нефтепродуктов с представителями фирм продолжались, и большую помощь в них Александру Павловичу оказала Анна Ивановна как его секретарь и переводчик.

В конторе «Сосифросса» Серебровского познакомили с французом американского происхождения Мезон Деем. Тот с детства жил в Париже, владел французским лучше, чем родным языком и был тесно связан со «Стандарт». Мезон Дей свел его с инженером Барнсдальской корпорации Вильямом Моррисом, посланным для постановки бурового дела на мосульские промыслы, но англичане, хозяйничавшие в Ираке, не допустили его туда, и он застрял в Константинополе. Помня наставление Ленина об «архинужности концессий», Серебровский предложил Моррису:

— Поедемте в Баку, посоветуемся, глядишь, договоримся о концессии.

— О, это не бизнес, а политика,— засмеялся Моррис.— Я не могу ехать к вам без ведома фирмы. Но я запрошу Нью-Йорк...

— Дайте нам отсрочку до января,— ухватился за предложение Мезон Дей.— Мы согласуем в Нью-Йорке с правлением и тогда приедем.

— Дело хозяйское,— пожал плечами Серебровский.

Тем временем он продолжал вербовку врангелевских солдат, отправил новую партию «рабочей команды». Когда «Рашид Паша» проходил мимо яхты «Лукул», солдаты увидели на ее палубе Врангеля и Кутепова, град пустых консервных банок полетел в них. Взбешенные генералы подняли шум в английском штабе (шла неделя английского правления), обвинив во всем «красного комиссара». У английских штабистов, связанных с «Шелл», были свои причины недовольства Серебровским, и полиция получила приказ арестовать его.

В лифте гостиницы бойкий лифтер-турчонок предупредил Серебровских, что в номере их ждет полиция. Он поднял их этажом выше, проводил по служебной лестнице на улицу.

В тот день они были приглашены на обед к Мезон Дею. Выслушав рассказ Серебровского, Рабинович и Мезон Дей в один голос заявили, что ему опасно оставаться в Константинополе.

— Вот видите, Александр Павлович,— говорил Рабинович,— Леонид Борисович прав, возражая против торговли с Константинополем. Это ж форменное гнездо контрреволюции! Убили Джеваншира, арестовали двух наших представителей, выслали Брука. Теперь за вас принялись. Надо вам уезжать. Впрочем, и мне надо побывать в Тифлисе. Вместе и поедем.

— Филипп Яковлевич, как же я выеду, пока правят англичане?

— О, я помогу вам, господа,— успокоил Мезон Дей. Вечером он повез Серебровских за город, на дачу американского посла. Выслушав Мезон Дея, посол сказал:

— О, друзей «Стандарт ойл» мы не оставим в беде. Мы доставим вас в Батум на миноносце.— И расхохотался.— Хотел бы я видеть, как вытянутся физиономии англичан, когда они узнают, что мы вывезли вас у них из-под носа!

На следующее утро Серебровские поехали к американской катерной пристани. Там их уже ждали Рабинович и представитель американской фирмы. Попрощавшись с Анной Ивановной — она оставалась на лечение, к тому же ей предстояло проследить за отправкой остальных репатриантов и грузов,— Серебровский, Рабинович и американец сели в катер, который доставил их на крейсер.

Через тридцать часов показалась Батумская крепость. Сойдя на берег, Серебровский с присущим ему оптимистическим задором телеграфировал Орджоникидзе:

«Я приехал вместе с Рабиновичем на американском миноносце. Сзади идет груженный для Нефтекома пароход «Ричдель» под английским флагом и ведет баржу на буксире. Сегодня в 4 часа выезжаю в Тифлис».

— Смотри, что он делает! Американцы, англичане — все на него работают,— посмеиваясь в усы, сказал Орджоникидзе Смилге.

10 августа в кабинете Орджоникидзе Смилга, Серебровский и Рабинович рассмотрели все вопросы, связанные с Нефтекомом и Наркомвнешторгом.

Вернувшись в Баку, Серебровский в первую очередь зашел к Кирову. Сергей Миронович и Мария Львовна поселились на Будаговской, 16.

В выходной день Александр Павлович отправился к себе на дачу, в Бузовны. Вместе с ними поехал завагитотделом ЦК АКП(б) П. И. Чагин. К этому рыжеватому, голубоглазому, с ранним брюшком, подвижному, как колобок, энергичному человеку Серебровский проникся дружеской симпатией с первых дней знакомства. Журналист и немного поэт, Петр Иванович курировал «Бакинский рабочий», а позже стал его редактором. Газеты «Коммунист» (на азербайджанском и армянском языках), «Бакинский рабочий» (а затем и газета «Вышка») уделяли вопросам нефтяной промышленности большое внимание. По инициативе Чагина как приложение к «Бакинскому рабочему» стали печататься полосы «Красный нефтяник» и сатирический журнал «Желонка». Благодаря Чагину каждое начинание Азнефтекома проводилось сначала на страницах газеты, чтобы подготовить общественное мнение. Словом, в лице Чагина Серебровский нашел единомышленника, помощника и друга.

...Смилга проводил одно совещание за другим. Ивар Тенисович был требователен, устраивал разносы, чем часто наносил обиду специалистам-интеллигентам. Отношения между ним и самолюбивым Серебровским напоминали туго натянутую струну, вот-вот готовую лопнуть.

Смилга, как руководитель комиссии СТО, встречался с Н. Наримановым, С. М. Кировым, М. Д. Гусейновым. Он положительно отнесся к намерению Совнаркома республики и ЦК АКП(б) преобразовать нефтяной комитет в самостоятельный трест «Азнефть» (через несколько месяцев, а точнее, 15 сентября такое постановление было принято. Началась реорганизация отделов Нефтекома в управления «Азнефти». К концу года его представительства были открыты в Москве, Петрограде, Харькове, Ростове, Астрахани, Тифлисе — почти во всех крупных промышленных городах страны). Тогда же, тщательно изучив плачевное состояние нефтяной промышленности Баку, Смилга склонен был винить в этом Серебровского. Он не отрицал, что заграничные закупки, сделанные им, стали большим подспорьем в работе, но считал, что, увлекшись поездками в Константинополь, Серебровский бросил Нефтеком на произвол судьбы. В разговоре с Н. Наримановым и С. М. Кировым он высказал мнение о замене Серебровского другим. Нариманов и Киров высказались против, и вопрос остался открытым.

Узнав об этом, Орджоникидзе вызвал Кирова к прямому проводу:

— Здравствуй, Мироныч! Там ли Ивар и как он решил вопрос о Нефтекоме?

— Смилга уехал. В нефтеуправлении пока все оставлено по-старому, во главе с Серебровским,— ответил Киров.

«СПАСАЙТЕ НЕФТЕПРОМЫШЛЕННОСТЬ!»

Откинувшись на спинку кресла, председатель СНК Азербайджана Н. Нариманов внимательно слушал Серебровского. Александр Павлович доложил о константинопольских операциях, о том, что удалось приобрести для бакинских рабочих, о телеграмме Красина и просил Нариманова лично помочь «Азнефти» отстоять право самостоятельной купли-продажи. Со стороны Нариманова он всегда встречал понимание и поддержку.

— Я уже телеграфировал товарищу Красину, хорошо, если и вы со своей стороны...— заключил Серебровский.

— Однако ваше упорство, Александр Павлович, граничит с упрямством,— улыбаясь, покачал головой Нариманов.

— Приходится, Нариман Наджафович. У вашего народа есть хорошая пословица: «Дитя не заплачет, молока не получит».

— Да, да... Ну что ж, я телеграфирую Леониду Борисовичу...

Время шло, а ни один зарубежный нефтепромышленник не спешил взять концессию на промыслах Баку. Об этом говорил В. И. Ленин:

«...Мы усердно предлагаем концессии, но ни одной сколько-нибудь серьезной концессии до сих пор иностранные капиталисты не получили, ни одного сколько-нибудь солидного концессионного договора мы до сих пор не заключили».

И вот Серебровский и его единомышленники выдвинули смелую, дерзкую и — как показала жизнь — вполне реальную идею. 14 сентября в «Бакинском рабочем» появилась большая статья «Спасайте нефтепромышленность!». Кроме Серебровского ее подписали еще восемь ответственных работников Совпрофа и Баксовета. Они предложили для обсуждения свой план:

«В поисках различных средств спасения промышленности мы согласились сдавать отдельные предприятия и даже целые отрасли промышленности, в том числе и неф-

тяную, иностранным капиталистам в концессию, в аренду и т. д., допуская таким образом инициативу частного собственника-предпринимателя... В отношении его мы отказывались от всех ограничительных норм и рогаток, какими обставлена вся наша государственная промышленность. Почему бы нам такими концессионерами-предпринимателями не сделаться самим? Предоставьте какому-нибудь заводоуправлению или конкретно тому же Нефтекому те же права и условия, что концессионеру, дайте ему право снабжать рабочих так, как это надо и можно в данный момент, дайте ему свободный выход на внешний и внутренний рынок для реализации продуктов своего производства и покупки необходимого для промышленности и рабочих материалов,— и результаты будут больше, чем мы можем себе представить...»

По поводу централизации торговли на заграничном рынке авторы писали: «...здесь мы сталкиваемся также с пережитком прошлого, с бюрократической централизацией внешней торговли в руках Внешторга. Конечно, Внешторг может привести тысячи аргументов и доказательств в пользу такой централизации, но все они отметутся как совершенно ненужные наслоения, если вспомнить, что ведь мы согласны были пропускать концессионеров с нашей же нефтью на заграничный рынок... В России уже отказались от этой старины: в наказе Совнаркома отдельным предприятиям предоставлено право реализации продуктов своего производства на внешнем рынке под контролем Внешторга. Почему крупнейший социалистический трест — Нефтеком лишен этого права?.. Ведь мы все знаем, что Внешторг не справляется с задачей снабжения нефтяной промышленности и мы гигантскими шагами идем к роковой развязке...»

Во второй половине сентября Орджоникидзе, собираясь в Москву, прихватил с собой статью «Спасайте нефтепромышленность», не предполагая, что ему придется спасать... самого Серебровского.

23 сентября Сталин вызвал Орджоникидзе.

— Прочти этот документ,— протянул он лист бумаги с машинописным текстом, под которым несколько строк было написано Лениным:

«Спешно (через Сталина)

товарищу **Орджоникидзе.**

Обратите внимание на это. Надо до Вашего отъезда кончить это формально, *провести через комиссию* и решить в *СТО*. Ведите дело быстро».

Затем Орджоникидзе прочел машинописный текст. Это была копия телеграммы Красина Серебровскому, запрещавшего «Азнефти» торговать за границей, так как «предыдущая практика Азнефтекома сводилась к заключению сделок с весьма ненадежными греческими спекулянтами и даже почти в предоставлении им монопольных прав в торговле кавказской нефтью...».

Орджоникидзе знал, что Красин отклонил просьбу Нариманова, и тот обратился к Ленину. Нариманова поддержал АзЦИК, телеграфировавший Ленину:

«Обсудив телеграмму нр. 9989 предсовнаркома тов. Нариманова, находим, что его мудрое решение является единственным выходом в создавшемся трудном для нефтепромышленности положении, в силу которого мы настаиваем на предоставлении полной свободы торговли на внешнем и внутреннем рынках в дополнение к тем ресурсам, которые все-таки будут поступать с Севера».

И вот — снова отказ Красина.

— Хорошо, Коба, обсудим. Мое мнение ты знаешь, я — за.

Едва Орджоникидзе вышел из кабинета Сталина, как его перехватил управделами Совнаркома Н. П. Горбунов.

— Товарищ Серго, Владимир Ильич передал мне записку, касающуюся и вас.

Ленин писал Горбунову:

«Спешно и важно. Прошу согласовать *со* Смилгой и *Орджоникидзе* (пока он здесь) и проследить быстрое *решение*».

Орджоникидзе вопросительно посмотрел на Горбунова.

— Смилга поставил перед СТО вопрос о перемещении члена коллегии и управляющего Средне-Восточным сланцевым районом Предтеченского в Баку,— пояснил Горбунов.

— Вместо Серебровского?

Горбунов пожал плечами.

— Узнав об этом, Губкин обратился к Ильичу с просьбой оставить Предтеченского на месте. Ильич переслал письмо Губкина Смилге...

— Я поговорю с ним.

Прошло два дня, и, хотя Орджоникидзе виделся и разговаривал со Смилгой, членом коллегии Наркомвнешторга И. И. Радченко, замнаркома продовольствия

М. И. Фрумкиным, ни один вопрос не был еще решен. А В. И. Ленин, всегда требовавший точного и быстрого выполнения своих поручений, 26 сентября напомнил о нем Орджоникидзе:

«Ввиду заявлений *Азнефти* о безусловной необходимости, ввиду необеспеченного снабжения продовольствием и др. предметами, сохранить за Азнефтью, на известных условиях, права самостоятельной торговли с заграницей.

Прошу Вас созвать немедленное совещание...» — далее В. И. Ленин называл фамилии тех, кто должен принять участие в совещании, и просил внести практические предложения в СТО 30 сентября.

Совещание, длившееся два дня, выработало предложения и внесло их в СТО. Результаты были не утешительными, о них Серго сообщил Серебровскому телеграммой: «Несмотря на все мои усилия, торговать нефтью не разрешают...»

Возвращаясь из Москвы, Орджоникидзе остановился на день в Баку, у Кирова. Вечером, когда три друга собрались за чаем, Серго поделился московскими новостями.

— Не огорчайся, Саша,— говорил он.— Не один ты в таком положении. С переходом на новую экономическую политику многие хозяйственники добиваются права самостоятельной купли-продажи за рубежом. Их споры перекинулись в верхние эшелоны, вплоть до ЦК. Коба рассказывал мне, что член ЦК Г. Я. Сокольников, поддержанный Н. И. Бухариным и Г. Л. Пятаковым, выступили против «ярого монополиста» Л. Б. Красина с предложением отменить декрет Совнаркома от апреля восемнадцатого года о монополии внешней торговли, заменить ее торговыми концессиями.

— И Сталин тоже? — спросил Киров.

— Нет, он, Г. Е. Зиновьев и Л. Б. Каменев за сохранение, но значительное ослабление монополии.

— Ну а Владимир Ильич? Он как относится к этому? — спросил Серебровский.

— Он выслушал всех, и Красина, и сторонников Сокольникова, но поддержал Красина. Считает, что дальше нельзя отступать от монополии внешней торговли. Зачем, говорит, дублировать плохой Внешторг плохими внешторгиками?

— Ну а как же нам быть? — недоумевал Серебровский.— Недавно прибыла из Константинополя «Поло-

ния» без груза. Внешторговцы заявляют, что ничего для нас не купили.

— Требовать! Строже спрашивать с них! — горячо ответил Серго.— СТО отпустил Красину семь миллионов золотом для Баку и Донбасса.

Никому не признавался Серебровский, как тяжело работается ему. У него случались минуты отчаяния, когда хотелось поделиться с кем-нибудь своими трудностями. В одну из таких минут он написал З. Н. Доссеру письмо:

«...Добывая все это (одежду и обувь.— *Авт.*), постоянно и жестоко ссоримся с Азсовнархозом, с Союзом горняков, с Союзом водников, с Наркомпродом и пр. и пр. И ведь все нам только палки в колеса вставляют да стараются оторвать от нас все, что возможно.

А с техническими материалами... Шутка сказать, какими поистине «героическими» усилиями приходится добывать то, без чего и само существование наше немыслимо. То Главное опустит на нас тяжелую длань, аннулируя наши наряды, то Астраханский исполком вздумает «наказать нас» за то, что мы будто бы передаем концессии англичанам. Словом, отовсюду напасти. Надо улаживать, договариваться, хлопотать, отчаянно ругаться и производить много-много лишней, возмутительно мешающей действительному делу работы.

О транспорте следует ли упоминать? Ведь у нас не на чем материалы доставлять на промыслы и заводы. Авто вечно ломаются и нечем чинить их. Ни шин, ни покрышек, а то добудем с самыми крайними, свирепыми усилиями, сейчас являются наркомы: подай! И часто никак нельзя не подать. А Султанов, так вооруженной силой отбирает...

Мне удалось получить разрешение из Центра, добиться соглашения с Азвнешторгом по поводу самостоятельного товарообмена Нефтекома с Персией и с Западной Европой через Константинополь. Из Персии мы получили много: рис, кишмиш, курагу. Из Константинополя в первую поездку посчастливилось вывезти больше: обувь, одежду, материю, нитки, иголки, сахар, какао, кофе, сахарин, электрические лампочки и др. электрические принадлежности, компрессоры, буровой инструмент, краски и пр.

Кроме товаров вывезено из Константинополя в два срока свыше 5000 чел. (быв. врангелевцев), законтрактовали на 6 месяцев...

Буду рад опять увидеть Вас в Баку, где мне легче было бы сообщить Вам все более подробно. До тех же пор пожелаю Вам всего наилучшего и прошу передать привет не менее свирепой жене. Кстати, моя в Константинополе застряла и я один».

Когда Серебровский писал это письмо, он не знал, что в Москве решается его судьба. Получив письмо Губкина, пересланное Лениным, Смилга ответил, что Предтеченский ему крайне нужен. И 4 октября Ленин написал Губкину:

«Я послал Смилге Ваше письмо от 22 сентября. Предтеченский нужен Смилге. Баку важнее. Придется Вам найти зама».

Переговоры Орджоникидзе со Смилгой ни к чему не привели, и тогда он обратился в Политбюро ЦК РКП(б):

«Мне стало известно, что Главтоп предполагает снять с Азнефтекома тов. Серебровского и заменить его тов. Лядовым или кем-нибудь другим, например Предтеченским. Считаю совершенно необходимым заявить следующее: нефтяная промышленность и в прошлом управлялась лучшими инженерами и один тов. Серебровский заменить их всех, конечно, не может, но снять Серебровского и заменить его тов. Лядовым или Предтеченским считаю ничем не оправданной ошибкой, гибельной для нефтяной промышленности. Лядов практически совершенно не знаком с нефтяной промышленностью. Что же касается инженера Предтеченского, то он определенно забракован в беседе с ним тов. Радченко. Необходимо прекратить всякие разговоры вокруг тов. Серебровского или немедленно снять его, если имеется лучший кандидат...»

Серебровский остался на своем месте. Своей позиции о пользе внешнеторговой самостоятельности «Азнефти» он тоже не изменил. В Москву, Ленину, регулярно отправлялись сводки о добыче нефти. В одной из них, подписанной также и Серго, Серебровский докладывал, что в октябре добыто на один миллион пудов нефти больше, чем в сентябре. «В ноябре будет еще больший подъем добычи, который объясняется улучшением продовольственного положения и тем, что удалось одеть и обуть промысловых рабочих»,— подчеркивал он, давая понять, что не зря ездил в Константинополь.

В декабре Серебровский послал донесение Ленину, Сталину, Орджоникидзе, Кирову, Смилге, редакциям газет «Правда», «Известия» и «Экономическая жизнь»:

«Добыча бакинских промыслов, постепенно и беспрерывно повышаясь, достигла 6 декабря 497 тыс., чем установлен рекорд за все время национализации, то есть с 1 июня 1920 г. Увеличение добычи продолжается нормально. В январе гарантировано более 15 миллионов».

Серебровский не ошибся: в январе 1922 года бакинцы добыли 15 с половиной миллионов пудов нефти.

А 2 февраля в ответе Ленину сообщалось, что суточная добыча побила все прежние рекорды, достигнув 535 870 пудов! Вот такой подарок сделали нефтяники открывшемуся в тот день IV съезду Компартии Азербайджана. Каждый его делегат получил брошюрку «Делегату IV съезда АКП. Положение нефтяной промышленности к IV съезду АКП». Это был текст доклада, с которым собирался выступить Серебровский. И в нем он не преминул напомнить о самостоятельности «Азнефти».

«Само собой разумеется, что съездом должна быть создана обстановка, вполне благоприятствующая развитию торговых отношений «Азнефти», для чего съезд должен подчеркнуть категорическую необходимость освобождения «Азнефти» от разных перегородок во внешней и внутренней торговле, мешающих расширению торговых связей...»

«...В последнее время как в самой России, так и за границей ведется ожесточеннейшая атака против сосредоточения внешней торговли и контроля над ней в руках государства... Новейшие фритредеры[1], как доморощенные, так и заграничные, пытаются обосновать требование отмены монополии ссылкой на новую экономическую политику. Я должен разочаровать господ — любителей свободной внешней торговли: монополия внешней торговли не может быть отменена и не будет отменена...»

Казалось бы, точки над і поставлены, но вот 5 апреля те же «Известия» опубликовали статью «Азнефть» и концессии», в которой повторялись мысли, изложенные в статье «Спасайте нефтепромышленность!»:

«...Да, по сравнению с великолепным концессионером жалки мы, но... дерзкая мысль, боюсь сказать... но что, если вдруг нас уравняют в правах с концессионерами?.. Ну хотя бы не во всех, но все-таки хоть приблизительно уравнять... Ну что тогда будет?

Нам трудно и подумать о таком счастье. Однако мы твердо знаем, что бы мы тогда сделали. Мы тогда торго-

[1] Фритредеры — сторонники свободной торговли, невмешательства государства в хозяйственную жизнь.

вали бы по всей Советской федерации, торговали бы и за границей. Наш торговый аппарат должен так же широко раскинуть свои щупальца, как это было, скажем, у Нобеля. Ведь Нобель почему держал в руках нефтяную промышленность? Потому что у него был крепкий и большой торговый аппарат...

Сравняйте нас с концессионерами! Последняя четверть 1921 г. вам порукой: чуть только нам дали поторговать, мы оделись и подкормились немного и стали поднимать добычу. Дайте нам права концессионера, и никаких других концессионеров, кроме бакинских рабочих, вам не понадобится, тем более что иностранные концессионеры слишком долго ломаются».

Так оно и получится. Но это будет потом.

ИСТОРИЯ, КАКИХ БЫЛО НЕМАЛО

Надолго ли могло хватить продовольствия, привезенного Серебровским из Константинополя, если к тому же с Волги прибывали пароходы с беженцами из голодных губерний и бакинцы делились с ними последним куском?

Киров ежедневно просматривал сводки Помгола — Комитета помощи голодающим Поволжья, созданного при АзЦИКе: сколько бесплатных столовых для беженцев открыто в городе; сколько хлеба, риса и мануфактуры отправлено в Саратовскую, Царицынскую и Астраханскую губернии; сколько денег для них внесено населением; сколько пайков отчислено нефтяниками и рабочими. А ведь сами они снова сидели на полуголодном пайке: в иные дни им выдавали по одной селедке и четверти фунта орешков вместо хлеба.

При всей занятости Сергей Миронович находил время почти ежедневно бывать на промыслах и заводах, иногда один, а чаще с Серебровским или еще с кем-нибудь из руководителей «Азнефти». И делал он это не только в силу своих служебных обязанностей — его влекло к рабочим, он считал своим долгом поддержать их добрым словом, советом, вовремя сказанной шуткой, помогать им всем, что было в его силах. Появлялся он на промыслах и утром, и днем, и поздней ночью. Завидев коренастого энергичного человека в черном однобортном пальто, в большой кепке, рабочие радостно сообщали друг другу:

— Мироныч идет!

Киров знал в лицо многих людей, обращался к собеседникам по имени-отчеству, и они, забыв о субординации, разговаривали с ним по-дружески, на «ты».

Лучшим оратором считали бакинцы своего Мироныча. Послушать его доклад люди шли пешком из отдаленных промыслов. А бывало и такое: однажды во время собрания в Баксовете Чагин передал ему записку: «Рухулла заболел и не приехал в «черный город». Рабочие собрались в большом количестве и спрашивают по телефону, можешь ли ты после данного собрания сделать там доклад». И Киров поехал.

Если приезжал домой на обед, часто кого-нибудь прихватывал.

— Маруся, корми нас, сосет под ложечкой! — с порога оповещал Киров жену.

А уж когда выпадало время, то на поздних обедах всегда было весело, звучал смех: Сергей Миронович рассказывал что-нибудь смешное. После обеда, надев очки в простой оправе и раскурив трубку, чего никогда не делал на людях, он точил что-то на верстаке или принимался чистить ружье, смазывать салом сапоги — готовиться к предстоящей охоте. Его любимая собака Бим, завидев ружье в руках хозяина, подымала морду и тихо, радостно скулила. Киров очень любил Бима (позже завел вторую собаку по кличке Ранди) и, уезжая в командировки, в письмах к жене справлялся о них: «Как дела у Бима и Ранди? Не давай их никому». Такой же страстный охотник, как Орджоникидзе, Киров не обзаводился дачей, а предпочитал проводить выходные дни, если позволяли дела, на побережье Каспия, в районе станций Килязи и Кызыл-Бурун, где в камышовых зарослях водилось много водоплавающей дичи. Вот уж где он отдыхал душой и телом! Ездил он с такими же страстными охотниками, и неизменным спутником его был Чингиз Ильдрым.

Повозившись со своим охотничьим снаряжением, Киров садился за письменный стол и работал до рассвета. Или выслушивал просьбы поздних посетителей: двери его квартиры всегда были открыты для тружеников.

Кстати, о дверях. Как-то ночью к Кирову ввалились шумные, говорливые плотники. Они пришли рассказать о том, что досрочно выполнили его поручение: в короткий срок поставили новые вышки на промысле. Уходя плотники заметили, что входная дверь перекосилась. Не

спрашивая согласия хозяев, сняли ее с петель, унесли с собой, а часа через два принесли отремонтированную и водворили на место. Топот сапог, громкие голоса, грохот и стук молотков вывели из терпения соседа с нижнего этажа, тоже ответственного работника, и он накатал в Москву жалобу: мол, Киров по ночам устраивает оргии.

Очень часто Киров среди ночи звонил Серебровскому.

— Поехали, Саша, на промыслы...

В эти поездки брал с собой и начальника штаба Караульного полка Якова Козина. Киров знал его по Астрахани, где тот служил начальником оперативного отдела 11-й армии. После демобилизации Козин приехал в Баку, намереваясь поступить в университет, но опоздал к началу занятий, по ходатайству Кирова его приняли.

На промыслах в одной караульной будке увидели спящего часового. Козин разгневался, пригрозил трибуналом. Часовой растерялся, стал оправдываться, что он болен, «лихоманка сморила». Киров приказал сменить часового, дать ему отдохнуть, подлечиться.

Как-то в другой раз, во время пожара на Бухте, часовой, не знавший Кирова в лицо, не пропустил его на промысел. Киров объявил ему благодарность, наградил часами и деньгами...

И хотя Мироныч никогда не жаловался на усталость и недомогание, Серебровский знал, какого напряжения физических сил и воли стоили ему эти бессонные ночи, видел, как часто он, скорчившись, скрежетал зубами, перебарывая приступ лихорадки. Только лучшему своему другу Серго признавался Сергей Миронович: «...замотался вдребезги».

В первый же день приезда в Баку Киров спросил Серебровского:

— Где посоветуешь стать на партучет? Хотелось бы в рабочий коллектив.

— Можно на заводе Шмидта. Большая, сильная партячейка.

— Мне бы где похуже.

— А-а, понимаю,— кивнул Серебровский.— Тогда на завод имени Монтина,— это бывшая механическая мастерская братьев Нобель. Ячейка малочисленная, около тридцати человек с двух заводов. Сильно влияние меньшевиков и эсеров.

— Вот это меня устраивает!..

Меньшевики и эсеры, которых рабочие насмешливо называли «нобелевские племяннички», держали в кула-

ке директора завода, шведа Тричлера, лояльного, но мягкотелого инженера Лагутенко и весь беспартийный коллектив. Они говорили рабочим с сарказмом: «Вот, вы хотели Советской власти, послушались большевиков, а теперь ходите холодные и голодные...» На общих собраниях, на диспутах они брали верх над большевиками, протаскивали свои резолюции.

С появлением Кирова партячейка воспряла, пошла в наступление. Деловыми стали собрания, проводившиеся в кузнице. Киров, взобравшись на наковальню, выступал с речами, после которых меньшевики и эсеры уходили посрамленные, но борьбы не прекращали. Как-то Кирову позвонили и сказали, что меньшевики, воспользовавшись задержкой зарплаты и выдачей спецодежды, спровоцировали «итальянскую забастовку» — рабочие оставались на местах, но не работали. Киров тут же приехал на завод, собрал людей. «Как же вы, рабочие люди, попались на удочку меньшевиков, вонзающих нож в спину революции?» — корил он рабочих.

Осенью 1921 года Серебровский познакомил Кирова с Михаилом Васильевичем Бариновым, плотным, грузным, пышноусым мужчиной. Серебровский знал его с пятого года по Балаханам, кстати, его партийная кличка была Балаханский. Баринов окончил Бакинское техническое училище, работал в Батуме и на Кубани, не прекращая нелегальной революционной деятельности. В советское время заведовал отделом народного образования, был лектором партийной школы в Тихорецке. Но его тянуло в Баку, где началась трудовая и революционная биография, где оставались старые друзья. После его возвращения в Баку он был назначен директором завода им. Монтина. «Племяннички» встретили его насмешливо, недружелюбно.

— Вот, прислали вам Баринова,— говорили они рабочим.— С таким работничком вы далеко пойдете. Но вскоре они вынуждены были признать его талант организатора и хозяйственника. Но на этом посту он оставался не долго. С должности директора завода Баринова передвинули на должность помощника управляющего заводами первой группы, а в июле 1922 года — заместителем начальника «Азнефти». С завода Монтина и началась дружба С. М. Кирова с М. В. Бариновым.

Как-то Киров зашел в конторку отдела бурения, стоявшую на окраине Балаханов. За ней тянулась голая степь до старых промыслов Манташева, Лианозова и «Ев-

ропейской корпорации». Называлась она «Солбаз» — тут когда-то был солдатский базар, а проще — черный рынок.

— Глядя на эту пустошь, Киров спросил бурового мастера, беседовавшего с ним:

— Странно, почему эта площадь осталась нетронутой?

— Точно не знаю,— ответил мастер,— но говорят, что во время империалистической здесь бурили скважины, потом забросили, замуровали. А когда тут базар был, люди затоптали землю, теперь и следов не осталось, где бурили. Значит, не нашли нефть...

«А может плохо искали?» — усомнился Киров. Вечером дома он заговорил о «Солбазе» с Серебровским. Это был не первый разговор об освоении новых площадей. Серебровский отлично сознавал, что одним только восстановлением старых площадей большого подъема добычи не добьешься. Но еще полгода назад он говорил «не до жиру...», а теперь пришло время дерзнуть.

Киров видел в английском техническом журнале цветной вкладыш — фото пенсильванского промысла: ажурные вышки, ровные асфальтовые дороги между ними, выкрашенные в белый цвет нефтяные резервуары без единого пятнышка нефти. Чистота, порядок... Пора и нам, говорил он Серебровскому, создать советский образцовый промысел с новой технической базой, на опыте которого могли бы учиться нефтяники других промыслов.

Через несколько дней в кабинете Кирова состоялось совещание, на которое были приглашены геологи, инженеры, буровые мастера.

И геологи принялись за дело. Подняли из архивов геологические карты местности, сведения о бурившихся скважинах, начали разведочное бурение на «Солбазе».

Некоторые старые геологи и инженеры отговаривали их, подымали на смех, уверяли, что в пластах только вода. Но прошло несколько месяцев, и геологи доложили, что на «Солбазе» можно получить, по меньшей мере, тридцать миллионов легкой нефти! Вскоре Серебровский представил Кирову на ознакомление проект нового промысла — в нем все было предусмотрено так, как виделось и хотелось Миронычу.

5 января 1922 года Киров вместе с Серебровским приехал на промысел и наблюдал за пуском первого станка вращательного бурения.

...За первой вышкой возвели вторую, третью... Вначале рабочие на плечах переносили трубы, бревна и шпалы.

Но потом начали укладывать узкоколейку, пробивать дороги к вышкам. Киров сам взял шефство над промыслом.

С началом работ на «Солбазе» Серебровский стал подумывать о создании еще одного нового промысла на биби-эйбатской «засыпке» — пустынной площади, расположенной между Баиловским мысом и Шиховой косой, покрытой лужами — близко подходили подпочвенные воды.

Он знал историю этой «засыпки». Земли Биби-Эйбата были исключительно богаты нефтью. Но уже в начале века там не осталось ни клочка свободных земель — черный лес вышек подступал к самому городу. Между тем геологи установили, что вплоть до моря северная часть Биби-Эйбатской бухты так же богата нефтью, как континентальный Биби-Эйбат.

В 1902 году правительство сдало в аренду участки моря с условием, что арендаторы засыпят их и на искусственной суше начнут добывать нефть. Казна сдала около двухсот пятидесяти гектаров участков. Несмотря на то что долевое отчисление назначалось в размере сорока процентов, участки шли нарасхват, переходили из рук в руки по баснословным ценам.

Только через пять лет исполком, выбранный арендаторами, объявил международный конкурс на проект засыпки бухты. Ни один проект не удовлетворил комиссию. Тогда за основу были приняты проекты немецких инженеров Тампа и Дейчмана. Выполнение работ поручили Обществу сормовских заводов, которое оценило их в десять миллионов рублей. В 1912 году сормовчане начали осушение огороженного участка моря и закончили только через три года. Затем им предстояло привести и насыпать один миллион четыреста тысяч кубических саженей грунта.

К 1916 году было выполнено две трети земляных работ, но правительство забрало буксирные пароходы для военных целей, и работы начали сворачиваться, а в 1917 году и вовсе прекратились. К тому времени у моря было отвоевано двести четыре гектара суши.

За три года, минувшие со времени прекращения работ, своенравное море камень за камнем разрушало барьер, смывало грунт, пытаясь отвоевать свои прежние границы. Кроме того, осталась незасыпанной маленькая искусственная бухта, которую нефтяники называли «ковш».

— А почему ни одной вышки нет на «засыпке»? Не подтвердились расчеты геологов? — спросил Серебровский Рустамбекова.

— Расчеты, возможно, и правильные. Но за все время, пока длилась засыпка, ни казна, ни арендаторы не пробурили на засыпанной части ни одной скважины.

— Странно. Почему? — поразился Серебровский.

— Все очень просто,— усмехнулся Рустамбеков.— Нефтепромышленники заключили договор, по которому никто из них не имел права заложить буровую и начать добычу нефти до окончания засыпки всей бухты. Каждый боялся, что сосед «подсосет» его нефть...

Со времени того разговора прошло больше полугода. Теперь, вернувшись к нему, Серебровский поручил Рустамбекову:

— Прошу вас, Фатуллабек, поднимите архив и составьте подробную справку об истории засыпки.

— Александр Павлович, что касается архива, то вряд ли мы найдем что-либо путное. Насколько мне известно, вся документация хранилась у инженера Потоцкого, возглавлявшего работы.

— Потоцкий? Не слышал о таком. Он жив? Где работает?

— Жив-то он жив...

— Найдите его, пожалуйста, пусть придет ко мне!

— Вряд ли это удастся, Александр Павлович. В данное время Павел Николаевич Потоцкий находится... в исправдоме.

Серебровский метнул на Рустамбекова быстрый взгляд.

— За что сидит?

Рустамбеков пожал плечами, помедлил.

— Он из «бывших». Говорят, его предки были знамениты еще при Петре. Дядя его был полным генералом, отец — генералом от инфантерии, профессором. Сам Павел Николаевич учился в Пажеском корпусе, потом перешел в институт путей сообщения...

— Он пожилой?

— Лет сорока, сорока двух.

— Постарайтесь уточнить, по какой статье осужден,— Серебровский взял из стаканчика красно-синий карандаш и быстро набросал красным записку (была у него своя хитрость, о которой знали снабженцы: если написано красным карандашом, то выполняли незамедлительно, если синим — то можно повременить). Он протянул записку Рустамбекову.— И передайте, пожалуйста, его семье ордер на продовольствие.

Через несколько дней Рустамбеков сообщил, что виделся с женой Потоцкого и дочерью Лидой. Надежда Анатольевна рассказала грустную историю. В восемнадцатом году председатель Баксовнаркома С. Шаумян говорил с Потоцким о возобновлении работ по засыпке бухты. Тот выразил готовность. Но вскоре к нему явился «какой-то носатый тип». Они заперлись в комнате, о чем говорили, она не слышала, находилась во дворе. Вдруг за дверью раздались громкие голоса, и носатый выскочил багровый, как рак из кипятка. Потоцкий был зол, то и дело повторял: «Сволочи! Сволочи!..» Вскоре Бакинская коммуна пала. При мусавате о бухте не вспоминали. Потоцкий ходил в Совет съезда нефтепромышленников, но от него отмахнулись. Так и жили нищенствуя. В мае двадцатого года, после национализации нефтяной промышленности, снова появился тот носатый, был любезен, убеждал Потоцкого эмигрировать в Турцию или Париж. Но он отказался. Тогда незваный гость потребовал отдать ему бухтинскую документацию, даже предлагал большие деньги. «А не отдашь, силой заберем!» — пригрозил он. На это Потоцкий крикнул: «Бери! Ну, лезь в огонь, бери!» — и бросил бумаги в печку. «Ну, берегись, генеральский сынок!» — пригрозил носатый и ушел.

— Словом, бывшие хозяева отомстили Потоцкому. Составили на него донос, сын генерала, значит, социально-чуждый элемент, уничтожил документацию, значит, саботажник, нанесший материальный ущерб Советскому государству,— завершил рассказ Рустамбеков.

Вечером Серебровский пересказал историю Потоцкого Кирову.

— Нариманов еще в прошлом году издал приказ Азревкома, запрещающий арестовывать специалистов-нефтяников без ведома Нефтекома,— возмущенным тоном говорил Серебровский,— а ЧК даже не поставила нас в известность!..

Киров слушал Серебровского, расхаживая по кабинету. Потом сел за письменный стол, снял трубку, назвал домашний номер наркомвнутдела Г. Султанова.

— Завтра же затребуй дело инженера Потоцкого и лично разберись в нем! Здравствуй, Гамид! — Была у него привычка, говоря по телефону, прежде высказать суть дела, а уж потом представиться.— Мы располагаем сведениями, что Потоцкий осужден по ложному доносу, а Мир Джафар Багиров не дал себе труда вникнуть в суть дела, оказался в плену фактов, свидетельствовавших про-

тив инженера. Потоцкий — ценный работник, он очень нужен «Азнефти». И Серебровскому: — Проследи, Саша, чтобы он не забыл. Я и Петру поручу.

Петра Ивановича Чагина Киров очень ценил как активного, энергичного и исполнительного работника, питал к нему личные симпатии, дорожил им. Еще в августе 1921 года он просил за него Серго:

«Есть телеграмма Кавбюро об откомандировании по предложению ЦК в Киргизреспублику Чагина, которого я взял в агитотдел, где буквально пустое место. Снесись с ЦК об отмене отзыва Чагина...»

Орджоникидзе ответил: «Здравствуй, Мироныч! Относительно Чагина есть вторая телеграмма ЦК. Снесусь с Москвой об оставлении».

И Чагин остался в Баку. По принятому в те годы порядку первый секретарь ЦК, уезжая в командировку или отпуск, оставлял вместо себя заместителя, а точнее, заменяющего, который утверждался на секретариате ЦК и приобретал все права и обязанности первого секретаря: вел заседания, подписывал протоколы. Чаще всего — а Киров то и дело выезжал в Москву или в Тифлис — таким заместителем утверждался П. И. Чагин. Вот и теперь, собираясь в Москву на XI съезд партии, Киров оставлял его вместо себя.

— Можешь быть спокоен, Мироныч,— ответил Серебровский,— мы с Петром и на Гамида нажмем, и на Наркомюст.

СУРАХАНЫ ГОРЯТ

Накануне с утра, как всегда неожиданно, задул северный ветер хазри. Только что голубое небо потухло и посерело, торопливые черные рваные тучи заслонили солнце, прозрачный и теплый воздух похолодал и помутнел, насыщенный пылью и песчинками, поднятыми с немощеных улиц и пустырей; завыли провода, забились рамы распахнутых окон, зазвенели выбитые стекла, будто в панике гнулись деревья из стороны в сторону. Люди спешили по домам, ветер набивал им в глаза, в рот колкие песчинки, срывал головные уборы.

Киров временами поглядывал через широкое окно кабинета на город, затянутый серой кисеей пыли, на вспученное море с чередой бегущих белых гребней. Он знал, что в такие ветреные дни значительно возрастает опас-

ность возникновения пожаров на промыслах, и какое-то неясное чувство тревоги навязчиво терзало его, примешиваясь к приступу лихорадки, начавшемуся так же неожиданно, как ветер.

Вечером позвонили из Раманов: горит мерник на седьмом промысле! Киров вызвал машину и вместе с Серебровским помчался в Раманы. Когда они приехали, нефть в мернике горела огромным факелом, ветер перекинул пламя на близстоящие вышки, и они пылали как свечи. К счастью, это были бездействующие скважины. Пожарные дружины и ЧОНовцы сбивали с них пламя, преграждали ему путь к соседним продуктивным буровым.

К ночи, когда стало ясно, что пожар не грозит промыслу, Серебровский с трудом уговорил Кирова ехать домой, отдохнуть, а сам остался.

Только Киров успел согреться и вздремнул, как затрезвонил телефон. Он слышал, как Мария Львовна отвечала кому-то. Киров вышел в кабинет.

— Кто звонит, Маруся?

— Саша.

Серебровский сообщал, что в Балаханах, на бывшем промысле «Фарос» горит буровая № 21.

«Что за напасть такая! Раманы, теперь Балаханы...»— подумал Киров и ответил в трубку:

— Сейчас приеду!

— Не стоит, Сергей. Что тебе мотаться зря? Пожар не представляет большой опасности. Я перебросил сюда часть дружин из Раманов и Сураханов, к полудню, думаю, управимся...

Вернулся Серебровский только под вечер. Киров, выглянув в окно, увидел, как он вышел из машины и, прихрамывая на левую ногу, направился к подъезду. Киров вышел ему навстречу на лестничную площадку. Вид у Серебровского был усталый, лицо закопченное, одежда пахла гарью.

— Ну что там? — спросил нетерпеливо Киров.

— Все утряслось... не дали расползтись огню,— устало ответил Серебровский.

— Ну ступай отдыхай.

Но отдохнуть не удалось. В одиннадцатом часу вечера встревоженный Серебровский ворвался к Кирову:

— Мироныч, Сураханы горят!.. Тридцать шестая!..

Сураханская площадь была самой молодой, лучшей площадью в Балаханском районе. Добыча скважин со-

ставляла сто шестьдесят тысяч пудов нефти в сутки, причем белой, «сураханки».

— Вызывай машину! — бросил Киров и начал одеваться.

— Тридцать шестая — компрессорная скважина сейчас бездействует,— рассказывал по пути Серебровский.— Но рядом с ней другие, новые, продуктивные. И что удивительно, тридцать шестая находится примерно в том же месте, где десять лет назад у Ротшильда ударил фонтан, который вспыхнул от самовозгорания и послужил началом грандиозного пожара, уничтожившего почти все Сураханы.

— Ты допускаешь самовозгорание? — спросил Киров.

— В Сураханах десять лет не было пожаров. Район чрезвычайно чистый, тартания там нет, а от воздушных компрессорных установок возгорания произойти не может,— ответил Серебровский.

— Так что же, случайность?

— Третья за сутки? — вопросом на вопрос ответил Серебровский.

Издали увидели они мутно-розовое небо. Чем ближе к Сураханам, тем ярче и громаднее становилось зарево...

...Сквозь завывание ветра послышались пять винтовочных выстрелов. Тревожно заревели промысловые гудки, одни, второй, третий.

— Тревога! Пятый горит! — поднял на ноги своих дружинников командир сураханской пожарной дружины механик Михаил Панов. Люди час назад вернулись с балаханского пожара и, измученные, мокрые, грязные, не раздеваясь, повалились спать, и на тебе!

— Тревога! — разбудил дежурный по штабу четвертой отдельной роты ЧОНа Сураханского боевого участка работник райкома комсомола Наум Гухбан бойцов-коммунаров.

...Дежурная райкома партии Люба Ильина «висела» на телефоне, обзванивая предприятия района, поселковые советы, партячейки:

— Все коммунисты и комсомольцы считаются мобилизованными!

Но и без звонка тревожная весть «Сураханы горят!» подняла весь старый нефтепромысловый район, отовсюду неслись арбы пожарных дружин с бочками и насосами, во весь дух бежали мужчины, женщины, дети, прихватив с собой кто что мог: лопаты, ломы, ведра.

Бежали из Амираджан уста Пири, его жена Фатьма-ханум и их сыновья, буровые мастера Дадаш Мирза и Данил. Бежали из Раманов инженер Николай Пауль, рабочие Азизага Шахвердиев, Владимир Каузов, Али Мусаев, Меликсет Мелкумов. С собрания в Народном доме кинулись на промысел слесарь Александр Баландин и его сестра Ольга, токарь Эмин Султанов, слесарь Рустам Геокчаев, супруги Зинаида и Степан Савкины. Бегущих обогнала бричка начальника добровольных пожарных дружин инженера-механика Граздана Мамиконянца.

Командир пожарников «Азнефти» Орловский, инженеры Рустамбеков, Сорокер, Кузьминский и другие вторые сутки находились в нефтепромысловом районе. Они сразу же кинулись в Сураханы, возглавили людей, сбежавшихся на пожар, который все больше разгорался.

Перед Кировым и Серебровским открылась страшная картина: вся котловина пятого промысла представляла сплошное море огня и густого, едкого дыма. Ветер кружил и гнал языки пламени на соседние участки. Буровые № 18 и № 36 догорали. Рядом с ними пылали другие вышки, расположенные на краю пологого склона над большим Сураханским озером. Вой ветра, гул пламени, грохот падающих вышек, команды и выкрики людей — все слилось в единый тревожный шум. Было светло как днем. В море огня мельтешили фигуры людей, встречались знакомые лица инженеров и рабочих, коммунистов и комсомольцев.

К Кирову и Серебровскому подбежали наркомвнутдел Гамид Султанов, Фатулла Рустамбеков, Граздан Мамиконянц. Из их отрывистых сообщений Серебровский понял, какая создалась критическая обстановка: огонь подбирался к верхнему крытому амбару бывшего Каспийско-Черноморского общества, где хранилось более шестидесяти тысяч пудов нефти — почти половина дневной добычи всего промысла. Если не отстоять его, горящая нефть немедленно прорвется, подобно вулканической массе, и хлынет вниз по склону, уничтожая по пути лучший сураханский промысел.

— Это поджог! — горячился Султанов.— Все учли: и расположение вышек, и силу ветра, и его направление...

— Тушить нечем, нечем! — досадовал Мамиконянц.

— Верхний амбар отстоять непременно! — приказал Серебровский.— Преградить путь огню!..

— Там уже возводят валы,— ответил Мамиконянц.

Сотни людей, мужчин и женщин, яростно рыли землю, насыпая вал на пути огня, ползущего по земле. Издали

казалось, что люди живой стеной стоят среди огня. Киров схватил лопату и устремился туда, на самый опасный участок.

— Костя! — окликнул Серебровский слесаря отдела механики Вишневского.— Бери людей, тяните от насосной четырехдюймовку! Живо!

— Ребята, за мной! Тащите трубы! — останавливал Вишневский всех, кто подворачивался: рабочих Манафа Рзу и Яна Клявина, инженера Ивана Кузьминского, геолога Владимира Ключева.

И бригада из двенадцати человек принялась перетаскивать с буровых обсадные трубы, свинчивать их, тянуть водопроводную нитку к насосной станции промысла.

Ветер срывал с горящих вышек головешки и доски, относил их в сторону, бросал на другие вышки, на пропитанную нефтью землю, на нефтяные озера, и они мгновенно загорались.

Вспыхнула макушка буровой № 35. Дружинники подтащили насос и направили на нее струю воды из озера, но насос был маломощным, струя — слабой и до верхушки не доставала. Тогда слесарь Дмитрий Копылов и рабочий Андрей Киркин вскарабкались по скользким ступенькам лестницы и принялись одеждой и лопатами сбивать пламя...

На другую вышку взобрался буровой мастер Данил. Снизу ему подавали ведра с водой сыновья уста Пири. Данил не заметил, как огонь перекинулся вниз, вспыхнула лестница под ним и он, охваченный пламенем, упал на землю с пятнадцатиметровой высоты. Объятый пламенем, катался по земле, его накрыли кошмой, затушили огонь...

Уста Пири и Серебровский почти одновременно подбежали к нему. Увидев жуткое лицо мастера, Серебровский приказал:

— В больницу! Скорее! Берите мою машину!..

Уста Пири поднял друга и бережно понес к машине.

— Ну что они там копаются,— Серебровский поспешил к «водопроводчикам».— Скоро вы, черт бы вас побрал?

— Даем, даем, Александр Павлович, не чертыхайся! — отозвался Вишневский.

Через минуту-другую из трубы ударила сильная струя воды.

Вспыхнула нефть на поверхности озера. Гонимый ветром, огонь заскользил по вспененной воде в направлении к третьему промыслу.

— Озеро горит! Тушите его!..

Сотни людей: мужчины, женщины, подростки — вошли в воду, растянулись цепью, как могли стали отгонять пламя, а ветер плескал на них горящую воду.

Серебровский, Рустамбеков, Орловский, Мамиконянц, Султанов появлялись то на одном, то на другом участке, распределяли людей, показывали, где рыть рвы, насыпать валы, сами лезли в огонь и горящую воду.

Вал на пути к амбару поднимался все выше, но пламя наступало, подпирало, и люди работали буквально в огне. Среди них был и Киров.

К Серебровскому подбежал Наум Гухман, заведующий отделом Сураханского райкома комсомола.

— Александр Павлович, Мироныч лезет в самое пекло. Мы просим уйти, не слушает. Может, вы скажете ему?

— Как же, ему скажешь! Вот что, Наум, сбегай, скажи Миронычу, что его ждут у компрессорной.

— Понял! — убежал Гухман.

Киров, не выпуская из рук лопаты, поспешил к компрессорной. Однако вскоре вернулся, беззлобно покосился на Гухмана.

— Ты что же, комсомол, большевика обманываешь? — и снова заработал лопатой...

К утру пожар был локализован, хотя тут и там еще горели вышки и нефтяные озера. И ветер разом стих, словно обессилев в схватке с людьми. И они обессилели. Никто не хотел уходить, словно боясь, что где-нибудь опять займется пламя. Серебровский заглядывал в закопченные лица, узнавал знакомых рабочих: Гюль Рагим... Гавриил Ильин... Хальфа Гусейнов... Семен Парфенов...

Возле Кирова и Серебровского собрались инженеры, подсчитывали, сколько сгорело буровых, предварительно прикидывали ущерб, нанесенный промыслам.

Подошел Гамид Султанов.

— Сергей Миронович, помощник начальника милиции Колпаков задержал поджигателя!

— Кто такой?

— Старый рабочий Михаил Голомазов.

— Рабочий? — с недоумением переспросил Киров.

— Секретарь комячейки подозревает его. Когда-то был городовым, старый эсер.

— Ну что ж, расследуйте,— рассеянно ответил Киров, вытирая тыльной стороной ладони закопченное лицо...

В тот же день Серебровский телеграммой известил

Ленина о случившемся и ходатайствовал об объявлении благодарности всем инженерам и рабочим, принимавшим участие в ликвидации грозной опасности, а также о награждении Рустамбекова, Мамиконянца, Сорокера, Васенгейма и Кузьминского «за самоотверженную работу в обстановке явной опасности для жизни». «Добыча понижена на шестьдесят тысяч в сутки»,— сообщал он.

Через день, когда уточнили, что добыча понизилась не на шестьдесят, а на сто двадцать тысяч пудов в сутки, послал Ленину вторую телеграмму, прося разрешить «Азнефти» немедленно продать через Батум масло и керосин для спешной закупки за границей технического оборудования, необходимого для восстановления выведенных из строя сураханских промыслов. «Не сомневаюсь,— писал он,— ввиду крайней необходимости, в Вашем благоприятном ответе и прошу Вашего сообщения как мне, так и представительству Внешторга в Тифлисе и Батуме, так как купцы имеются налицо».

Не дожидаясь помощи из России, сураханцы принялись восстанавливать сгоревшие промыслы. В первую очередь решили исправить продуктивные скважины, чтобы поскорее пустить их в ход. Плотники передвинули на них вышки с соседних буровых. Техническое оборудование — компрессоры, трубы — временно сняли с менее важных промыслов. Передали «погорельцам» кое-что из предназначавшегося «Солбазу».

Остановка лучших, продуктивных сураханских скважин сильно сказалась бы на общей апрельской добыче «Азнефти», если б не выручила скважина № 115 на Биби-Эйбате. Это была скважина, еще при бывшем хозяине не добуренная до пласта. Серебровский решил добурить ее вращательным способом. Ни мастер Мамед Агаджан, ни его помощник Моисей Лифшиц, ни бурильщики Андрей Максимов, Кули Усейн и Али Агабала до этого не видели станка вращательного бурения. Поэтому в присутствии Кирова и Серебровского начали роптать:

— Зачем нам этот станок? Что мы будем делать с ним?

— Кто-то должен же начинать,— ответил Киров.— Начнете вы, а потом и все буровые перейдут на вращательное бурение. За ним — будущее.

Осваивали и пускали станок с помощью инженера Весененко. Трудностей было много. Часто приходилось менять переработанные, с испорченной нарезкой трубы, то и дело засорялся насос, и порода плохо вымывалась

из скважины. В феврале начали, а к началу апреля добурили. Вынули инструмент, опустили обсадные трубы и принялись желонкой растартывать пласт. Извлекали чистую воду с песком.

В тот день на промысле предстоял митинг протеста против кабального ультиматума, предъявленного капиталистами делегатам Советской России на Генуэзской конференции. Заканчивалась смена, вот тартальщик опрокинул желонку, и из нее потекла рыжая вода с жирными капельками нефти и пузырьками газа. Мастер велел повторить тартание. С каждым разом цвет жидкости бурел, наконец он стал черным, жирным, похожим на зернистую икру.

— «Икра» пошла! — обрадовались бурильщики.

— Моисей, беги звони Серебровскому! — на радостях крикнул Мамед Агаджан.

Над устьем скважины заклокотал султан нефти. Он подымался все выше, наконец тугая струя, сорвав доски вышки, с ревом вознеслась высоко в небо.

Участники начавшегося митинга, не дослушав оратора, бросились к фонтанирующей буровой. Зачем говорить речи, когда вот он, ответ господам капиталистам — «Генуэзский фонтан»!

28 апреля бакинцы получили телеграмму В. И. Ленина:

«...Ознакомившись с фактами необычайного героизма и самоотверженности, проявленными рабочими и инженерами промыслов, локализовавшими пожар в обстановке огромной опасности для жизни, от имени Советской России считаю своим долгом выразить благодарность рабочим и инженерам Сураханских нефтяных промыслов. Такие факты героизма лучше всего показывают, что, несмотря на все затруднения, несмотря на непрерывные заговоры эсеровско-белогвардейских врагов рабочей республики, Советская республика выйдет победителем из всех затруднений».

Газету с телеграммой Ленина передавали из рук в руки, ее читали на летучих митингах и собраниях, и не только в Сураханах — на всех бакинских промыслах и заводах. Плотники, слесари, бурильщики с других промыслов, даже с Биби-Эйбата, расположенного в другом конце Апшерона, в свободное время спешили в Сураханы, чтобы помочь товарищам.

...Накинув на широкие плечи халат, уста Пири неловко вошел в палату сабунчинской больницы. С того дня, как он вынес с промысла Данила, он приходил сюда еже-

дневно и каждый раз испытывал чувство неловкости и душевной боли. Данила трудно было узнать: вместо лица — красная, обезображенная маска.

Поставив на тумбочку узелок с домашним обедом, приготовленным женой, уста Пири вытащил из кармана газету и нарочито бодро сказал:

— Ай Данил, какую весть я принес тебе! Ленин-киши прислал нам благодарность! — И прочел телеграмму.

Маска дрогнула, наверное, Данил хотел улыбнуться. Зашевелилась щелка рта, послышался слабый голос:

— Спасибо, брат...

— Знаешь, я решил вступить в партию. А как же иначе! Вот поправишься и дашь мне рекомендацию.

Данил прикрыл веки, слабо проговорил:

— Мне уже не встать... А ты... непременно вступай... Живите счастливо...

— Ай Данил, что ты глупости говоришь! — скрывая боль, пожурил уста Пири.— Нам с тобой еще такие дела предстоят!

Но из больницы Данил не вернулся...

...В журнале скважины № 36, с которой начался сураханский пожар, появилась короткая запись: «Выбыла». Остальные сгоревшие скважины оживали одна за другой. Совнарком РСФСР выделил Азербайджану 500 миллионов рублей, с Украины шли составы с трубами, из Астрахани — баржи с лесом.

Серебровский специально ездил на несколько дней в Москву, чтобы ускорить получение помощи. Вернувшись в Баку, он систематически сообщал В. И. Ленину о ходе восстановительных работ.

6 мая: «...восстановление промыслов продвигается вперед несколько медленно по причине недостатка денег, но за последние дни добыча поднята уже до 490 тыс. пудов в сутки... Надеемся к половине мая достигнуть добычи 520 тыс. пудов... В ближайшие дни включим скважины № 14, 1375 и 115. Дело включения новых скважин тормозится отсутствием труб...»

14 мая: «...добыча, уменьшившаяся по причине поджога, снова восстанавливается и достигла 500 тыс. пудов в сутки, продолжая далее подниматься по мере восстановления сгоревших скважин и пуска в ход новых, законченных бурением. Однако наша работа будет сорвана, если Советская власть не разрешит нам немедленно и самостоятельно выступать на внешних и внутренних рынках. На основании опыта работы последних двух

лет докладываю, что другого выхода нет и быть не может».

15 мая: «Пятнадцатого мая промыслы, сгоревшие десятого апреля, восстановлены. Добыча на сегодня 520 тыс., то есть снова достигла мартовской нормы. Повышение продолжается».

Нобелю потребовались годы, чтобы восстановить добычу нефти после такого же пожара в 1912 году. Бакинские нефтяники, несмотря на лишения и нехватку оборудования, сделали это всего за сорок дней!

Высшей наградой — орденом Трудового Красного Знамени отметил их подвиг ВЦИК. В его постановлении отмечалось:

«Награждая в лице рабочих и служащих бакинских нефтепромыслов настойчивость, энергию и ревностное исполнение долга, рабоче-крестьянское правительство ставит деятельность эту в пример другим работникам на обширном поприще народного хозяйства республики, дабы ряды сознательных, самоотверженных борцов за великое дело укрепления и развития коммунистического строя ширились и множились с каждым днем»...

1 декабря 1922 года в коллегии Верховного трибунала АзЦИКа началось слушание дела тридцати двух эсеров, членов партии халгчи и их пособников, обвинявшихся в противоправительственных преступлениях, саботаже и поджогах. Десять дней в переполненном зале выступали обвинители, защитники, свидетели, эксперты, обвиняемые. На суде приводилась цифра, опубликованная Серебровским в печати: 1 318 800 рублей золотом — такова была сумма ущерба, причиненного «Азнефти» пожарами.

Пятеро обвиняемых, непосредственных участников поджогов, были приговорены к расстрелу, остальные — к различным срокам заключения, от года до пяти лет.

ТОРГОВАТЬ РАЗРЕШИЛИ

Летом Серебровского вызвали в Москву. 20 июня ГУТ учредило Закавказско-Закаспийское областное отделение по топливу — Закавтоп с местопребыванием в Баку, назначив его начальником Серебровского. Закавтопу было передано ведение всех топливных вопросов: планового, технического и учетно-статистического характера.

На следующий день Красин пригласил на совещание в Наркомвнешторг начальника ГУТа Смилгу, Серебровского и начальника «Грознефти» Поляка.

От московской коиторы «Азиефти», расположенной иа Ильинке, 5, где останавливался Серебровский, до высокого серого здания Наркомвнешторга на углу той же улицы — рукой подать. Серебровский не виделся с Красиным со времени переезда в Баку. Леонид Борисович часто оказывался за границей по торговым и дипломатическим делам. То в Эстонии, где заключил «первый мирный трактат с РСФСР», то в Лондоне, где подписал торговый договор, по определеиию Лениеа, «имеющий всемирное значение». Вот и теперь Красии недавио вернулся с Генуэзской конференции, а вскоре должен был ехать иа Гаагскую. Они знали друг друга с 1905 года, Серебровский тогда входил в боевую техническую группу при ЦК партии большевиков, которой руководил Красии.

Леонид Борисович встретил Серебровского приветливо. Внешне он оставался таким же: высокий, стройиый, элегантно одетый. Но время и нечеловеческое перенапряжение сил сделали свое: прибавилось морщин на лице, глубже стали залысины над высоким, умным лбом, поседели виски.

Красин расспрашивал о Баку, тепло вспоминал время (а это было начало века), когда ои, химик по образоваиию, сделался заправским энергетиком, строил на Баилове электростанцию, руководил бакинским подпольем, принимал участие в создании подпольной типографии «Нина», распространял «Искру».

Серебровский придавал совещанию большое значеиие. Ему предшествовало заседание Политбюро (22 мая), на котором был принят проект В. И. Ленина о сохранеиии монополий внешней торговли при условии расширения торговых связей с заграницей. Что предпримет Красин?

— Монополия внешней торговли,— говорил ои,— представляет собой крепкую ограду, которую пролетарское государство поставило по всей своей граиице как защиту против экономической интервенции со стороны капиталистического мира... Если мы допустим хотя бы малейшее отступление от принципа единства руководства внешней торговлей, то уже в самом близком будущем получится такая путаница, из которой ие будет иикакого выхода...

Вместе с тем Красии допускал возможность участия отдельных организаций в торговле иа внешиих рынках, но под контролем НКВТ. Участиики совещаиия подписали постаиовление «Об экспорте нефтепродуктов за гра-

ницу». В нем было записано, что «осуществление продажи нефти и нефтепродуктов на внешнем рынке — в соответствии с монополией внешней торговли — есть задача исключительно НКВТ». Но следующий пункт гласил: «НКВТ передает осуществление экспорта нефтепродуктов учрежденному при НКВТ обществу «Нефтеэкспорт», в котором участвуют ГУТ, «Азнефть» и «Грознефть». К вящему удовольствию последних.

Через неделю правление «Нефтеэкспорта» назначило Серебровского своим уполномоченным, предоставив ему право действовать в Закавказье, Персии, Турции (без Константинопольского вилайета), Сирии, Палестине, Персидском заливе, Болгарии, Италии, Африке и на всем побережье Средиземного моря.

Тогда же ВСНХ в целях производства торговой продукции создал Всероссийский нефтяной торговый синдикат, в составе ГУТа и нефтедобывающих районов Азербайджана, Грозного и Эмбы.

И вот Серебровский, приезжавший в Москву в качестве начальника «Азнефти», возвращался еще и начальником Закавтопа, уполномоченным «Нефтеэкспорта» НКВТ и «Нефтесиндиката» ВСНХ! Не заезжая домой, он отправился в Тифлис, к Орджоникидзе, доложить о своих успехах. Но встреча не состоялась, и, вернувшись в Баку, он написал ему письмо:

«Дорогой тов. Серго! Когда я был в Тифлисе, я не имел возможности сделать тебе личный доклад. В Москве мне удалось добиться от Красина разрешения торговать за границей. Теперь мы перебрасываем в Батум до 12 млн пудов керосина и 2,5 млн пудов масла. Не хватает резервуаров. Так как «Азнефть» является теперь экспортной конторой, то все резервуары в Батуме нужно передать нам, иначе мы погорим — будем платить дорого, да и дорога не имеет достаточной емкости резервуаров. Все равно в Батуме резервуары фирмы «Олеум», Манташева и Касп.-Черн. о-ва стоят пустые...»

И Батум стал крупнейшим в стране нефтехранилищем «Азнефти» и экспортным портом ее нефтепродуктов.

Словом, многого добился Серебровский. Казалось бы, можно было успокоиться. Но не такой он был человек, чтобы остановиться на полпути к цели. Вся предыдущая жизнь революционера научила его бороться до конца, мобилизуя на это все силы. И эта борьба дала свои результаты. 30 сентября 1922 года Серебровский писал из Москвы С. Кирову, секретарю Бакинского комитета

партии Л. Мирзояну и заместителю начальника «Азнефти» М. Баринову:

«За последние месяцы благодаря энергичной поддержке бакинских рабочих и партийных организаций «Азнефти» удалось не только отстоять свои позиции в области внешней и внутренней торговли, но и расширить их. Под давлением из Баку начгут Смилга подписал 23 сентября соглашение с «Азнефтью», расширив права последней по внутренней торговле, и 25 — по внешней. После долгих колебаний иаркомвнешторг Красин согласился подписать приказ НР 199 от 28 сентября и циркулярное письмо НР 6496, дающее право «Азнефти» свободно продавать за границей излишки нефтепродуктов и приобретать необходимые материалы лишь с последующим контролем. В настоящее время есть возможность еще больше расширить права «Грознефти» и «Азнефти» в смысле полной эмансипации от ГУТа, с чем высшие партийные органы согласились. Ввиду иеобходимости для «Азнефти» такого освобождения от ГУТа прошу общебакинскую конференцию обсудить этот вопрос и вынести свое авторитетное постановление по примеру прежних конференций, постановления которых ныне воплощены в жизнь. В заключение считаю своим долгом принести глубокую благодарность партийным и рабочим организациям Баку за их весьма основательное давление на Центр в смысле получения «Азнефтью» денег. Деньги частью получены и отправлены в Баку, частью будут получены до 5 октября. Закуплены и заказаны технические материалы на шестимесячную потребность: ремни, трубы компрессорные, обсадные, сукио, ботинки и т. д. Один маршрут НР 7 уже отправлен, два маршрута НР 8 и 9 готовят к отправке».

Получив деньги, Серебровский развил бурную «купеческую» деятельность. С Ильинки, 5, летели телеграммы в отделения «Азнефти»:

«Нижний. Немедленно наймите, отправьте Баку пятьдесят плотников на всю зиму». «Харьков. Прислать Баку труб компрессорных два с половиной дюйма все, сколько есть». «Ростов. Поездом иомер пять Корнеева получите двести миллиардов на погрузку... протолкните хлеб Баку». «Грозный. Баку деньги есть, покупайте картофель, пшеницу, ячмень, отправляйте Баку».

В те дни Орджоникидзе был в Москве. Серебровский переговорил с Серго по телефону: «Завтра я еду в Баку. Тов. Л. Б. Красин дал согласие на иаши заграничные

операции по продаже и закупке с последующим контролем НКВТ. Инцидент кончился к благополучию нашему».

Но кончился ли?

Через день после возвращения в Баку Серебровский зашел в редакцию «Бакинского рабочего», к Чагину. Петр Иванович, не выпуская трубки изо рта, чиркал синим карандашом статью. В кресле сидел бритоголовый человек. Увидев Серебровского, Чагин поднялся.

— А, Саша, здравствуй! А мы только что о тебе говорили. Вот, знакомься: Придворов Ефим Александрович.

— Демьян Бедный,— незнакомец пожал Серебровскому руку, а тому мгновенно вспомнились его строки:

Случайный гость в Баку, в нем не пробыв трех дней,
Я рвусь назад в Москву, где сердцу все милей.

— Приехали, значит?

— Да, потянуло, знаете ли, к Чагину-«выручагину». Как говорит Володя Маяковский, «Кто куда, а я в Петину газетину»,— шутливо ответил Бедный, глядя на похохатывающего, с трясущимся брюшком Чагина. И Серебровскому: — Наслышан о вас. В «Правде» Мария Ильинична говорила, что вы тут чудеса творите...

— Какие уж там чудеса! — махнул рукой Серебровский, польщенный, однако, таким высказыванием Марии Ильиничны Ульяновой.— «Азнефть» мается, как безглазое дитя у семи нянек!

— Что так? — поинтересовался Демьян Бедный.

— Семь учреждений спорят за честь управлять «Азнефтью».

— Но разве ты не добился своего? — спросил Чагин.— Мироныч показывал мне твое письмо.

— Если ты читал мое письмо, то должен помнить, я писал там о возможности «полной эмансипации от ГУТа».

— Да, да, вспоминаю что-то такое.

— До коих пор «Азнефть» будет дойной коровой?..

— «Азнефть» — корова дойная,— подхватил Д. Бедный.— Хорошее начало фельетона!

— Готовь материал, будем ставить вопрос в газете!

Серебровский извлек из кармана статью, положил ее на письменный стол. Чагин принялся читать.

— Вот, вот, это правильно! — закивал он и прочел вслух: — «Торговый аппарат «Азнефти» и «Грознефти», так называемый Российский нефтесиндикат подчинен ГУТу, а не «Азнефти». Аппарат по продаже за границей подчинен Внешторгу, а не «Азнефти». Почему это так

сделано, совершенно непонятно и вредно нефтяной промышленности, нужно немедленно эти аппараты передать «Азнефти» и «Грознефти»...» — Чагин хлопнул рукой по статье.— Дадим в ближайшем номере!

— Могу соорудить в номер фельетон,— вызвался Демьян Бедный.

— Строк двадцать — тридцать,— предупредил Чагин.

— Все скряжничаешь,— дружески пожурил редактора поэт.

15 октября в газете был напечатан фельетон «Нефтекорова»:

Азнефть — корова дойная,
Доходней нет статьи —
Покорная, спокойная,
Кто хочет, тот дои...
Баржи к корове тянутся,
Цистерны к ней бегут.
С коровкой не расстанутся
Ни Нефтьэкспорт, ни ГУТ...
Коровниц — семь, не шуточки.
Сошлись на общий сход,—
Что можно в три минуточки,
Решают третий год.

В том же номере пошла и статья Серебровского.

ПРИЕДУТ ЛИ АМЕРИКАНЦЫ?

Еще в ноябре 1921 года, будучи в Лондоне, Красин после встречи с вице-председателем Барнсдальской корпорации Мезон Деем известил Серебровского, что американец намерен вскоре приехать в Баку, чтобы на месте продолжить разговор о концессии, начатый с Серебровским в Константинополе. Одновременно Красин сообщил сведения о Барнсдальской корпорации: основана в 1850 году миллионером Барнсдалом с капиталом 30 миллионов. Входит в число предприятий фирмы «Синклер», находящейся под влиянием «Стандарт», является его замаскированным отделом.

В январе 1922 года, находясь в Москве, Серебровский узнал, что Мезон Дей с группой инженеров прибыл в Константинополь, а оттуда должен приехать в Баку. Серебровский сообщил об этом Ленину. Владимир Ильич знал, что год назад с председателем этой корпорации Робертом Лоу велись безуспешные переговоры о финансировании концессионных предприятий на Северном Кавказе и в За-

кавказье, поэтому скептически отнесся к предстоящему приезду Мезон Дея.

— Этот американец,— говорил он Серебровскому,— как вы сами знаете, подставное лицо, «агент для поручений», и он обязательно вас надует, потому что у него самого ничего нет. Держите ухо востро! Но если приедет, ведите разговоры серьезно, покажите ему Баку, дайте возможность его инженерам подробно познакомиться с истинным положением на промыслах...

Серебровский выехал из Москвы в Батум, чтобы встретить американцев. Вместе с Бариновым, Рустамбековым и Анной Ивановной (в качестве переводчика) он возил иностранцев не только на Биби-Эйбат, первоначально предназначавшийся к сдаче в концессию, но, памятуя совет В. И. Ленина, и на другие промыслы старой Балахано-Сабунчинской площади. Что греха таить, Серебровский пытался обратить внимание гостей на все хорошее, чтобы показать им, каких успехов добились бакинские рабочие за два года национализации,— ведь Генуэзская конференция только еще предстояла, и в связи с ней на Западе велись разговоры о неумении большевиков хозяйствовать и необходимости возвратить промыслы их бывшим владельцам. Но американские инженеры были людьми дела. Они не без гордости говорили, что принадлежат к числу «свободомыслящих» американцев, к так называемым «self made man», то есть к людям, которые своим собственным трудом достигли известного положения, работая по двенадцать часов в качестве рабочих, ключников или буровых мастеров. Так что успехи (они же не видели бакинских промыслов в апреле двадцатого года!) мало удивили их, а вот истинное положение, постановка дела привели в ужас. Они, как на азиатскую диковинку, смотрели на долотья ударного бурения, на тартальщиков, извлекавших из скважины желонку, на открытые земляные амбары, в которых из нефти улетучивались ценные легкие фракции.

— Вы хищники! — горячился эксперт по бурению Моррис... — Вы сидите на золоте, а ходите нищими! Весь мир, кроме вас, перешел на вращательное бурение, на глубокие насосы. А как вы храните нефть? Вы же пускаете на воздух газ и бензин!..

А Мезон Дей тактично помалкивал. Ему, коммерсанту, эмоции были чужды, он смотрел и прикидывал, какую выгоду может почерпнуть его фирма в Баку. После двухдневного осмотра промыслов он удовлетворенно сказал:

— О'кей! Баку — золотое дно, и мы поможем вам делать золото.

Он также сказал, что теперь отправится в Америку, чтобы организовать там финансовую и техническую сторону дела, а осенью приедет заключать договор...

12 мая вечером Серебровскому позвонили с Биби-Эйбата:

— На сорок седьмой фонтан!

— Еду!

«Сорок седьмая,— подсказала память,— одна из тех, что бурится вращательным способом на глубину пласта «эр» в средней части XIV горизонта».

Фонтан — это всегда радость и тревога: в считанные часы тысячи пудов нефти заполняют все емкости, заливают землю окрест — только успевай собирать! Но если вовремя не укротить его, не спрятать струю в трубы, то достаточно малейшей искры, чтобы она вспыхнула гигантским факелом. В радостно-тревожном состоянии прибыл Серебровский на промысел.

Тугая струя нефти, перемешанной с песком, выбросила из забоя бурильный инструмент, разнесла в щепы верхнюю часть вышки и теперь с оглушительным ревом била в высоту.

Заведующий промыслом Черномордиков — его трудно было узнать: весь залит нефтью, только глаза блестели — подошел к Серебровскому.

— Какой фонтан, а, Александр Павлович! — восторженно крикнул он.— С девятисотого года не помню такого.

— С какой глубины? — прокричал Серебровский ему на ухо.

— Четыреста двадцать пять сажен!

Серебровский только к рассвету уехал с промысла, пока рабочие не закрыли устье скважины фонтанной арматурой.

Телеграфировав Ленину о фонтане, он признался, что по программе ГУТа «Азнефти» было запрещено вращательное бурение на Биби-Эйбате, «но по совету геологов мы начали его и получили благоприятные результаты в буровой № 13, закончили буровую № 15 и с приличными результатами и, наконец, обнаружили мощные залежи при бурении скважины № 47. Прошу обратить особое внимание на богатства Биби-Эйбатской площади». И тут же, пользуясь случаем, просил денег на бурение в бухте, где, по его словам, «ожидается невероятная по своей величине добыча».

Через две недели в Москву, Ленину, полетело сообщение Серебровского о новой победе бакинских нефтяников: 25 мая состоялось торжественное открытие первого советского промысла имени Кирова.

В тот день с утра вереница автомобилей потянулась из города в Сабунчи. Киров, Нариманов, Мусабеков, Караев, Султанов — все правительство, партийные и профсоюзные руководители, представители всех управлений «Азнефти», делегации рабочих с других промыслов съехались на солдатский базар, где поднялось одиннадцать вышек, расположенных в шахматном порядке на расстоянии тридцати саженей друг от друга, так что весь промысел просматривался насквозь. В каждой вышке — станок вращательного бурения, электромотор. Между вышками — полотно узкоколейки, ровные дороги с электрическими столбами по обочине. В стороне — герметически закрытые серебристые резервуары.

Гости шли от вышки к вышке и не могли скрыть своего восторга образцовым промыслом, сооруженным за каких-нибудь пять месяцев на пустыре «Солбаза»,— так разительно отличался он от соседних старых сабунчинских и балаханских промыслов. Гости присутствовали при торжественном пуске в эксплуатацию двух законченных бурением скважин: первые пуды легкой маслянистой нефти потекли по трубам в отстойники.

Днем, когда вернулись в город, Киров предложил:

— Заедем-ка к Потоцкому.

О нем Киров вспоминал не впервые. 9 апреля, вернувшись из Москвы с XI съезда, он задал Серебровскому свой традиционный вопрос: «Что с нефтью?» — и, конечно, поинтересовался, как решился вопрос с инженером.

Серебровский доложил, что Потоцкий на свободе, что приказал зачислить его в штат инженеров «Азнефти», установить ему оклад и паек. А спустя два дня к нему в кабинет вошел высокий человек.

— Я — Потоцкий,— сухо представился посетитель.— Пришел заявить, что в ваших подачках не нуждаюсь.

— Вы садитесь, садитесь, пожалуйста... — Потоцкий остался стоять.— Почему же подачки? Вы зачислены на должность инженера...

— Извольте отменить приказ! — нервно потребовал Потоцкий.— Я не намерен работать в «Азнефти»!

— А где вы намерены работать? — спросил Серебровский, не зная, что ответить.

— Это не ваша забота... Нигде! — раздражение его росло.— Я не хочу служить большевикам!

Серебровский молча посмотрел на бледное лицо Потоцкого.

— Вам виднее... Считайте паек своим пенсионом. Вы заслужили его многолетней, безупречной работой.

— За свою работу я уже получил по заслугам! — саркастически усмехнулся Потоцкий.— Отмените приказ!..

На следующий день прибежала жена Потоцкого, плакала, просила простить мужа, говорила, что после ареста он ожесточился, сидит безвылазно в комнате, как в камере, а они так бедствуют. Серебровский оставил приказ в силе.

— Сломали мы человека, наплевали ему в душу,— горько сказал Киров, выслушав рассказ Серебровского.— Пусть отойдет, успокоится...

Теперь, когда он предложил заехать к Потоцкому, Серебровский понял, что после пуска первого советского промысла Мироныч намерен форсировать работы по созданию промысла на Биби-Эйбатской бухте. Он и сам подумывал о том же и даже кое-что предпринял в этом направлении: приказал геологоразведочному бюро начать исследование пород и составление геологических карт, а начальнику финансового управления «Азнефти» — забронировать всю золотую и иностранную валюту исключительно на строительные работы в бухте.

Потоцкий жил в крепости, на Большой Минаретской, 23. Со времени приезда в Баку ни Киров, ни Серебровский не бывали в этой старой части города, называвшейся «ичери шахар» — «внутренний город». Но из окна своего кабинета Киров каждый день видел серое, тесное скопище плоских крыш, минареты и купола Дворца ширваншахов на холме, черную громаду Девичьей башни против бульвара, остатки потемневшей от времени зубчатой крепостной стены вдоль Губернаторского сада и Коммунистической улицы.

Киров был поражен, когда на узких, как расщелины, улицах, рядом с убогими домишками увидел трех-, четырехэтажные красивые добротные дома.

На зеленых воротах висел молоточек в виде женской руки. Постучали. Калитка отворилась. Жена Потоцкого, вытиравшая передником мокрые руки, растерялась при виде гостей (Кирова она узнала по портретам), пригласила войти во двор — небольшой, залитый киром, с тутовником посреди.

— Паша, а к нам гости,— сказала она, войдя в полутемную комнату.

— Можно, Павел Николаевич? — спросил вошедший следом Серебровский.

— Войдите, коль пришли,— Потоцкий отложил книгу и поднялся, чуть не касаясь головой низкого потолка.

«Прямо Меншиков в Березове»,— мысленно усмехнулся Киров.

— А я не один. Знакомьтесь: Киров, Сергей Миронович.

— Наслышан,— оглядел он улыбчивое лицо «главного большевика» и неохотно пожал его протянутую руку.

— Киров... Мы оторвали вас от занятий? Что читаете? А-а, Есенин!

— Дочь увлекается,— как бы оправдываясь, ответил Потоцкий.— Чем могу служить?

— Думаем начать работы на Бухте...

— Но я уже говорил товарищу Серебровскому,— запротестовал Потоцкий, но Киров перебил его.

— Знаю. Мы пришли не уговаривать вас, а посоветоваться.

— Павел Николаевич, вы давно не были на Бухте? — спросил Серебровский.

— Давно...

— Съездили бы, посмотрели. «Засыпка» превратилась в сплошную топь, одни лужи и ямы.

— Естественно! Работы прерваны пять лет назад. Надо засыпать топь песком и щебнем.

Серебровский кивнул.

— Но где взять их? Подвоз из других мест влетит в копеечку и задержит ход работ.

Потоцкий помедлил с ответом.

— Биби-Эйбатская котловина окружена отрогами высоких холмов. В свое время мы взрывали их на стройматериалы.

— Понятно! Ну а бухточка на «засыпке», ее что, специально оставили?

— «Ковш»? — оживился Потоцкий.— Просто руки не дошли. Мы успели осушить только двести четыре гектара из двухсот пятидесяти. Вы намерены засыпать «ковш»?

— Пока освоим «засыпку». А тогда и за «ковш» примемся.— И лукаво прищурил глаз.— Если вы поможете.

— Возьметесь? — просто спросил Киров.

— Не знаю... После этого... все подумываю уехать из Баку. Только море не отпускает. Ночами снится.

Когда вышли на улицу, Киров уверенно сказал:

— Придет, никуда не денется: Бухта — смысл его жизни.

...Утром 10 августа сотни землекопов, каменщиков, плотников и чернорабочих пешком и на арбах потянулись на Бухту, и «засыпка» огласилась голосами, стуком лопат, грохотом ссыпаемых камней, чавканьем грязи под босыми ногами, ржанием лошадей. Управляющий Бухтой Джалалов, его помощник Апресов, заведующий пятым промыслом Биби-Эйбата Черномордиков (за ним была закреплена средняя часть Бухты), прорабы и десятники распределили людей по участкам. Работа началась! Одни засыпали лужи и грязь, другие сооружали грунтовые дороги, третьи забивали в грунт сваи, прокладывали дощатые мостки, чтобы доставлять материалы и оборудование к месту работы. Плотники приступили к строительству вышек. Было решено построить пятьдесят скважин, расположенных треугольником, широким основанием к старому берегу. Часть лесоматериала и оборудования подвозили на небольших судах.

Киров и Серебровский приезжали сюда каждый день. И в любое время они заставали здесь замначальника «Азнефти» Михаила Баринова — грузный, вислоусый, в очках, он неустанно вышагивал по Бухте с одного участка на другой.

Однажды, глядя, как рабочие носят материалы по шатким мосткам и грязи, Киров недовольно сказал Баринову и Джалалову:

— Вы и дальше намерены так вести работу? Этак дело не пойдет. Нельзя же, чтобы люди на себе таскали бревна! Пора подумать о строительстве узкоколейки...

...Серебровского в те дни не было в Баку: в начале сентября его срочно вызвали в Москву, туда приехал Мезон Дей с проектом договора.

Встретился Серебровский с американцем по-приятельски. Еще до обсуждения договора в Главном концессионном комитете Мезон Дей ознакомил Серебровского с текстами договоров на бурение и на эксплуатацию.

Барнсдальская корпорация бралась поставить буровые станки, насосы и трубы для бурения двадцати скважин в Балаханском районе на площади четыреста десятин, требуя за это долевое отчисление в размере двадцати процентов валовой добычи нефти. Бурение первых десяти скважин намечалось начать через полтора года, то есть в январе 1924-го. По второму договору корпорация

получала право насосной эксплуатации не менее ста старых скважин при долевом отчислении пятнадцати процентов валовой добычи. Договор был рассчитан на пятнадцать лет и шесть месяцев, по истечении срока все американское оборудование должно безвозмездно перейти к «Азнефти».

20 сентября в Главконцесскоме состоялось подписание договора, и его передали на ратификацию в Совнарком РСФСР. Мезон Дей уехал, а Серебровский задержался, чтобы решить другие вопросы.

В начале октября в Главконефти Серебровского познакомили с сообщением, полученным из Парижа.

...Во время Гаагской конференции Франко-бельгийский синдикат, продолжавший недоверчиво относиться к «Шелл», пытался созвать совещание, чтобы достигнуть взаимного соглашения о защите «законных» прав всех заинтересованных в деле бывших собственников нефти в России. Это удалось сделать 29 сентября в парижской конторе «Шелл». На совещании присутствовали Детердинг, Нобель, бывшие бакинские миллионеры Лианозов, Манташев, Чермоев, братья Гусаковы, представители Франко-американского и Франко-бельгийского синдикатов, «Грознефти», «Русской нефти», «Терской нефти», «Каспийского товарищества», «Сураханского общества», общества «Волга».

Образовав единый фронт для защиты прав и интересов бывших собственников нефти в Российской империи, участники совещания приняли «Нефтяную клятву»:

«...Присутствующие с удовольствием констатируют и вполне разделяют предложение представителя «Шелл», сводящееся к следующему:

1. Недопустимо, чтобы какая-нибудь из заинтересованных сторон наносила ущерб, прямо или косвенно, существующим интересам и приобретенным правам других владельцев, лишенных собственности советским законодательством.

2. Эксплуатация нефтеносных земель возможна только при условии восстановления в правах и владениях всех заинтересованных и на одних условиях.

3. Нефтеносные земли, принадлежащие государству, представляют общий фонд, необходимый для развития всей нефтяной промышленности, и как таковые они не должны браться кем-либо из заинтересованных в индивидуальные концессии, без общего на то согласия...»

Прочитав эту клятву, Серебровский выругался:

— Устроили шабаш! Делят шкуру неубитого медведя!.. Чего доброго, возьмут в оборот барнсдальцев...

Серебровский собирался обратно в Баку, когда ему сообщили, что его хочет видеть Ленин. 6 октября, вечером, он отправился к нему на квартиру.

В столовой встретила Мария Ильинична, предупредила:

— Александр Павлович, Владимир Ильич еще слаб. Пожалуйста, не говорите с ним о делах. Ни слова о пленуме! Держитесь бодро, попытайтесь развлечь его.

Волнуясь, Серебровский переступил порог комнаты. Больно сжалось сердце при виде болезненно-желтого исхудалого и постаревшего лица Ильича. Только глаза его оставались прежние — живые, с искоркой. Серебровскому стало досадно и стыдно за решение пленума, хотя оно и устраивало его. Он понимал, что Ленин будет бороться, как боролся почти в одиночку за Брестский мир. Но тогда он был здоров. Какое же напряжение потребуется ему теперь!

— А, вот и вы! — поднялся Ленин из-за письменного столика.— Ну-с, докладывайте, как дела, как ваш американец? — бодро потребовал он, усаживая Серебровского.

«Ну вот попробуй не говори с ним о делах!»

— Все хорошо, Владимир Ильич. Договор мы подписали. Теперь они у нас на крючке.

— Вы уверены? А на это что скажете? — и Ленин протянул ему письмо, написанное по-английски.

Председатель Барнсдальской корпорации Роберт Лоу благодарил Ленина за любезный прием, оказанный Мезон Дею в Баку и Москве, писал, что поручил техническому персоналу проработать детали договора, чтобы дать возможность реализовать его на месте в ближайшем будущем. Когда именно, не писал. О сроке выезда инженера обещал сообщить дополнительно.

— Вам не кажется, что это письмо является вежливым отклонением вопроса? Не откажутся ли они от своих обязательств под влиянием комитета Детердинга? — пытливо спросил Ленин.

— Нет, Владимир Ильич, не откажутся.

— Вы уверены?

— А как же! Мы же кормили их кутумьими головами. А бакинцы говорят: «Кто съест голову кутума, непременно вернется в Баку».

— Весьма убедительно! — принял шутку Ленин, по-

няв, что Серебровский уклоняется от серьезного разговора.— Ну а если всерьез?

— Точно, Владимир Ильич, приедут! Видели бы вы, как у них разгорелись глаза, когда я возил их по промыслам. А как они честили меня, будто своего нерадивого приказчика. «Вы хищник, вы нищий миллионер!»

— И поделом,— заметил Ленин.— Не умеем мы хозяйствовать и учиться у капиталистов не хотим! Значит, нищий миллионер? Ну, ну!..— Ленин задумался о чем-то, глядя в окно, на кремлевский двор.— Ну а как живется бакинским рабочим? Трудно, голодно?

— Сейчас, Владимир Ильич, мы их приодели, подкормили.

— Что же вы глаза отводите?

«Ну разве его обманешь?»

— Да, Владимир Ильич, пока трудностей много,— признался Серебровский.— Но стало куда легче, чем было. Партийные организации Баку, Сергей Миронович, да и мы, азнефтинцы, много сделали для улучшения положения рабочих. Как бы то ни было, бакинские рабочие трудятся самозабвенно, всю душу вкладывают в работу. Видели бы вы, какой образцовый советский промысел создали на «Солбазе», как осваивают «засыпку» на Бухте! А кем только они не избрали вас! Вы и почетный член Бакинского Совета от всех бакинских организаций, вы и тартальщик, и шофер, и электромонтер, и плотник, и кустарь-ремесленник, и караульщик нефти, и мездрильщик кожзавода, и боец пехотного отделения, и моряк-каспиец. Причем с полагающимся жалованием.

Ленин похохатывал, отмахиваясь рукой.

— Многовато, многовато... Ах, даже с жалованием?

— Рабочие требуют точного исполнения вами всех предписаний врачей.

— Увольте, не управлюсь... Вы уж замолвите за меня словечко перед товарищами рабочими...

— А может быть, вы сами напишете им пару слов, Владимир Ильич?

— Да, да, напишу,— Ленин обернулся в кресле к письменному столу и размашисто написал на листке бумаги:

«Москва, 6/X 1922.

Дорогие товарищи! Я только что выслушал краткий отчет тов. Серебровского о положении Азнефти. Трудностей в этом положении очень не мало. Посылая вам свой горячий привет, прошу вас ближайшее время про-

держаться всячески. Первое время нам особенно тяжело. Дальше будет легче. Победы мы должны добиться и добьемся во что бы то ни стало.

Еще раз шлю вам лучшие коммунистические приветы.

В. Ульянов (Ленин)».

Промакнув написанное, протянул письмо Серебровскому.

— Передайте бакинским рабочим.

Это была последняя встреча Серебровского с Владимиром Ильичем.

Спустя годы Серебровский вспоминал:

«Больше я не видел Ильича, но когда мне было тяжело в жизни, когда я уставал так, что не мог больше работать, я вспоминал его лицо, его глаза, его простой разговор, его ласковое отношение к людям... И мне снова становилось легко, я снова мог работать сколько угодно и готов был пробить головой любую стенку, чтобы добиться победы».

Письмо Ленина всколыхнуло весь Баку. Его читали на митингах, собраниях, конференциях. Серебровский ездил с промысла на промысел, с завода на завод, рассказывал о встрече с Владимиром Ильичем, о его здоровье, говорил, что обещал от имени бакинцев, что в будущем году они выполнят производственную программу и дадут стране двести пятьдесят миллионов пудов нефти. И бакинские рабочие клялись в этом Владимиру Ильичу. В Москву летели телеграммы: «Мы, рабочие и крестьяне Сураханского района...», «Мы, рабочие-горняки Бинагадинского района...», «Мы, рабочие и служащие Балаханского района Бакинских нефтепромыслов...», «Мы, рабочие и служащие Фабрично-заводского района...» — все давали вождю «честное пролетарское слово преодолеть все трудности и добиться победы».

Делегация бакинцев, поехавшая в Москву на празднование пятой годовщины Октября, повезла в подарок В. И. Ленину макет старой деревянной и серебряную модель новой вышки с выгравированными на ней словами: «Дорогому тов. В. И. Ленину. От бакинских рабочих и «Азнефти». 7.XI.22. На память о нефтяной промышленности», а также альбом с фотографиями первого советского промысла имени Кирова и строительных работ на «засыпке» Биби-Эйбатской бухты.

1 ноября на засыпанной Бухте торжественно пустили в ход первый станок вращательного бурения, а 27 ноября

состоялся многолюдный митинг, и рабочие постановили назвать сооружаемый промысел Бухтой имени Ильича.

В тот день, стоя на трибуне-времянке и слушая речи ораторов, Серебровский то и дело поглядывал на дорогу. На это обратил внимание стоявший рядом Рустамбеков.

— Кого ищете, Александр Павлович?

— Потоцкого... Думал, уж в такой-то день придет.

— А вы разве не слышали?

— Что такое?

— Слепнет он.

— Как это слепнет? А что врачи?

— Говорят, на почве сильного нервного потрясения... Бессильны помочь. Рекомендуют показаться московским светилам.

— Так за чем же дело стало? Надо организовать поездку. Напишите письмо наркому здравоохранения. Надо сделать все, что возможно!

Врачи оказались бессильны — Потоцкий совсем ослеп.

Тогда же, в ноябре, Серебровский узнал неприятную новость. В Париже на заседании «Парижского комитета» обсуждался вопрос о покупке нефтепродуктов, предлагаемых Советским правительством. Детердинг заявил, что готов войти в соглашение со всеми заинтересованными, чтобы покупать нефтепродукты сообща. Против этого возразили французы, бельгийцы и бывшие нефтевладельцы. Этот вопрос, говорили они, должен быть рассмотрен с точки зрения бойкота «всеми легальными мерами импорта русских нефтепродуктов». Комитет просил «Шелл» взять на себя инициативу переговоров со «Стандарт» и Англо-персидской (Иранской) компанией, не входившими в «Парижский комитет», чтобы и они присоединились к бойкоту русской нефти. Генри Детердинг собирался встретиться с Джоном Рокфеллером и попытаться склонить «Стандарт» к бойкоту.

«Если «Стандарт» присоединится к «Парижскому комитету»,— беспокойно думал Серебровский,— он может воспрепятствовать Барнсдальской корпорации иметь дело с нами».

СВОИМИ СИЛАМИ

Американцы все-таки приехали. 5 марта 1923 года батумским вагоном прибыли уже знакомые нам Мезон Дей, Чадборн, Браун, Файер и другие специалисты.

Их принял председатель Совнаркома Азербайджана Газанфар Мусабеков, сменивший на этом посту Наримана Нариманова, избранного одним из председателей ЦИК СССР. На встрече присутствовали С. М. Киров, председатель АзЦИКа Агамали оглы, А. П. Серебровский, руководящие работники «Азнефти».

— Хорошо ли вас устроили? Нет ли претензий? — на правах гостеприимного хозяина спросил Мусабеков.

— О, все о'кей! — ответил Чадборн.— То, что мы здесь увидели, превзошло все наши ожидания. Мы поражены улучшением общего положения в сравнении с прошлым годом.

Мусабеков довольно закивал, поглаживая усы.

— А с чего думаете начинать, если это не секрет фирмы?

— Мы приступили к ознакомлению с условиями работ, изучением недр,— ответил эксперт по бурению Миллер.

— Пока начинаем на третьем промысле Балаханов,— дал справку Серебровский.

— Наши инженеры постараются вместе с инженерами «Азнефти» возможно скорее выработать программу работ,— заверил Мезон Дей.

— К сожалению,— начал представитель фирмы «Люсей» Файер,— в Америке создавалось много препятствий против нашей работы в России. Но мы люди свободолюбивые,— напомнил он не без гордости,— и обязались в течение текущего года поставить барнсдальцам в Баку бурильные агрегаты, глубокие насосы и прочее оборудование на сумму полтора миллиона долларов.

— Должен напомнить,— пояснил Мезон Дей,— что наш договор не является концессией, как неправильно комментировали его некоторые газеты. Но я согласен с мистером Лениным, что предложенная нами работа является первой ласточкой новой эры экономических взаимоотношений между США и Советским Союзом.

— Будем надеяться, что эта работа повлечет за собой дальнейшее развитие дружественных отношений между нашими странами,— поддержал Киров.

— Аминь! Да поможет нам Бог! — заключил Мезон Дей...

На третий промысел Балаханов часто приезжали буровые мастера со всех промыслов, даже с Биби-Эйбата и Биннагадов. «Мироныч прислал поучиться»,— шутливо говорили они. Не без зависти смотрели бакинцы на аме-

риканцев, на их желтые каски, синие комбинезоны и резиновые сапоги. И без всякой зависти наблюдали, как они работают: не выкладываясь и не суетясь, ровно до пяти часов вечера, и ни минуты больше, потом принимали душ (в складной, резиновой кабине) и уезжали в город.

Бакинцы покачивали головами.

— Нет, брат, такая вольготная жизнь не про нас. Много ли они наработают такими темпами?

— Станки ж еще не завезли.

— А завезут?..

Полным ходом шли работы на Бухте Ильича. «Азнефть» держала их под особым контролем.

По-прежнему большую часть своего рабочего времени проводили на Бухте М. В. Баринов и директор промыслов Ф. А. Рустамбеков. Ему даже была выдана доверенность Серебровским:

«На основании доверенности, выданной мне Главным Управлением по Топливу (ГУТ) 13 февраля 1923 г., явленной в Первой Государственной нотариальной конторе в Москве 21 февраля 1923 г. по реестру 5336, поручаю директору Промыслов «Азнефти» инженеру Ф. Рустамбекову, за полной его личной и имущественной ответственностью, высшее руководство всем делом добычи нефти, газа и др. полезных ископаемых на промыслах «Азнефти».

Внимание к людям, чуткость, участие в их судьбе были так характерны для Серебровского, что народ шел к нему с любыми вопросами. В начале 1923 года по обвинению в халатном отношении к делу был арестован брат Ф. Рустамбекова — директор тифлисской конторы «Азнефти» Шахбаз Рустамбеков. Узнав об этом, Серебровский ездил в Тифлис, встречался там с Орджоникидзе и начальником ЗакГПУ Могилевским, просил разобраться в деле. Выяснилось, что веского повода для задержания нет, было обещано, что Шахбаз будет освобожден. Но время шло, а он оставался в заключении. Дома у него, конечно, горе. Мать в слезах. Фатуллабек ходил сам не свой. И Серебровский вновь телеграфирует Орджоникидзе:

«Тифлис. Заккрайком РКП. Орджоникидзе.

История ареста Шахбаза Рустамбекова обходится около миллиона пудов нефти в месяц, так как его брат Фатулла подавлен совершенно и работать не может. Убедительно прошу повлиять на Могилевского выпол-

нить данное им обещание об освобождении Шахбаза. Вопрос настолько для «Азнефти» серьезен, что прошу убедительно его разрешения».

Шахбаз Рустамбеков вышел на свободу, снова возглавил тифлисскую контору «Азнефти».

Не одному Рустамбекову помог в беде Серебровский. Сохранилось его письмо начальнику Особого отдела 11-й армии Панкратову: «Рыжков владеет большим опытом в деле погрузки и вывоза нефтепродуктов, вот почему Нефтеком обращается с просьбой об освобождении Рыжкова», и еще: «Дорогой Серго! Очень прошу тебя выслушать тов. Лаврентьева, который приехал к тебе по делу Атабекяна. Убедительная просьба сделать все, что возможно. Атабекян — отличный работник. Его следует отпустить хотя бы на принудительные работы»...

Со дня на день должно было начаться бурение на скважине № 2. На ней работала бригада мастера Ежова. Однажды на ночную смену вышли только двое: Никанор Иванов, бывший балтийский матрос, машинист на «Громобое», штурмовавший Зимний, и сельский парень Азиз, остальные — кто захворал, кто прогулял. А работа предстояла не из легких. Днем подвезли бурильные трубы и свалили метрах в сорока от буровой, подходы к ней затоплены, вокруг непролазная грязь. Надо было подтащить их, сложить на стеллажах и мостках, двоим не управиться.

— Что будем делать, Азиз?

— Курить будем,— пожал плечами парень.

Посидели, покурили...

...На рассвете трубы штабелем лежали на мостках, а Иванов и Азиз, усталые, сидели рядом и курили. Азиз затягивал шпагатом развалившиеся чарыхи, ругаясь по-азербайджански.

Неожиданно перед ними выросла фигура в солдатской шинели и забрызганных грязью сапогах.

— Здорово, братки! Чем занимаетесь? Перекур?

— А ничем! Мы уж отзанимались.— Иванов указал на трубы.— Вон, смотри, аж из-за канавы перетащили!

— Вдвоем? — усомнился Серебровский.— Как же вы смогли?

— А голова на что? — усмехнулся Иванов.— По-морскому! Обмотали тросом и с помощью блоков и ворота приволокли,— с удовольствием пояснил он.

— Молодцы, ребята! — Серебровский смотрел на развалившиеся чарыхи Азиза, и ему опять вспомнились бо-

сые ноги тартальщика Гуляма Али — тот бастовал, а этот всю ночь таскал трубы. Да, сознательность у людей заметно изменилась, а положение — нет...

К концу смены бригадира Ежова вызвали в контору и вручили приказ: начальник «Азнефти» объявлял ему выговор, а рабочим Иванову и Азизу — благодарность. К приказу были приложены два талона на ботинки.

Однажды Серебровский издали увидел на самом берегу «ковша» Потоцкого. Подошел ближе.

— Николай Павлович? Что вы здесь делаете?

— Слушаю,— ответил Потоцкий, обернувшись на голос и глядя на Серебровского невидящими глазами.— Я ее, сердешную,— широко обвел он рукой,— с десятого года вершок за вершком обошел. И слепым вижу ее.

— Вы предупредили бы...

— Благодарствую. В поводыре не нуждаюсь,— спокойно перебил Потоцкий.— Помнится, вы говорили о засыпке «ковша». Так я набросал проект.— Он протянул на голос Серебровского листок бумаги с довольно-таки точно нарисованными очертаниями «ковша», отрезанного от моря широкой, прямой полосой.— Предлагаю перегородить бухту плотиной, вода окажется в мешке, и мы выкачаем ее насосами.

— Так, так, просто и остроумно...

— Не так уж просто. Придется связать камни цементом в огромные глыбы и краном опустить в том месте, где будем возводить плотину.

— Вот с кранами дело табак.

— Построим деревянные. А подвозить глыбы будем на катамаранах — сдвоенным киржимам шторм не страшен.

— Вы все продумали!

— У незрячего много свободного времени...

Проект одобрил Киров, его обсудили на совещании правления «Азнефти». Потоцкого назначили заместителем управляющего конторой.

Этот проект был отмечен в Москве на Всесоюзном конкурсе на лучшую стройку. Автора премировали путевкой в санаторий.

Три года длилась засыпка «ковша», и Потоцкий приезжал на Бухту каждый день, в любую погоду. За самоотверженную работу он был награжден в 1931 году орденом Ленина. Скончался Николай Павлович весной 1932 года. По воле покойного его похоронили на Бухте, среди вышек,— Каспий так и не отпустил его...

Из Парижа поступило сообщение, которое не могло не порадовать Серебровского, да и всех бакинских нефтяников.

Детердинг по болезни не смог съездить в Америку, чтобы склонить «Стандарт» к бойкоту советских нефтепродуктов.

А в конце марта в Париже грянул гром: «Шелл» уведомил партнеров по «Парижскому комитету», что вынужден купить русские нефтепродукты, «наличность коих угрожает ниспровергнуть рынок в пропасть». Детердинг заверял, что не нарушает сентябрьской «клятвы», так как в ней речь шла о нефтеносных землях, а не о нефтепродуктах.

Партнеры, естественно, запротестовали. В середине апреля было созвано специальное заседание. Детердинга убеждали, что если Советское правительство сможет продавать нефтепродукты, то оно не будет чувствовать себя вынужденным возвратить национализированное имущество бывшим собственникам. Но «Шелл» настаивал на своем: ему выгоднее покупать русские нефтепродукты, чем получить нефтеносные земли: восстановление предприятий со всем оборудованием по Волге потребовало бы больших затрат капитала, а это даст меньший доход, чем прибыль от торговли экспортными товарами. Словом, сам Детердинг сорвал бойкот. (Вслед за ним и другие кинулись скупать советские нефтепродукты, и уже к концу 1923 года образовалась очередь за получением ордеров на бакинское масло...)

Говорят, пришла беда — отворяй ворота. Но почему не говорят, что и радость не приходит в одиночку? Месяцем радостных событий был май 1923 года.

1 Мая, рано утром, на Баиловском пятачке, перед зданием райкома партии, стали собираться по-весеннему нарядные люди. Развевались флаги, гремел любительский оркестр Дома культуры.

Прозвучала команда, и полуторатысячная колонна направилась к Бухте Ильича. Начался митинг, посвященный началу работы этого промысла. Его открыл председатель Союза горняков А. А. Никишин. С праздничного митинга из Балаханов приехал Серебровский. В своей речи он говорил о том, что новый советский промысел сыграет важную роль в дальнейшем восстановлении нефтяной промышленности.

— Сейчас товарищ Ленин болен,— говорил Серебровский.— Недавно, в день рождения Ильича все нефтяники

послали ему приветственные телеграммы с пожеланием скорейшего выздоровления. Пусть сообщение о торжественном открытии промысла на отвоеванной у моря суше порадует его, поможет ему скорее преодолеть недуг!..

Молодой художник Салам Саламзаде подарил бухтинцам портрет Владимира Ильича. По предложению рабочих Ленина избрали почетным тартальщиком...

В пятницу, 25 мая, вышел юбилейный номер «Бакинского рабочего». На первой полосе, рядом с названием газеты, стояли цифры «1920—1923». Под ними крупно набранное слово «НЕФТЬ». Вместо передовицы — постановление ВЦИК от 16 апреля 1922 года о награждении бакинских рабочих орденом Трудового Красного Знамени. В центре полосы — большой портрет А. П. Серебровского — знакомый всем нефтяникам. Под портретом — три рисованные вышки, одна выше другой. Между ними по диагонали через всю страницу: «3 года работы», а под ними цифры роста добычи нефти: «1920 — 21—VI — 152.244.000 п., 1921—22—VI — 167.980.000 п., 1922—23—VI — 200.808.000 п.».

Номер был напечатан на двенадцати полосах, из них на семи — помещены портреты героев труда, очерки, стихи, посвященные трехлетию национализации нефтяной промышленности. В статье «Своими силами», перечислив успехи «Азнефти», Петр Иванович Чагин писал:

«И всего этого мы достигли и достигаем нашими собственными силами, нашими собственными средствами — без чьей бы то ни было посторонней помощи, без «благосклонного внимания и содействия» иностранных капиталистов, без концессионных «медвежьих услуг».

Эта мысль красной нитью проходила через все остальные материалы номера: статьи Серебровского и Никишина, очерки о Биби-Эйбате и Сураханах, о «Солбазе» и Бухте Ильича, о черном и белом городах и даже через стихи Владимира Маяковского:

...Если в будущее
                    крепко верится,
Это от того,
          что до краев
Изливается
          столицам в сердце
черная
     бакинская
               густая кровь.

В тот день рано утром Киров позвонил Серебровскому.

— Поздравляю, именинник! Читал газету. Хорошо отметили! Скоро подъедете? Мы с Марусей готовы...

Машины выехали за город, по направлению к горе Степана Разина...

Три месяца назад Киров, Серебровский, работники Баксовета и профсоюзов вместе с архитекторами объездили окрестности Баку, наметили площадки будущих рабочих поселков. Один из них решили строить возле Бинагадов, второй — за Фабрично-заводским районом и третий — у горы Степана Разина. Место было выбрано удачно: защищенное горой от шальных ветров, рядом с так называемым «нефтяным участком» узкоколейной железной дороги Баку — Сабунчи — Сураханы, проложенной еще в 1880 году.

Серебровский ревниво следил, чтобы архитекторы отразили в проектах его давнюю мечту — создать поселок-сад. И вот мечта начала сбываться. У подножия горы Степана Разина был заложен фундамент первого коттеджа нового поселка его имени.

Вечером того же дня в Государственном театре состоялась конференция Союза горняков, посвященная третьей годовщине национализации нефтяной промышленности. Лучшим, передовым рабочим были вручены ценные подарки, талоны на костюмы и ботинки...

Спустя три дня — новая радостная весть: на третьем промысле Сураханов, там, где год назад бушевал пожар, из скважины № 55 пошла нефть с суточным дебитом пятнадцать тысяч пудов!

Обо всех успехах Серебровский спешил доложить В. И. Ленину.

Но май принес не только радости.

На Бухте закончили бурение скважины № 1, а ...нефти не оказалось! Вместо нее извлекли из пласта брекчию — пустую вулканическую породу. То же самое повторилось на соседних буровых. Сомнений не оставалось — под Бухтой погребен грязевый вулкан, каких много на Апшероне и под дном Каспийского моря. Иногда эти вулканы оживали, выбрасывали столько брекчии, что на море образовывались новые острова, как, например, Песчаный.

Руководители промысла, геологи и буровики приуныли. Столько сил и средств затратили на Бухту, назвали именем Ильича, обещали ему «невероятную по своей величине добычу нефти», и все оказалось блефом! Кому отвечать за это? Между геолого-разведочным бюро

и отделом бурения начались споры. Пришлось вмешаться Ф. Рустамбекову. Геологи признали, что среди пород, отбиравшихся буровиками из скважины, они не распознали присутствия брекчии. Больше всего досталось молодому геологу А. Меликову. Ему приходилось отбиваться на многочисленных совещаниях в Горном округе, Союзе горняков и Промысловом управлении. Среди руководства и специалистов послышались голоса о свертывании работ. Этого добивался в первую очередь начальник Горного округа Зубков. Он осаждал Серебровского, звонил Кирову, доказывал, что продолжать бурение преступно.

На Бухту приехали Киров и Серебровский, осмотрели скважину и породы, извлеченные из нее. Меликов говорил, что в геологической литературе нет упоминаний о подобном феномене, они впервые на практике столкнулись с ним, и тоже высказался за прекращение буровых работ.

— Но если не будете бурить, как вы нащупаете жерло? — спросил Киров.— Наоборот, надо бурить, чтобы оконтурить пораженный вулканический участок.

Кирова поддержал Совет нефтяной промышленности ВСНХ. Крупный ученый-геолог Д. В. Голубятников, начавший исследовательскую работу по геологии Апшерона еще в 1903 году и руководивший буровыми работами на Бухте, выехал в Москву с докладом на заседание совета. Председатель совета И. М. Губкин высказался за продолжение работ на Бухте.

Решили часть скважин законсервировать, заложить новые буровые в точках, подсказанных старыми рабочими и Потоцким.

В сентябре на Бухте побывал М. В. Фрунзе, приезжавший в Баку. В беседе с корреспондентом «Бакинского рабочего» он сказал:

«Пользуясь любезностью товарища Серебровского, я объехал с ним почти все промыслы и большую часть заводов. Полтора года тому назад я посетил Балаханский и Сабунчинский районы и помню то довольно тяжелое впечатление, которое у меня осталось тогда от жизни и состояния этих заводов. Теперь я был положительно поражен размахом и размером работ, проделанных «Азнефтью» за это время... Всякий, кто познакомится с результатами работы по восстановлению бакинских промыслов, ни на минуту не усомнится в том, что дело это находится в надежных руках, что нечего думать о

передаче в чужие руки этого дела, даже на самых выгодных, заманчивых условиях.

Мне представляется, что проживающие в Баку американцы очень внимательно следят за темпом восстановительных работ, и я думаю, что донесения, посылаемые ими своим господам, американским промышленникам и банкирам, будут далеко для последних не утешительными, ибо надеждам на захват иностранными капиталистами наших нефтяных богатств, очевидно, положен конец...»

Михаил Васильевич был прав. Если в начале года бакинцы с любопытством наблюдали за работой барисдальцев, то теперь те приезжали на Бухту, следили за ходом работ и ободрительно кивали: «Вери гуд!»

Иную реакцию вызвало увиденное у группы американских сенаторов, приезжавшей в те же сентябрьские дни 1923 года. Серебровский показал им Бухту, потом повез на «Солбаз». Должно быть, достижения бакинцев испортили им настроение, и, когда Серебровский предложил посмотреть поселок Разина, где уже поднялись под крышу первые коттеджи, глава группы сенаторов мистер Кинг отказался:

— Мы утомлены, у нас мало времени.

Между тем бурение на Бухте продолжалось, и все с нетерпением ожидали его результатов.

А Горный отдел продолжал настаивать на прекращении работ. Зубков бомбардировал телеграммами Москву. Вскоре из ВСНХ пришел приказ прекратить бесперспективные работы.

Серебровский кинулся к Кирову. Сергей Миронович подключил Орджоникидзе. «Нефть есть,— уверял он,— нефти много, надо ее добыть! А эти шептуны ставят нам палки в колеса». Серго обещал написать в Центральную Контрольную комиссию. Одновременно Киров велел Серебровскому ехать в Москву и добиться отмены приказа.

Перед отъездом Серебровский написал Орджоникидзе:

«Дорогой Серго! Посылаю тебе мой ответ начальнику Главного горного управления тов. В. М. Свердлову по поводу доклада ему, сделанного начальником Бакинского горного округа т. Зубковым... Прошу тебя ознакомиться с настоящими верными цифрами, но, пожалуйста, ничего не предпринимай без Сергея Мироновича. Сергей Миронович хочет еще кое-что выяснить. Жму руку. Твой Серебровский».

Работы на Бухте, несмотря на запрет, продолжались. Баринов сидел там безвылазно. А недра скрывали свое богатство.

Приехав в Москву, Серебровский обивал пороги ВСНХ, ГУТа, Горного управления, но безрезультатно. Вопрос о Бухте передали на рассмотрение ЦКК РКП(б).

Серебровский зачастил туда. 6 ноября он узнал, что вопрос решен и дело только за товарищем Сольцем, который должен подписать приказ о прекращении всех работ и привлечении к партийной ответственности виновных.

«Хорош праздничный подарочек! — огорчился Серебровский.— Как я посмотрю Миронычу в глаза? Не смог отстоять!..» — с такими невеселыми мыслями он вернулся в Закпредство. Здесь его ждала телеграмма Кирова: «На Бухте фонтанирует скважина № 16».

Серебровский кинулся в ЦКК, влетел в кабинет:

— Товарищ Сольц, на Бухте фонтан! Вот, читайте!

Судьба Бухты была спасена...

В канун шестой годовщины Великого Октября, выступая на торжественном заседании Бакинского Совета, С. М. Киров говорил:

«Несколько месяцев назад одна почтенная американская компания предложила нам услуги в деле наиболее современных способов бурения нефтяных скважин, и мы эти условия приняли. Но теперь мы видим, что ловить за фалды заокеанских бурильщиков нам не приходится. И то, что они немного замешкались, что до сих пор целые полгода везут к нам станки и никак не довезут, особенной беды не вызовет. Ибо мы собственными силами добились уже того, что за вчерашний день, в канун седьмого года Советской власти добыли 700 000 пудов нефти, отчасти благодаря тому, что скважина № 16 на Бухте за каких-нибудь несколько часов дала несколько десятков тысяч пудов фонтанной нефти...»

Бухта Ильича заговорила вовсю. Вскоре ударил фонтан на буровой № 23, а за ней и на буровой № 5.

Под Каспием воистину оказалось золотое дно!

ЕЩЕ ТРИ ГОДА

В начале осени 1924 года Серебровский по заданию председателя ВСНХ СССР Ф. Э. Дзержинского ездил в Европу и Америку для ознакомления с постановкой нефтяного дела и закупки оборудования. Л. Б. Красин выдал

ему «открытый лист» и перевел на первоначальные расходы полмиллиона золотом.

Серебровский с Анной Ивановной побывали в Англии, затем отправились в Америку. Вместо авторского повествования приведем воспоминания самого Александра Павловича:

«В Нью-Йорке я посетил наше торгпредство, показал т. Хинчуку разрешение Красина, чем привел их в восторг, так как в то время больших закупок в США не было. Наше представительство заключило со мной договор покупать для «Азнефти» оборудование и техматериалы, принимать его, следить за упаковкой и отправкой. Денег для покупки Хургин не имел, а у меня было только полмиллиона. Платежи за оборудование я должен был обеспечить в соответствующие сроки, и это я думал устроить при помощи «Стандарт» из выручки за сдаваемые ему нефтепродукты.

Я отправился к «Стандарт» в их огромный «Белый дом» в Манхеттене у Батарейной площади.

«Стандарт» согласен был показать мне свои промыслы и заводы. Насчет помощи в покупках сказали, что могут порекомендовать мне своих поставщиков, платить им по их счетам и по моим акцептам из тех сумм, которые причитаются «Азнефти» за сданные или за те, которые будут сданы в Батуме, нефтепродукты для них. Но даже всемогущий Тегель категорически отказался предоставить какие-либо гарантии поставщикам, ведь это по американским условиям равнялось предоставлению «Азнефти» долгосрочного кредита. Вопрос о платежах мог решить только сам Рокфеллер. Тегель хотел, чтобы я непременно поговорил со стариком, тот и сам хотел повидаться с председателем «Азнефти», очень крупного концерна даже с точки зрения «Стандарт».

Старик почти всегда жил в одном из загородных имений. Проехав верст сто от Нью-Йорка, свернули в парк, огороженный забором с красивыми воротами. Дом был довольно прост, как и вся обстановка, удобная, приспособленная к привычкам старого дельца.

Старик принял меня в своей комнате, где он отдыхал после работы. Он старался не казаться сухим и неопрятным, как мне рассказывали. Обнаружил способность улыбаться, сказал, что теперь время отдыха в его распорядке, но он знает меня как приятного собеседника и уверен, что еще больше отдохнет от нашего разговора.

Я не слышал, чтобы Рокфеллеры делали комплименты.

Он был прекрасно информирован о делах в Баку, о Барнсдальской корпорации, о наших богатствах. Несколько раз подчеркнул, что они готовы поддержать советскую промышленность при условии, если мы будем его союзниками против Детердинга.

Я предложил две комбинации. Первая: он даст гарантийное письмо своему банку оплачивать акцептованные нами счета поставщиков из выручки за наши нефтепродукты. Однако банк не должен брать на это больше 20 процентов из выручки за нефтепродукты, а оставшуюся непокрытой сумму переводить на следующий год трансфертом на наш долг банку.

Рокфеллер долго думал, затем посмотрел на меня внимательно и неожиданно согласился.

Второе: чтобы он дал письмо поставщикам, в котором рекомендовал бы нас как покупателей, ему известных, и рекомендовал давать нам такую же скидку по счетам, как «Стандарт». На это Рокфеллер пошел много охотнее.

Было около пяти, и нам подали чай. Старик налил мне чаю, угостил печеньем с джемом, затем пригласил погулять. Ходил он быстро и долго, полтора часа, обошел весь огромный лесопарк. Я еле поспевал за ним, болела нога.

Мы пообедали вдвоем, затем он пошел разбирать почту, а меня оставил ночевать, как я ни просился в Нью-Йорк.

— Не пущу, я ведь знаю, какие вы все гостеприимные в Багдаде.

Я не стал учить географии старого Рокфеллера.

Утром меня подняли ни свет ни заря. Старик шел гулять перед завтраком и пожелал во время прогулки побеседовать с багдадским нефтяником. После завтрака я распрощался и уехал.

— Почему он так скоро согласился на мои предложения?

— Ему ничего не стоит дать вам согласие на кредит или на гарантии. В худшем случае потеря для него могла быть меньше, чем «дайм» (десять центов) для вас или для меня. К тому же ему понравились ваши ботинки,— ответил полковник Робертс.

Оказывается, Рокфеллеру понравилось, что на одном из моих ботинок была небольшая заплата, и он сказал директору банка: «Этому человеку можно в долг поверить. Он не транжира, не пьет вина, не курит и мне

понравился». Рокфеллер был скряга, и ему нравились люди экономные...»

Тут мы прервем воспоминания Александра Павловича.

Конечно, в каждой шутке есть доля правды. Джону Девисону Рокфеллеру-старшему, сыну конокрада и мелкого мошенника, выбившемуся в миллиардеры, заплатка на ботинке говорила о многом (хотя Серебровский предпочитал разношенную обувь из-за больной ноги). Но суть не в заплатке. Директора банков умеют держать язык за зубами. Однако один из них, разоткровенничавшись, сказал как-то Серебровскому, что банк и до революции вкладывал много денег в русские предприятия товарищества братьев Нобель. Выходило, что Нобели работали на деньги Рокфеллера, их промыслы и заводы в Баку фактически принадлежали Рокфеллеру, были одним из филиалов «Стандарт ойл».

— Старик не дал бы вам ни цента, если б не считал, что теперь на него работаете вы,— он надеется получить свои промыслы обратно в хорошем состоянии.

— Вот как? — усмехнулся Серебровский.

— А как же! Старик знает, что Баку — золотое дно, богаче всякой Калифорнии, и все его затраты со временем окупятся с лихвой.

— Он прекрасно информирован о наших делах.

— Еще бы! Не зря мы продолжаем субсидировать Эмануила и его братьев.

— Какой смысл? Разве связи Нобеля с Баку не прервались?

— Ну как же прервались! Нобель до сих пор платит жалованье своим бывшим бакинским служащим. От них поступает информация в «Парижский комитет» и к старику.

Серебровский намотал на ус это сообщение и, вернувшись в Баку, рассказал Серго и Кирову. Органы заинтересовались «нобелевскими служащими». Дело оказалось серьезнее, чем передача информации,— они занимались экономическим шпионажем.

Но вернемся к воспоминаниям Серебровского:

«После приема у старика все «стандартовские» директора стали ослепительно любезны, открыли доступ на все промыслы и заводы свои, дали письма к поставщикам.

Мы поехали в Пенсильванию, куда из банка сообщили, что мы солидные покупатели. Питсбург — центр

металлической металлургической промышленности США. Там нас встретил председатель компании Д. Броун и повез в гостиницу для избранных, выдержанную в старом голландском стиле, с поддельной старомодной обстановкой, которая в то время считалась особым шиком. Специальные фабрики изготовляли старинные кресла, стулья, диваны, специальные машины обтирали спинки и сиденья, чтобы придать им характер древности.

Осмотрев апартамент из пяти комнат, жена спросила:

— Сколько стоит?

— Ну, я не возьму с вас по знакомству больше шестисот долларов в неделю,— ответил управляющий.

Мы попросили номер «по божеской цене». Таковых не оказалось, и мы поехали в обыкновенную гостиницу.

Броун был озадачен, срочно написал директорам Чейз Банка. Курьеза ради они доложили Рокфеллеру, что у его протеже ни копейки за душой.

Старик пришел в восторг и закричал:

— Вот это черт, а не человек! С ним можно дела делать. Ну и скряга!

После этого ко мне в гостиницу явился Р. Х. Дрисколль и сообщил, что приехал один из директоров банка, просил меня с женой провести день за городом в одном из клубов, где меня познакомят с председателем правления банка, самого крупного в США. Я собирался на завод и отказался. Через пару дней председатель правления банка нанес мне визит, предложил увеличить сумму сделки.

В Пенсильвании осмотрел заводы, изучил организацию технического снабжения, объехал всю так называемую «Нефтяную долину», осмотрел Ойл-Сити, Руэвилль, Петролеум-центр, Титусвиль. Затем побывал в Нью-Джерси, Филадельфии, Чикаго, Детройте, Оклахоме, Техасе, Калифорнии. На промыслах Лонг-Бича я проработал продолжительное время, учился бурить, как лучшие американские бурильщики. Изучал уход за станком, за насосами, за всеми механизмами.

Из Оклахомы вернулся в Нью-Йорк, подвели итог закупленному, я выдал спецификации Амторгу. Срок поставки был 12 месяцев для наиболее сложного оборудования.

Получил чертежи, шаблоны, инструкции. В результате этого изучения написал «Руководство по нефтяной промышленности».

Со «Стандарт» вышел небольшой скандал: оказалось, что сумма заказов намного превышает 20 процентов выручки за проданную нефть. Директор доложил об этом Рокфеллеру. Старик потирал руки:

— А все-таки он вас всех обставил, этот багдадский скряга!

Вернулся директор снова любезный.

Еще полтора года «Стандарт» покрывал платежи по нашим счетам из выручки за нефтепродукты, но выполнял волю старика и процентов с нас не брал...»

По вызову Серебровского из Баку приехали инженеры Ширин, Сунца и Антонов, знакомились с предприятиями и промыслами компаний «Стандарт» и «Синклер». Им предложили поработать рядовыми рабочими в буровых партиях, но они отказались. «Как можно изучить дело, держа руки в карманах?» — недоумевали американцы, видевшие, как Серебровский работал на буровой, выполнял трудную, черную работу.

— Они нужны мне для другого дела,— заступился за инженеров Серебровский (он использовал их для приемки и отправки закупленных товаров и оборудования).— Но если вы согласитесь, мы пришлем других инженеров и рабочих поработать и поучиться у вас.

Фирмы согласились принять сорок человек. Но в госдепартаменте вышла заминка. Там испугались, что рабочие приедут и не захотят уезжать. Наконец под денежный залог согласились допустить двадцать рабочих и десять инженеров.

Серебровский телеграфировал в Баку. Вскоре получил список — фамилии для него оказались незнакомые. Запросил Баринова: «Кто эти люди?» Оказывается, ГУТ решил направить вместо бакинских рабочих... служащих московского аппарата. Серебровский не стал хлопотать о визах, отложив решение вопроса до возвращения в Баку.

Из Нью-Йорка Серебровский с инженерами выехал в город Тулусу (штат Оклахома), где со 2 по 11 октября состоялись международная нефтяная выставка и конгресс. Он выступил с большим докладом, рассказал, как бакинцы из ничего восстановили промыслы и заводы. «Имея наличные деньги,— говорил он,— мы предполагаем обновить наше старотипное техническое оборудование. Весь план переоборудования рассчитан быть законченным в течение ближайших трех лет...»

Доклад вызвал огромный интерес участников кон-

гресса, его полностью напечатали американские, английские, французские нефтяные журналы, а газета «Нью-Йорк таймс» признавала: «Царское правительство имело только хищнические стремления, между тем как правительство Ленина охотно тратит деньги с целью восстановления нефтяной промышленности. Сам Ленин всегда очень интересовался Баку и Грозным и следил лично за отчетами из этих мест...»

Осенью Анне Ивановне стало хуже, и Серебровские решили возвращаться. На борту лайнера, плывшего из Америки в Европу, Александр Павлович начал писать отчет. Облек он его в книгу воспоминаний «Нефтяная и газовая промышленность в Америке».

В Париже полпред Л. Б. Красин порекомендовал Анне Ивановне доктора. Тот посоветовал ей остаться на год, чтобы пройти курс лечения.

Закончив дела по закупкам, Серебровский попрощался с женой и отправился в Лондон, где выпустил свою книгу на русском языке. Лондонский журнал «Ойл-Ньюс» дал ей высокую оценку: «Автор излагает предмет с большим искусством, живо и образно, и книга эта, без сомнения, явится чрезвычайно полезной для многих ответственных работников нефтяного дела в России...»

Из Лондона «заскочил» на несколько дней в Брюссель повидаться с друзьями эмигрантской поры, потом заехал в Берлин, где закупил несколько сот грузовых и легковых автомобилей, и в начале 1925 года вернулся в Москву. Подробно доложил о своей поездке Ф. Э. Дзержинскому. 15 января выступил с публичным докладом в Деловом клубе, где собрались работники нефтяной промышленности.

Вместе с Кировым, приезжавшим в Москву, выехал в Баку. Всю дорогу Сергей Миронович расспрашивал его об американских промыслах.

Из-за сильных заносов поезд пришел в Баку с опозданием. Как и в свой первый приезд в 1905 году, Серебровский увидел город, густо заметенный снегом. Шофер Гасан рассказал, что над Апшероном три дня бушевала метель.

С вокзала Серебровский поехал прямо на Биби-Эйбат, где на шестом промысле бил сильный газовый фонтан.

Через три дня, 31 января, в 11 часов вечера фонтан вспыхнул. Яркий столб огня поднялся над Биби-Эйба-

том. Серебровский находился на пожаре безвылазно и отлучался только на отдельные заседания XIV Бакинской партконференции.

Орджоникидзе, приехавший на конференцию и поездивший по промыслам, отмечал в своей речи:

«...Я не могу не сказать двух слов и выразить своего восхищения достигнутыми в этой области успехами. Несомненно, гордостью бакинского пролетариата является восстановленная нефтяная промышленность, введенные и вводимые технические усовершенствования и блестящие рабочие поселки...»

Но когда делегаты выслушали доклад Серебровского, то поняли, что, несмотря на успехи и достижения, промыслам еще очень далеко до совершенства и как много еще предстоит сделать.

— Я должен извиниться перед нашими старыми специалистами,— говорил Серебровский,— но они в практике своей страшно консервативны. Они танцуют от печки, и притом от плохой — манташевской или шибаевской печи. Если говоришь о конструкции скважин, например, то вытаскиваются старые разрезы лианозовских скважин 1892 года. Эта практика никуда не годится... Нам давно пора перестать быть пожирателями цемента и железа. Нужно, наконец, понять, что железо делают не для того, чтобы зарывать его без толку в землю, цемент тоже может на что-нибудь иное сгодиться, более выгодное, чем бестолковое выливание его в скважину...— Говорить он умел ярко, захватывающе, с присущей ему прямотой, порой резко, порой с иронией и насмешкой, что, конечно, не всем нравилось, но никого не оставляло равнодушным.— В таких громадных объединениях, как компания «Стандарт ойл», введена полная децентрализация, но единство управления остается. Центр управляет, но не вмешивается в детали... Американцы далеко не дураки. Если бы централизованная форма управления давала им какие-либо выгоды, они за нее ухватились бы. Однако они этого не делают... Там бешено работают на местах управляющие и инженеры. А почему? Потому что они не могут иначе. Они отвечают за порученное им дело, они заинтересованы в том, чтобы дело шло вперед и давало доход. Иначе дело станет, будет бездоходным, а управляющего... главное управление выгонит со срамом как неспособного... Технические приемы бурения и эксплуатации там значительно проще, лучше и дешевле, чем у нас... Наше оборудование на

нефтяных промыслах устарело. Его необходимо заменить более... экономичным, и я убежден, что новое оборудование можно построить в пределах советских республик, привезя из-за границы только образцы...

...Пожар был потушен. Киров, Серебровский и Баринов сообщили Орджоникидзе, уехавшему в Тифлис: «Потушить газовый фонтан — дело невозможное для прежних капиталистов. Но рабочие совершили этот подвиг в три дня... Вторник Серебровский будет Тифлисе, доложит подробно и лично будет ходатайствовать о награждении героев».

По докладу Серебровского правительство ЗСФСР наградило большую группу отличившихся на пожаре. Не обойден был и он сам: Президиум АзЦИКа наградил его именными золотыми часами.

7 февраля в клубе «Нефтяник» состоялись торжественные проводы двадцати бакинцев, уезжавших на год в Америку для работы на промыслах и заводах.

Вскоре в Америку отправилось и десять инженеров. Среди них были Иван Опарин и уста Пири Кулиев. Опарин к тому времени занимал пост директора нефтеперегонных заводов «Азнефти».

Уста Пири по совету Серебровского еще в двадцатом году поступил на рабфак, потом его, как хорошего практика, приняли в Промакадемию. К этому времени он передал свой дом в Амираджанах детскому саду, а сам перебрался в Сураханы, поселился в здании правления седьмого промысла. После окончания академии стал помощником управляющего отделом бурения Сураханского района. И первый его успех — знаменитая буровая № 55, имени Ильича, о которой мы уже писали. Вслед за тем другая радость — Фатьма-ханум подарила ему третьего сына. Уста Пири назвал его Данилом, в память о друге-армянине, погибшем на пожаре. После возвращения из Америки уста Пири возглавил в «Азнефти» отдел разведок на новых площадях. Одним из первых удостоился почетного звания Героя Труда...

Из Америки в Баку все прибывало закупленное Серебровским. Огромный двор главного склада «Азнефти» был заставлен ящиками. Чего только не извлекали из них! Оборудование заводов, электростанций, лечебниц, коттеджи, газовые кухонные плиты, стиральные машины и пылесосы (диковинка) — вплоть до игрушек.

Новейшее оборудование, поступавшее из-за границы, преимущественно из Америки, «Азнефть» проверяла в

работе и, объединяя положительные стороны различных типов оборудования, конструировала новый тип, наиболее отвечающий местным условиям работы, налаживала его производство на своих заводах.

Завод им. Шмидта начал выпуск станков вращательного бурения, лебедок и роторов, компрессоров и грязевых вулканов, групповых приводов и фонтанной арматуры. Завод им. Кирова освоил производство лопастных (так называемый «рыбий хвост») и шарошечных долотьев, замков для бурильных труб. Первый глубокий насос был изготовлен в феврале 1924 года на заводе им. Шмидта. На их изготовлении специализировался вновь выстроенный завод им. Дзержинского — его оборудование было закуплено в Америке.

На бакинскую нефтепромышленность работали многие заводы страны. В Сормове и Одессе начали изготовлять станки для вращательного бурения, на московских заводах — глубокие насосы, в Ленинграде — буровой инструмент, в Мариуполе — железо и трубы.

Весной 1925 года Серебровский снова выехал в Европу, 9 апреля в Лондоне он и председатель правления общества «Виккерс» заключили договор на строительство первого в СССР крекинг-завода для переработки мазута...

Немало крови пришлось попортить Серебровскому при строительстве нефтепровода Баку — Батум.

Москва предлагала протянуть нефтепровод Грозный — Новороссийск. Между тем коммерчески целесообразнее был вариант Баку — Батум. К тому же решение вопроса в пользу бакинского варианта дало бы возможность усилить экспорт нефтепродуктов и не дать заглохнуть Баку и Батуму.

Общими усилиями трем друзьям — Орджоникидзе, Кирову и Серебровскому удалось отстоять бакинский вариант, нефтепровод Баку — Батум был построен.

Техническая реконструкция шла и на транспорте.

1 января 1924 года в «белом городе» на станции узкоколейки царило необычайное оживление. Сюда приехали С. М. Киров, секретари ЦК АзКП А. Караев и Р. Ахундов, секретарь Бакинского комитета партии Л. Мирзоян, председатель Совнаркома Г. Мусабеков, председатель АзЦИКа С. Агамали оглы, наркомы, советские, профсоюзные и хозяйственные руководители, знатные нефтяники. Все заняли места в вагончиках, Серебровский поднялся в паровозик, и поезд-«кукушка», протяжно прокричав,

медленно отошел от станции. Александр Павлович в качестве машиниста вел поезд по случаю торжественного открытия кольцевой дороги, протянувшейся из «белого города» от центрального склада «Азнефти» через Сабунчи, Сураханы, Кала и Мардакяны. Кольцевая промысловая дорога была его задумкой, его детищем. Он отовсюду собирал рельсы, шпалы, вагоны, паровозики, то и дело писал Орджоникидзе: «Убедительно просим разрешить «Азнефти» получить десять верст рельс, находящихся в Кутаиси... крайне необходимых для прокладки Мардакянской ветки, предназначенной обслуживать интересы исключительно рабочих»; «Покорнейшая просьба помочь «Азнефти» получить находящиеся в Нотабени 17 крытых вагонов узкоколейки... нужда вагонах огромная ввиду... необходимости ежедневной переброски больших партий продовольствия на промыслы». Серебровский разъезжал по промыслам, наблюдал за строительством дороги, сам участвовал в работе, используя свой военный опыт по восстановлению дорог и мостов.

Со скоростью всего 10—12 верст[1] в час шел спецпоезд по бурой, каменистой степи, мимо редких селений, мимо черного леса буровых. Наконец показался оазис Мардакян. Поезд остановился перед красивым белым зданием вокзала.

«ПРОЩАЙ, БАКУ!»

Прощай, Баку! Синь тюркская, прощай!
Хладеет кровь, ослабевают силы.
Но донесу, как счастье, до могилы
И волны Каспия и балаханский май.

Серебровский обвел красным карандашом эти строки Сергея Есенина, напечатанные в майском 1925 года номере «Бакинского рабочего».

«Давно ли приехал в Баку с мандатом, подписанным В. И. Лениным. И вот прошло уже пять лет»,— подумал Александр Павлович. Приближались торжества «Азнефти», и Серебровский принялся писать доклад о пятилетии «Азнефти». Перо скользило по бумаге, слова выстраивались в строки:

«В течение пяти лет мы проделали первый в мире и первый в истории опыт — опыт постановки крупного со-

[1] Одна верста равняется 1,0668 км.

циалистического хозяйства. Ильич смотрел на наше нефтяное хозяйство, как на крупную единицу в экономике Советского Союза, которая могла бы показать всему миру, что можно строить социалистическое хозяйство не только на бумаге, но и в жизни. Следуя завету и советам Ильича, «Азнефть» показала всему свету, чего можно достигнуть на этом пути. Ленин говорил: стройте отчаянно, стройте «Азнефть» так, чтобы она была образцом для всего нашего строительства. Так мы и строим...»

30 мая вечером состоялось торжественное заседание работников «Азнефти» совместно с делегатами IX азербайджанского съезда горнорабочих. За столом президиума сидели С. М. Киров, Г. Мусабеков, С. Агамали оглы, А. П. Серебровский, М. В. Баринов, Ф. Рустамбеков, Румянцев, седобородый мастер А. Гашимов, другие знатные нефтяники.

Председатель Союза горняков Азербайджана С. Гутин открыл заседание.

Минутой молчания почтили память вождя и тех, кто стоял у истоков национализации — 26 бакинских комиссаров, Нариманова.

Потом С. Гутин и Г. Агавердиев сделали доклады (на русском и азербайджанском языках) о пятилетии Союза горняков, а Ф. Рустамбеков и А. П. Серебровский — о достижениях «Азнефти» за годы национализации.

Александр Павлович говорил о новых промыслах, о поразительной скорости проходки, об удешевлении процесса бурения, о турбобуре и других изобретениях, обо всем, что дало возможность выйти из прорыва и даже продавать бакинские нефтепродукты в Европе дешевле американских.

Аплодисменты слились с мелодией «Интернационала», кто-то выкрикнул:

— Качай «нефтяного короля»!

И сразу несколько человек из президиума и из зала подхватили его на руки, подбросили вверх...

Шутливое прозвище «нефтяной король» закрепилось за ним с легкой руки американской журналистки Анны-Луизы Стронг, приезжавшей в Баку. В феврале «Бакинский рабочий» перепечатал ее статью из «Нью-Йорк таймс», в которой она писала:

«Мне случалось обедать в Нью-Йорке с людьми высокого положения в «Стандарт ойл»... Но только один раз сидела я за столом с нефтяным королем, который жил в двух комнатах. Это было в Баку — на великой советской

нефтяной земле. Нефтяным королем был коммунист Серебровский... Он внес порядок в хаос, оставленный войной и революцией. Он удвоил добычу со времени ее наиболее низкого уровня в 1920 году... Даже инженеры, ранее занимавшие высокое положение в маленьких компаниях и теперь подчиненные Серебровскому, говорили мне с удивлением, что это он с его неутомимым гением внес в хаос порядок... Я разговаривала с ним в Баку раз шесть-семь. К нему легко попасть, но у него нет времени дать вам интервью... Интересно наблюдать за ним, он лично входит во все детали огромного дела. Он знает каждую скважину на промыслах, он слышит приближение каждого фонтана...»

«Нефтяной король», взлетая очередной раз, подумал: «Как бы они не расшибли меня в лепешку». Когда его поставили на ноги, к нему подошел мастер Али Заман Гашимов и сказал:

— Александр, азербайджанцы говорят «кишинин ярашигы папахдыр». Понимаешь? Украшение мужчины — это папаха. Ты — настоящий киши! — и надел на его голову коричневую смушковую папаху.— Носи на здоровье!

Дружно и весело аплодировал зал.

Председатель АзЦИКа Агамали оглы сообщил о награждении героев нефтяного фронта, а председатель Совнаркома Мусабеков зачитал фамилии награжденных ЦИКом СССР орденом Трудового Красного Знамени. Один за другим вышли они на авансцену: Серебровский, Баринов, Рустамбеков, Румянцев, Лаврентьев, Соловьев, Кабанов, Саркисянц, Калмыков, Шир Мамед, Али Заман Гашимов. Еще шестнадцать человек были награждены орденом Трудового Красного Знамени Азербайджана. Среди них — управляющий Бухтой имени Ильича Джалалов, инженеры Капелюшников и Сорокер. Зал долго чествовал награжденных.

Серебровский зачитал постановление, подписанное Ф. Э. Дзержинским:

«...От имени президиума ВСНХ СССР выражаю товарищескую благодарность всем рабочим «Азнефти», руководящему персоналу в лице начальника «Азнефти» А. П. Серебровского, его заместителей Н. И. Соловьева и М. В. Баринова, помощников Ф. Б. Рустамбекова и И. Н. Опарина, всему техническому персоналу и служащим, выполнившим совместными усилиями огромную работу по восстановлению Бакинского района...»

Было письмо и от всесоюзного старосты М. И. Калинина:

«Уважаемый товарищ Александр Павлович!

Азербайджанская нефтяная промышленность, разрушенная за годы империалистической и гражданской войн, несмотря на исключительно тяжелое положение страны, при весьма ограниченном количестве как квалифицированного инженерно-технического персонала, так и необходимых материалов и инструментов, дружными усилиями рабочих масс к пятилетнему юбилею достигла цветущего состояния, которое выделило «Азнефть» из ряда других предприятий Союза Советских Социалистических Республик.

Состоя в должности управляющего Государственным объединением азербайджанской нефтяной промышленности, Вы являлись неутомимым руководителем работ по рационализации бурения, добыче и переработке нефти, давших значительное улучшение нефтяного хозяйства Союза Республик; настойчивым и систематическим блюстителем государственных интересов и финансовой мощи «Азнефти»; первым организатором экспорта нефти и нефтепродуктов за границу, положившего начало завоеванию иностранного рынка русской нефтью.

За исключительную энергию, проявленную Вами при восстановлении азербайджанской нефтяной промышленности, Президиум Центрального Исполнительного Комитета СССР признает Вас достойным награждения орденом Трудового Красного Знамени.

Председатель ЦИК СССР М. Калинин».

Такой же награды был удостоен Фатуллабек Рустамбеков.

После юбилея Серебровский поехал в Кисловодск за Анной Ивановной. Как всегда, весной ей стало хуже. Александр Павлович уговорил ее пожить в Кисловодске и там пройти курс лечения. Она выдержала три месяца и засобиралась домой. И действительно, дома Анна Ивановна будто ожила, снова принялась за переводы, помогала мужу совершенствовать английский язык...

В декабре 1925 года Серебровский в составе азербайджанской делегации выехал в Москву на XIV съезд партии. Газеты подробно сообщали об острой политической борьбе, развернувшейся на съезде, о ленинградской оппозиции...

В отсутствие мужей Мария Львовна и Анна Ивановна частенько коротали вечера вместе. Как-то Мария

Львовна принесла письмо, полученное от Сергея Мироновича:

— Анна, послушай, что он пишет: «...хотел купить тебе вязаную кофточку, или как ее назвать, вроде той, что есть у тебя, но только в сто раз лучше. Не знаю, какой размер, какого цвета, а на авось не стоит покупать». Ну, дальше о съезде,— сказала Мария Львовна и продолжала читать: — «Настроение здесь у меня очень плохое. Из газет ты знаешь, что на съезде у нас идет отчаянная драка, такая, какой никогда не было. Читай аккуратно «Правду» и будешь в курсе дела. В связи с этой дракой здесь стоит вопрос о посылке меня на постоянную работу в Ленинград. Сегодня об этом говорили очень определенно. Я, конечно, категорически отказался. Серго тоже против моей посылки туда. Не знаю, чем это кончится. Через неделю, а может быть раньше, съезд закончится, немедленно выедем домой...»

— Значит, вы уедете? — опечалилась Анна Ивановна.

— Ну что ты сразу нос повесила? — засмеялась Мария Львовна.— Думаю, Серго отстоит его. Не в первый раз...

Да, она не в первый раз получала от мужа такие письма. Казалось бы, совсем недавно он писал: «...выяснилось, что совершенно серьезно стоит вопрос о моем переводе в Туркестан. Делаю все, чтобы не ехать. На будущей неделе в четверг вопрос решится окончательно...» Но Серго отстоял Кирова. И позже он оберегал Мироныча: в марте 1923 года писал Молотову: «Двадцать пятого назначен пленум Заккрайкома, присутствие Кирова абсолютно необходимо. Убедительно просим тебя не настаивать на поездке Кирова в Астрахань»; в ноябре того же года — Молотову и Сталину: «Киров чертовски истрепался и находится в отпуске. Без отдыха ни для какой работы он не годится, а потому прошу заменить его в комиссии по Донбассу другим».

...На этот раз отстоять Кирова не удалось. Прямо со съезда Орджоникидзе и Киров поехали в Ленинград. Вернулся Серго один. Вскоре получил от Кирова письмо:

«Дорогой Серго! Как и следовало ожидать, встретили здесь не очень гостеприимно. Особенно потому, что мы сразу пошли по большим заводам...»

И Серго послал в Ленинград письмо, полное заботы о друге:

«Дорогие друзья!

Ваша буза нам обошлась очень дорого: отняли у нас тов. Кирова. Для нас это очень большая потеря, но зато вас подкрепили как следует. У меня нет ни малейшего сомнения, что вы там справитесь и каких-нибудь месяцев через два все будет сделано, Киров — мужик бесподобно хороший, только, кроме вас, он никого не знает. Уверен, что вы его окружите товарищеским доверием. От души желаю вам полного успеха...

P. S. Ребята, вы нашего Кирыча устройте как следует, а то он будет шататься без квартиры и без еды.

Целую всех. Серго».

С. М. Киров был освобожден от обязанностей первого секретаря ЦК КП Азербайджана 21 января 1926 года. Он первым из трех друзей покинул Закавказье.

А 26 сентября Бакинский Совет на расширенном пленуме устроил проводы А. П. Серебровскому, избранному кандидатом в члены ЦК ВКП(б) и назначенному председателем правления Нефтесиндиката СССР. Были отмечены заслуги Серебровского. В ответной речи Александр Павлович с грустью и волнением сказал:

— Товарищи! Мы с вами работали шесть с половиной лет и начали, можно сказать, с пустяка, с десяти миллионов пудов нефти в месяц. А теперь мы подошли к довоенной добыче. Программа будущего года выше довоенной добычи. То же самое и в перегонке. По бурению мы стоим намного выше. Все это, конечно, сделано руками бакинских рабочих. Теперь мне приходится уходить отсюда с большим сожалением... Но я скажу, что лучшие годы моей жизни, лучшие годы творческой работы, когда мы с вами вместе создали из ничего нефтяную промышленность, прошли здесь, в Баку.

Серебровский ездил по промыслам и заводам, прощался с рабочими, сдавал дела М. В. Баринову.

Однажды, когда он пришел домой, Анна Ивановна сказала, что звонил Серго.

— Он в Тифлисе? — обрадовался Серебровский.

— Да. Просил срочно приехать.

Александр Павлович не заметил, что Анна Ивановна была особенно грустна в этот вечер, не придал значения тому, что, провожая его, крепко поцеловала.

Приехав в Тифлис, пошел в Заккрайком, но Орджоникидзе был очень занят. Под вечер отправился к нему домой, за обедом спросил, зачем Серго вызывал.

— Я всегда рад видеть тебя,— ответил Серго,— но я не звонил Ане...

Орджоникидзе оставил его ночевать. Ночью пришла срочная телеграмма Баринова: «Ане плохо, немедленно возвращайся».

Когда добрался домой, Анны Ивановны уже не было в живых. На ум ему пришла мысль: «Наверное, поездку к Серго она придумала, не хотела, чтобы я присутствовал при ее кончине»...

...Дома, разбирая ящики письменного стола, опять увидел газету со стихами Есенина:

«Прощай, Баку! Синь тюркская, прощай!..»

Встал, подошел к окну, загляделся на город: на зеленую ленту бульвара, на шумную Набережную с позванивающими трамваями, на почерневшую Девичью башню, на Бухту и танкеры у пирсов, на дымы над «черным городом», и шепнул, как другу:

— Прощай, Баку!..

ПОСЛЕДНЯЯ ГЛАВА ЖИЗНИ

Серебровский приехал в Москву к самому открытию XV партконференции. Здесь снова встретились три друга. С. М. Киров к тому времени был секретарем Ленинградского городского и областного комитетов партии и Северо-Западного бюро ВКП(б). Г. К. Орджоникидзе приехал в качестве первого секретаря Закавказского крайкома партии, но уже знал о предстоящем перемещении. Сразу после конференции пленум ЦК избрал его председателем Центральной Контрольной комиссии партии, а через день ЦИК СССР назначил его заместителем председателя СНК, СТО СССР и наркомом Рабоче-крестьянской инспекции.

«Значит, опять вместе!» — радовался Серебровский. Сам он сразу же принялся за дела Нефтесиндиката. Если пять лет назад он, «красный корсар», в Константинополе бакинской нефтью бросил вызов могущественным концернам «Шелл» и «Стандарт ойл», то теперь ему по должности предоставлялась возможность завоевывать мировой нефтяной рынок. В первые же дни он доложил председателю ВСНХ В. В. Куйбышеву свой стратегический план создания за рубежом широкой сети торговых представительств и нефтехранилищ. Коллегия ВСНХ одобрила этот план. Одновременно она назначила Серебровско-

го председателем двух Особых совещаний: по строительству и по машиностроению (что равнозначно двум нынешним министерствам).

Неуемной энергии Серебровского хватало на все. Он налаживает связи между строителями и полукустарной промышленностью стройматериалов, прилагает усилия к реконструкции отраслей машиностроения; находит время перечитать уйму технической литературы и выпускает книгу «Металлопромышленность главных стран Европы»; по поручению ВСНХ изучает положение местной и кустарной промышленности и в мае 1927 года выступает с докладом на объединенном заседании Совнаркома и СТО; в Горной академии возглавляет кафедру и читает лекции по нефтяному делу.

Но уже через полгода ему поручают новое дело.

В июне 1927 года Совнарком СССР учредил акционерное общество «Союззолото». На пост председателя назначили А. П. Серебровского.

Курс на индустриализацию страны требовал технической революции и в золотодобывающей промышленности, чтобы превратить ее из кустарного промысла в механизированную индустрию. Александр Павлович получает разрешение на поездку в Америку для изучения опыта добычи золота из руд.

Оформив в Горной академии полугодовой отпуск, Серебровский в качестве ее профессора отправился в США. Рекомендательные письма старых знакомых из «Стандарт» дали ему возможность исколесить на машине всю Калифорнию, Колорадо, Аляску, посетить рудники, облазить множество шахт, изучить материалы, чертежи, архивы. На большом руднике «Аляска-Джюно» он сблизился с инженером Джоном Литтльпеджем, предложил ему поехать на работу в СССР и пригласить с собой еще нескольких инженеров. Литтльпедж, увлеченный грандиозным планом золотого строительства в СССР, охотно принял приглашение. В Сан-Франциско Серебровский осмотрел заводы гидравлической аппаратуры, в Стэнфорде — учебные заведения, готовившие горных инженеров, в Нью-Йорке присутствовал на конгрессе по золотому делу. Председательствовал на конгрессе Герберт Гувер. Старый знакомый! В свое время именно Серебровский передал Гуверу требование Советского правительства покинуть Россию за деятельность, несовместимую с задачами возглавляемой им АРА — «Американской администрации помощи». Теперь к прежнему

уязвленному самолюбию Гувера прибавилось еще недовольство критическими высказываниями Серебровского о Стэнфордском университете, который возглавлял его брат.

Вернувшись на Родину весной 1928 года, Серебровский изложил в докладах ЦК партии, Совнаркому и ВСНХ план, который предусматривал большие закупки оборудования и техники за рубежом и создание этой отечественной отрасли машиностроения. Предлагалось развивать старые рудники и прииски и начать геологические изыскания в отдаленных районах для строительства новых, заложить там благоустроенные поселки с больницами, магазинами, школами, подсобными хозяйствами, проложить сотни километров автомобильных дорог. Памятуя о положении «Азнефти», Серебровский считал необходимым передать «Союззолото» из рук тех хозяев: ВСНХ, Наркомфина и Госбанка — в одни руки — ВСНХ. Что же касается самого объединения «Союззолото», то оно требовало коренной перестройки, поскольку «потонуло» в потоке исходящих циркуляров и входящих отчетов. Разобраться в истинном положении дел можно было, только побывав на местах. И Серебровский выехал в командировку, затянувшуюся до конца года.

Легко сказать: «побывать на местах». Одно дело нефтяное хозяйство Азербайджана, сосредоточенное на Апшеронском полуострове: за день его можно проехать вдоль и поперек. Золотые же месторождения разбросаны на огромной территории от Урала до Дальнего Востока, от Якутии до Казахстана. Многие рудники и прииски, затерянные в тундре и тайге, отстоят на сотни километров от железных дорог и водных путей. Серебровский добирался до них и верхом, на сменных лошадях, и на оленьих нартах, и пешком. Не раз приходилось ему ночевать под открытым небом. Даже зимой при пятидесятиградусном морозе приноровился спать на земле, нагретой углями костра.

Простота и доступность начальника из Москвы удивляли старателей: ездит один, водки не пьет, денег и золота не требует, лазит, как рабочий, в шахты. Из-за этого даже случались курьезы. Где-то его приняли за монтера, как когда-то в Баку. В другом месте заподозрили в краже чужого удостоверения и вызвали работника ГПУ для установления личности.

Серебровский подолгу сидел на каждом руднике и прииске, не жалея времени, обстоятельно вникал во все

мелочи, говорил с каждым рабочим, техником, инженером, помогал устранять недостатки. Как старатель ищет самородки, так он искал людей, на которых можно опереться. А их было не мало. В Москве Серебровскому говорили, что на Дальнем Востоке он встретит Г. И. Перышкина, «отчаянного партизана, который не хочет служить «Союззолоту». А Перышкин оказался энергичным работником, энтузиастом золотого дела, не щадящим сил для развития золотой промышленности Дальнего Востока, но «не желающим прислуживать бюрократам из «Союззолота».

Сравнивая рудники и прииски Дальнего Востока, Якутии, Сибири и Урала с американскими, Серебровский пришел к глубокому убеждению, что наши несравненно богаче, могут действовать еще много лет. Но старатели-золотодобытчики живут и работают в условиях куда более сложных и трудных. Всюду царит мускульный труд, кирка да лопата. В поселках ни школ, ни амбулаторий. Бани, и те «черные», в землянках.

На Кочкаре Серебровский снова встретился с Джоном Литтльпеджем (здесь его называли Иваном Эдуардовичем), он приехал с женой и двумя дочками. На Дарасуне строил первую флотационную фабрику горный инженер Гарри Вильсон, на Березовском руднике трудился Генри Шик. Добросовестно трудились американцы на русской земле.

В поездке по «глубинке» Серебровскому стало ясно, что руководить из Москвы строительством новой промышленности, организовать все сложнейшее дело транспорта, снабжения и эксплуатации невозможно. И он ставит вопрос о переводе правления «Союззолота» в Восточную Сибирь, поближе к золотодобывающим районам. В решении этого вопроса большую помощь оказал Орджоникидзе. Находясь в Москве, Серебровский навещал его чуть ли не ежевечерне, тем более что и повод для этого был: в февральские дни 1929 года Серго перенес операцию по удалению почки.

В конце марта 1929 года все правление «Союззолота», все его сотрудники с семьямипереехалив Иркутск. В Москве, в Настасьинском переулке, осталось только его представительство.

Переехал, конечно, и Серебровский, хотя из-за этого ему пришлось отказаться от преподавания в Горной академии.

И в Иркутске Серебровский не засиживался в каби-

пете. Оставляя правление на своего заместителя Г. И. Пе-рышкина, он большую часть времени проводил на объектах. Впрочем, не он один — почти все члены правления постоянно выезжали к местам добычи золота.

В 1929 году решился вопрос о передаче «Союззолота» в единоличное ведение ВСНХ. Это дало возможность обеспечить приток специалистов из других отраслей промышленности, разместить заказы на многих заводах, в том числе и на «Красном путиловце». Серебровский ездил в Ленинград заказывать путиловцам драги. И конечно, виделся с С. М. Кировым, состоявшим на партучете на этом заводе.

Началось строительство своих заводов в Иркутске, Красноярске, Новосибирске, на Дальнем Востоке. Пользуясь старыми дружескими связями, Серебровский перевел из Баку для работы на заводах и электростанциях опытных рабочих, механиков, инженеров, выпросил кое-что из оборудования.

В Иркутске открылись первые курсы буровых мастеров. В Москве в Горной академии, в Ленинградском горном институте, в Уральском политехническом и во многих других втузах и техникумах появились первые стипендиаты «Союззолота» — началась подготовка кадров.

17 ноября 1929 года СНК учредил новое Всесоюзное объединение по добыче, обработке и реализации цветных металлов, золота и платины — «Цветметзолото», в которое вошли все предприятия «Союззолота», а также предприятия цветной металлургии и металлообработки, находившиеся в ведении ВСНХ. Председателем «Цветметзолота» и членом президиума ВСНХ назначили А. П. Серебровского.

Хлопот прибавилось. Но удивительно, чем сложнее дело, тем энергичнее становился Александр Павлович и отдавался делу весь, до конца. Мало того, занятый огромной организаторской работой, мотаясь по необъятным просторам, он выкраивал время писать. За год после возвращения из Америки он написал увлекательное воспоминание «Опыт применения американских методов в нефтяной промышленности», капитальный труд «Золотая промышленность в США» (позже напишет второй том), множество статей для журнала «Золото и платина».

В январе 1930 года Серебровский провел в Иркутске Всесоюзную конференцию по золоту; потом поездил по приискам и приехал в Москву: решался вопрос о его

третьей поездке в США. Была и другая причина, приведшая его в столицу...

В начале апреля он уже был на пути к Нью-Йорку. На этот раз прием ему оказали не из лучших: запретили сойти на берег и отправили на карантинный «Остров слез». Возможно, сыграло «злопамятство» Г. Гувера, избранного за год до этого президентом США. После унизительного допроса Серебровского все же впустили в страну. И снова бесконечные поездки по рудникам и приискам, а главное — по заводам, выпускающим оборудование для золотой и цветной промышленности. Новые встречи и знакомства, новые сделки и контракты.

Командировка была рассчитана на год, но оборвалась неожиданно в ноябре. В штате Юта Серебровский занемог и слег в больницу: открылась язва желудка. Сказались перенапряжения и лишения всех предыдущих лет. Отлежавшись, Серебровский отправился в Нью-Йорк, где его госпитализировали. Там его ждала телеграмма председателя ВСНХ Орджоникидзе. Обеспокоенный болезнью Серебровского, Серго предлагал бросить все дела и возвращаться на родину. Дружеское внимание Серго помогло Серебровскому лучше всяких лекарств. Сопровождаемый врачом, он приехал в Европу. В Лондоне и Берлине подвергся новым осмотрам медицинских светил и с солидной папкой всяких анализов и эпикризов добрался наконец до Москвы.

После обстоятельного доклада Г. К. Орджоникидзе об итогах поездки в Америку Серебровский уехал на лечение в Гагры.

Пустынно и тихо в Гаграх в январе. Серебровский мучился от безделья и одиночества, вспоминал милые редкие вечера, проведенные с семьей, с маленькой дочкой Инной. Вспомнил, как непросто складывалась его личная жизнь.

...Похоронив жену, Серебровский перебрался в Москву со старенькой тещей Мариной Максимовной. По ее желанию купил ей деревянный домик на окраине Москвы и не оставлял без внимания до конца ее жизни. Себе купил кооперативную квартиру в Большом Харитоньевском. Поселил в ней племянницу, студентку Шуру, и мачеху (после смерти его отца Павла Петровича она осталась одна, без всякой помощи).

Конечно, ни мачеха, ни племянница не могли позаботиться о нем, как заботилась покойная жена. И он всерьез подумывал о женитьбе.

В Москве встретил сестру своего друга Богдана Кнунянца, с которым подружился во время недолгой совместной работы в Петербургском Совете в 1905 году. После ареста их пути разошлись, и больше они не встречались (Богдан скончался в 1910 году в тюрьме).

Сестру Богдана — Фаро знал и того меньше, по нескольким случайным и мимолетным встречам в партийном подполье, где она была связной. Теперь немолодая, она растила двоих своих детей и племянника, сына Богдана. Именно такая женщина, думал Серебровский, создаст ему, человеку непритязательному в быту, минимальные удобства. Нефтесиндикат выделил им четырехкомнатную квартиру в Малом Гнездниковском переулке, и он сошелся с Фаро гражданским браком. Но очень скоро убедился, что она не предназначена для семейной жизни. Работая в статистическом отделе ЦК, Фаранзем Минаевна была поглощена служебными делами, переложив заботы о доме на няню. Женщин такого типа называют «синим чулком». Семьи не получилось. Вскоре Серебровский уехал в Америку. А когда вернулся, произошла встреча, о которых говорят: «Судьба!»

Серебровский состоял на учете в партийной организации завода «Красный пролетарий» (на котором работал до революции). Как-то майским днем двадцать восьмого года он сидел в парткоме, когда пришла группа студентов МГУ — читать лекции рабочим.

Добродушно улыбаясь, Серебровский сказал секретарю:

— И эти птенцы будут читать нам лекции.

— А вы придите, послушайте! — задорно предложила девушка в синей блузе, с коротко подстриженными каштановыми волосами. Она без смущения смотрела на него большими карими глазами. Ее красивое лицо показалось ему знакомым.

— Не узнаете? — спросила девушка весело.— А помните, в Баку... как я съезжала с перил...

— Так это вы? — поднялся Серебровский.— Как же, как же, помню. Но вы так... возмужали...

— Возмужала? Ха-ха-ха! — закатилась девушка.

После лекции шли вместе, вспоминали Баку, общих знакомых.

— Помнится, после смерти папы вас взял к себе Самед-ага...

Да, она жила в семье наркома земледелия С. Агамали оглы, с дочерью которого, Раей, училась в одном

классе. Позже, когда Агамали оглы избрали Председателем АзЦИКа, он устроил ее литсекретарем комиссии по латинизации азербайджанского алфавита. В 1925 году поступила в Азгосуниверситет. Позже в составе группы студентов, получавших госпремию, ее перевели в МГУ, заканчивает третий курс факультета общественных наук.

— А знаете, я была влюблена в вас,— посмеиваясь, призналась девушка.

— А теперь? — машинально спросил Серебровский.

Девушка промолчала...

Были еще встречи. Настало время, когда Серебровский предложил Евгении Владимировне Лукьяновой, как говаривали в старину, руку и сердце. Она обещала подумать.

Дел было невпроворот. Серебровский готовился к поездке по стране и некоторое время не виделся с Женей, ожидая ее решения. Но черно-желтый «бьюик», подаренный ему в Америке, каждый день останавливался перед общежитием, и шофер передавал ей записку и цветы.

А однажды привез цветы обратно.

— Уехала Евгения Владимировна.

— Куда уехала? — поразился Серебровский.

В МГУ ему сообщили, что Лукьянова досрочно сдала экзамены, оформила годичный отпуск и уехала.

Встретились они поздней осенью в Хабаровске!

— Женя, почему вы убежали? Даже не предупредили...

— Не хотела огорчать. Я написала маме в Тифлис, что выхожу за вас. Она прислала отчаянный ответ. Мол, ты с ума сошла. Какая из тебя жена Серебровскому? Он — высокое начальство, а ты еще ребенок, студентка... Ну, я и убежала... Не от вас убежала, от себя...

Серебровский привлек ее за плечи и обнял.

18 октября 1928 года они зарегистрировали брак и вернулись в Москву супругами.

Зимой 1929 года, пока Серебровский ездил по Алдану, Евгения Владимировна экстерном сдала госэкзамены, получила диплом и в апреле вместе со всеми сотрудниками «Союззолота» последовала за мужем в Иркутск.

В начале февраля 1930 года они приехали в Москву, Евгения Владимировна ждала ребенка. 21 февраля Серебровский, теребя букет, сидел в холле роддома. Наконец его порадовали — родилась дочь...

Где бы ни был Серебровский, он продолжал следить

за делами «Азнефти». Планом первой пятилетки предусматривалось, что в 1932/33 операционном году суточная добыча должна составить тридцать восемь тысяч тонн. Но уже 1 апреля 1931 года добыли тридцать восемь тысяч сорок девять тонн. Серебровский радовался успеху «Азнефти», ведь в ней столько и его сил и труда. Конечно, не случайно в списке пятидесяти пяти нефтяников, награжденных орденом Ленина, стояла и его фамилия.

В числе награжденных были и его друзья, начальники «Азнефти» М. В. Баринов и «Грознефти» И. Н. Опарин. Оба к этому времени работали в Москве. Опарин стал членом правления «Цветметзолото», а с 1933 года — заместителем Серебровского, Баринова в конце 1932-го назначили начальником «Главнефти».

Тридцать первый год был знаменательным и для золотой промышленности — она пошла в гору. Весной того года Серебровский выехал в Иркутск, а затем на Алданские рудники. Теперь он приспособил для поездок большой четырехосный вагон, который называли «таежным штабом». В нем помещалась походная канцелярия, «гостиница» для инженеров и директоров рудников, прибывавших с докладом, радиостанция для оперативной связи со всей радиосетью и с Москвой, медпункт с врачом-хирургом. Евгения Владимировна тоже поехала с ним, оставив годовалую дочку матери.

Но «таежный штаб» не мог добраться до рудников, далеко отстоявших от железной дороги, а Серебровский не удовлетворялся докладами, хотел непременно сам побывать на местах, увидеть все своими глазами. Иногда он пользовался стареньким аэропланом, но чаще добирался на машине, на нартах или верхом. Эти поездки не обходились без происшествий, едва не стоивших ему жизни. Однажды, когда он возвращался с Алдана, на перевале его застиг буран, дорога испортилась, Серебровскому дали лошадь, и он верхом добрался до реки Чулман. Лед на реке трещал, и Серебровский вместе с лошадью провалился в воду. Лошадь утонула, а его снесло вниз по течению. Хороший пловец, он сумел выбраться на берег.

В другой раз на тракте перевернулся «фордик». Шофер и сопровождавший Серебровского инженер успели выскочить, а он, неповоротливый, в огромном тулупе, оказался под перевернутой вверх колесами машиной.

— Должно, помер,— слышит голос шофера.— Даже не ругается. Царствие ему небесное.

Серебровский рассмеялся...

Реорганизация промышленности продолжалась. Объединение «Цветметзолото» перевели в Москву, а в Иркутске осталось его отделение «Востокзолото».

5 января 1932 года ВСНХ был преобразован в Наркомтяжпром. Серебровского назначили одним из заместителей наркома, возложив на него руководство цветной металлургией, золото-платиновой промышленностью, производством редких металлов.

К тому времени золотая промышленность стала подлинной «кузницей валютной мощи страны». О ее успехах Серебровский рассказал в своем выступлении на XVII съезде партии, 27 января 1934 года.

«...В течение последних пяти лет заботы нашей партии о золотой промышленности были чрезвычайно велики,— говорил Серебровский.— Для золотой промышленности наша партия сделала больше, чем для других отраслей, и результаты теперь сказываются. За этот год прирост золотодобычи у нас 142,4 процента. Это самый большой прирост среди отраслей тяжелой промышленности. Вся армия золотничников дралась неослабно и пришла к победам. Это тем более замечательно, что, по последним сводкам мировой прессы, отмечается значительное снижение добычи по главнейшим золотодобывающим странам. Несмотря на это, общемировая добыча золота в тридцать третьем году дает увеличение. Буржуазная печать вынуждена признать, что недобор золота в капиталистических странах покрывается за счет мощного роста советской золотопромышленности...»

С законной гордостью говорил Серебровский о рудниках и приисках, построенных на земле, где до революции ничего не было, о драгах, экскаваторах, паровых лопатах и прочих механизмах, пришедших на смену ручному труду, о новых американских фабриках, новых поселках и дорогах.

«В великолепном здании растущего социализма мы занимаем маленькое место, небольшой уголок, но золото — это валюта, оно в руках партии и рабочего класса является немаловажным фактором для быстрого осуществления нашего колоссального строительства...»

Даже став заместителем наркома, Серебровский не изменил своему обычаю ездить, забираться в самую глухомань. Это стоило ему здоровья. Летом тридцать четвертого года дала знать старая болезнь. Орджоникидзе увез Серебровского в Кисловодск, а оттуда заставил поехать в Сочи, поручив Евгении Владимировне следить за его

лечением, не разрешать заниматься делами. Подлечившись, Александр Павлович вернулся в Москву. Его заместитель И. Н. Опарин сдавал в это время экзамены на горного инженера. Дождавшись его возвращения, Серебровский выехал в Казахстан.

Там на руднике услышал по радио страшную весть: Киров убит!.. Серебровский не находил себе места. Кто осмелился поднять руку на Мироныча, любимца партии и народа? Мог ли подумать он, что выстрел, прогремевший в Смольном, вызовет к жизни тысячи ответных выстрелов, и один из них — в него!..

Осенью 1935 года Серебровский ездил по стране, контролировал выполнение годовой программы, проводил стахановские совещания в Якутии, Сибири, Казахстане, Челябинской области. Оставался Урал, и тут болезнь снова скрутила его. Отлежавшись на дальнем руднике, добрался до Челябинска, где стоял его вагон. Там Александра Павловича ждал профессор А. Д. Очкин, присланный Серго: кто-то дал ему знать о болезни замнаркома. Осмотрев Серебровского, профессор заявил, что нужно оперироваться, и вагон-штаб двинулся в Москву. В Свердловске Серебровский узнал, что накануне, 14 ноября, в Кремле состоялось Всесоюзное совещание передовиков стахановского движения, и наотрез отказался ехать дальше, пока не завершит «стахановскую кампанию». Профессор сдался и последовал за Серебровским на комбинаты, присутствовал на совещаниях и даже сам выступал. Вернувшись в Свердловск, Серебровский участвовал в работе краевого совещания стахановцев...

Александр Павлович медленно открыл глаза. Возле кровати сидел Орджоникидзе.

— Ну, проснулся? Какой молодец Очкин! Ловко тебя вызволил. Четверть желудка отсек. Еще бы немного запустил...

— Да уж... Теперь выкарабкаюсь. Спасибо, что пришел. Что нового?

— Саша, дорогой, дел много, надо поправляться быстрей. Тут вот какой торжественный прием в Кремле готовят работникам золотой промышленности. И как же без тебя?..

Серебровский не попал на этот прием. Он лежал в больнице и диктовал жене книгу «На золотом фронте». Вслед за ней он написал книгу «На нефтяном фронте», посвятив ее Г. К. Орджоникидзе, которому в октябре 1936 года исполнилось пятьдесят лет. Через четыре

месяца, 18 февраля 1937 года, Г. К. Орджоникидзе не стало.

Серебровский слышал кое-что о размолвке между Орджоникидзе и Сталиным, и страшные мысли лезли в голову. Киров, теперь Орджоникидзе. Из трех друзей остался он один...

Летом Серебровского привезли из поездки тяжелобольным. Положение было критическим: запущенный левосторонний плеврит.

Евгения Владимировна каждый день ходила к нему в Кремлевскую больницу. Однажды привела дочь — прощаться с отцом, не предполагая, что эта встреча станет действительно прощанием.

Поздно ночью 22 сентября Евгению Владимировну разбудил резкий звонок. В последнее время часто среди ночи в их большом доме на Грановского раздавались такие звонки. Люди в сером выводили из подъезда и усаживали в машины-фургоны с надписью на борту «Мясо» или «Хлеб» кого-то из тех, чьи имена знала вся страна.

Звонки настойчиво повторялись. Евгения Владимировна накинула халат, поспешила в переднюю, но вдруг до нее дошло, что звонит правительственный телефон — «вертушка» в кабинете мужа. Один испуг сменился другим, еще более страшным.

«С Сашей что?..» Опасливо подняла трубку:

— Алло...— И услышала в ответ:

— С вами будет говорить товарищ Сталин.

У нее перехватило дыхание. «Сталин?! В такое время?»

— Здравствуй, Женя,— послышался в трубке тихий и неторопливый голос.— Как ты поживаешь? Как самочувствие Саши?

— Спасибо, товарищ Сталин, ему лучше. Сегодня Очкин сделал ему резекцию легкого, профессор говорит, кризис миновал.

— Так,— произнес Сталин.— Ты передай ему, что мы решили назначить его народным комиссаром цветной металлургии.

— Спасибо, товарищ Сталин, передам...

Неожиданный звонок Сталина, весть о новом назначении мужа так взволновали Евгению Владимировну, что она не могла больше уснуть. Насилу дождалась утра.

В больнице, волнуясь, рассказала Александру Павловичу о ночном звонке Сталина. По бледному лицу мужа прошла тень.

— Представляешь, назвал меня по имени, на «ты»...

— Он ко всем женам наркомов так обращается... у него есть список их имен,— рассеянно ответил Александр Павлович. Весть о новом назначении встревожила его как дурное предзнаменование. Вот и его заместителя Ивана Опарина тоже «повысили», в марте назначили управляющим «Башнефти», а недавно арестовали в Ишимбае. Возможно, вокруг действительно много замаскированных врагов. Все может быть, в трудное время живем, одни в капиталистическом окружении. Чужая душа потемки. Но такие верные ленинцы, как Бухарин, Рыков, Томский и многие другие... нет, не верится! Ну а его близкие друзья Ваня Опарин и Миша Баринов, какие они «враги народа»? Он же знает их как самого себя, головой поручиться может. Что же это происходит? Страна на таком взлете, а ей подшибают крылья. Как ОН допускает такое?..

В ночь на 26 сентября А. П. Серебровского вынесли на носилках из больницы и увезли на Лубянку.

В ту же ночь явились домой с обыском. Упорно искали золото. Но, кроме обручального кольца жены и именных часов, подаренных ему Азревкомом, у начальника «Главзолота» не оказалось ни одной золотой вещицы. Только книги, книги, книги. В сундуке — старая шинель с черными нефтяными пятнами.

Комнаты опечатали, оставив семье спальню и кухню.

Утром Евгения Владимировна в отчаянии кинулась в Кремль, на Лубянку, в Наркомат. «Как же так,— недоумевала она,— ведь сам Сталин звонил, поздравлял...» В ответ — молчаливые взгляды: пустые, равнодушные, сочувствующие, испуганные.

Евгения Владимировна решилась на отчаянный шаг: сорвала «пломбу» с опечатанного кабинета мужа и по «вертушке» позвонила в секретариат Сталина. С ним не соединили. Но не прошло и часа, как примчались люди с Лубянки, опечатали квартиру, а Евгению Владимировну с матерью и дочерью переселили в подвальную комнату.

Евгения Владимировна не угомонилась, звонила куда могла, обивала пороги. Добилась приема у наркомвнутдела Ежова, требовала разобраться, освободить мужа.

За ней пришли в ночь на 7 ноября. Инна с криком обняла мать, вцепилась в ее шубу. Девочку отодрали силой. Бабушке крикнули: «Уходи, старуха, и забирай свою собачонку». Александра Георгиевна поспешила увести Инну: это спасло ее от спецдетприемника, где детям «врагов народа» меняли имена и фамилии: отречься, забыть родителей!..

Евгения Владимировна вернулась из ссылки в конце 1947 года и сразу написала Сталину письмо с просьбой разобраться в деле Серебровского, отдавшего партии и государству «весь пламень преданного сердца». Ответ не заставил долго ждать: ее сослали еще на десять лет. Тогда она так и не узнала, что А. П. Серебровского расстреляли по приговору «Особого совещания» 10 февраля 1938 года.

В чем конкретно его обвиняли? Пока неизвестно. Возможно, и ему предъявили пресловутую 58-ю статью: измена родине, шпионаж в пользу империалистических разведок, участие в антиправительственном заговоре... Суть не в этом, Серебровский был обречен как один из тех, кто начинал строить Советское государство вместе с В. И. Лениным, был дружен с Кировым и Орджоникидзе...

* * *

Читатель, мы познакомились с жизнью и трудовой деятельностью А. П. Серебровского, руководившего созданием и становлением двух крупнейших социалистических хозяйств — «Азнефти» и «Союззолота». Одновременно на их же примере стали невольными свидетелями того, как складывалась бюрократическая командно-административная система, втягивавшая в свою орбиту всех. Не избежал ее давления и А. П. Серебровский. Но мы смогли увидеть и то, как он пытался сопротивляться этому давлению, лавировать, противоборствовать, искать пути преодоления бюрократического руководства «семи нянек», превративших «Азнефть» в «дойную корову»; как он, вырвав «Союззолото» из рук трех акционеров, перевел его из столицы на восток, ближе к рудникам и приискам, и многое другое.

А. П. Серебровский — один из тех, кто в те годы добивался таких методов хозяйствования, которые сегодня считаются нормой: хозяйственная самостоятельность предприятий, их свободный выход на внешний экономический рынок, право самостоятельных операций, совместное предпринимательство и сотрудничество с зарубежными фирмами. В условиях жесточайшей нищеты и нехваток тех лет он стремился уделять приоритетное внимание социальной сфере.

Не все и не всегда удавалось А. П. Серебровскому, но и то, что успел сделать в своей жизни, сближает его с нами, с сегодняшним днем.

СОДЕРЖАНИЕ

Наджафов Г. Д.

Н117 Весь пламень преданного сердца: Об А. П. Серебровском.— М.: Политиздат, 1990.— 238 с.
ISBN 5—250—00916—6

Документальная повесть писателя Гусейна Наджафова посвящена Александру Павловичу Серебровскому, его легендарной жизни и трагической судьбе, тому, как он по поручению В. И. Ленина вместе с рабочими Баку возродил промыслы и заводы, как вывез из Константинополя под носом у Врангеля тысячи его бывших солдат, как сумел добиться кредита у Рокфеллера, как способствовал срыву экономической блокады, вынудив англичан покупать русскую нефть. Автор стремился показать характер А. П. Серебровского, человека сильного, действующего граждански смело, человека большой духовной красоты, вся деятельность которого была подчинена интересам партии, интересам народа.

Рассчитана на широкий круг читателей.

Н $\frac{0902020000—062}{079(02)—90}$ 228—90

ББК 66.61(2)8

Гусейн Дадашевич Наджафов

ВЕСЬ ПЛАМЕНЬ ПРЕДАННОГО СЕРДЦА

(об А. П. Серебровском)

Заведующий редакцией *В. М. Подугольников*
Рсдактор *З. У. Устенова*
Художиик *В. Н. Пахомов*
Художествениый редактор *А. Я. Гладышев*
Тсхиический редвктор *Н. А. Шавкунова*

ИБ № 5021

Сдаио в иабор 11.12.89. Подписаио в печать 29.03.90. А00055. Формат $84 \times 108^1/_{32}$. Бумага типографская № 2. Гарнитура «Литературиая». Печать высокая. Усл. печ. л. 12,60. Усл. кр.-отт 13,44. Уч.-изд. л. 13,61. Тираж 50 тыс. экз. Заказ № 10425. Цена 85 коп.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордеиа Трудового Красиого Зиамени типогрвфия издательства «Звсзда». 614600, г. Пермь, ГСП-131, ул. Дружбы, 34.

ГУСЕЙН НАДЖАФОВ

ВЕСЬ ПЛАМЕНЬ ПРЕДАННОГО СЕРДЦА

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ